

ББК 76
А 38

Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати

АЛЬМАНАХ

Выпуск 5-6 (140-141)
2016

Редакционная коллегия:

В.В. Тулупов —
главный редактор
А.М. Шишляникова
Л.Е. Кройчик
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
А.И. Станько
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
А.Л. Факторович
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
А. Князева

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
12.09.2016. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА

Владимир Тулупов

Журналистское образование нового тысячелетия 2

В НАЧАЛЕ НОМЕРА

Василий Тулупов

Отражая явления медиасферы 4

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТИКИ

Виктория Дабеза

Вирусная информация и вирусное редактирование
в сети Интернет 7

Кирилл Нестеров

Актуальные интервью 11

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Мурат Темиров

Взгляд из-за 27

Роман Корнет

Трансформация образа журналиста в американском
игровом кино XXI в. 33

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

«Калачеевские зори» 38

«Кантемировский вестник» 40

«Сельский восход» 42

ДИСКУССИЯ

Вячеслав Запорожец

О «районках», которые не дышат 44

Елена Вартанова

Журналистика – общественный институт,
который производит духовные и виртуальные ценности .. 52

Алексей Волин

Журналистика – это бизнес.
Кто платит, тот заказывает музыку 54

СООБЩЕНИЯ 57

МЕТОДИКА

Роман Баканов

«Включить мозги»: виды практической работы студентов
на занятиях по медийной критике 60

ДАЙДЖЕСТ

Убить журналиста 63

ЛИТЕРАТУРА

Йожеф Горетить

«Рациональный демонизм» Леонида Андреева.
О повести «Мысль» 68

КУЛЬТУРА

Татьяна Федоренко

Уличный театр в мегаполисе 74

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ КОЛЛЕГ 77

Владимир Тулунов

Журналистское образование нового тысячелетия

Из выступления на международной научно-практической конференции «Журналистское образование и развитие СМИ в Китае и России» (Пекин, 9 июля 2016 г.)

В мире существует несколько школ журналистики: европейская, англосаксонская, латиноамериканская, азиатская и др. Сложившаяся система подготовки журналистских кадров в российских вузах опирается на принципы Европейской школы, сформулированные в середине прошлого века в Страсбурге, и предполагает сочетание фундаментального теоретического и разнообразного практического, прикладного образования.

Подготовка специалистов на основе *федеральных государственных стандартов* оправдала себя. Впервые, в разработке ФГОС активно участвовало преподавательское сообщество, а также представители соответствующих производственных отраслей. Во-вторых, учебно-методические объединения, обобщая предложения с мест, постоянно совершенствовали структуру и содержание данных нормативных документов. Особенно важно, что госстандарты, содержащие обязательные федеральные компоненты, предоставляют достаточно свободы в формировании оригинальных учебных планов с учетом специфики специальности или направления, региона, вуза, факультета, кадрового состава.

Но прежде следует сказать о российской системе образования в целом, рассмотреть ее с точки зрения воздействия внешних и внутренних факторов.

1. По-прежнему актуальной остается проблема выбора пути: либо качественное образование для избранных, для элиты и массовое облегченное – для большинства; либо всеобщее системное обучение, ступени которого (школа – училище – техникум – вуз – послевузовская подготовка) так тесно взаимосвязаны, что позволяют поднять уровень образования в целом, реально ориентируя его на потребности науки и производства. И здесь продолжает сказываться глубинный внутренний конфликт между, как минимум, двумя цивилизационными парадигмами – западной и ортодоксальной.

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского госуниверситета.

На наш взгляд, успех реформирования образования зависит от избранной философии образовательной парадигмы высшей школы, от правильно поставленной генеральной задачи. Кого мы будем готовить: культурного, широко образованного человека, способного легко адаптироваться в специализированной среде (сочетание фундаментального и прикладного подходов), или человека, получившего набор сведений о будущей – достаточно узкой – профессиональной отрасли (сугубо прикладной подход)? С кем легче будет работодателю – с выпускником, обладающим широким кругозором и мировоззрением, обладающим базовыми знаниями, первыми навыками, умениями, которые фирма будет развивать с учетом специфики своей деятельности, или с выпускником, подготовленным для деятельности в достаточно узком профессиональном коридоре?

2. Высшее образование в настоящее время лишь наполовину финансируется государством – Россия отстает от развитых стран по доле расходов на образование из средств консолидированного бюджета РФ в ВВП. Отсюда – увеличение числа студентов, обучающихся на договорной основе, отсюда – и снижение общего уровня подготовки специалистов, а также профессиональная деградация педагогов: ведь их труд, интенсивность которого возросла, недооценивается в несколько раз по сравнению с развитыми странами.

И это на фоне небывалой и все возрастающей бюрократизации образования. Доктор философских наук профессор МГИМО Т. В. Панфилова, констатируя рождение особого слоя чиновников, поставленных над учебным процессом ради «тотального управления» им, приобретающего самодовлеющее значение и функционирующего вне зависимости от состояния образовательного процесса, справедливо заключает: «...Они будут проводить реформы во что бы то ни стало, даже если результатом реформ станет разрушение системы образования, превращение образовательных учреждений в экономические корпорации. <...> Приобретая все больший социальный вес, слой чиновников-исполнителей реформ получает власть над процессом образования, а вместе с ним и над будущим страны».

– При внедрении многоуровневой подготовки специалистов выявились новые проблемы. Под-

готовка бакалавров и магистров по системе 4 года плюс 2 года или 3 года плюс 2 года на Западе тесно увязана со *школьной подготовкой* в течение 12-13 лет. В России, как известно, одиннадцатилетнее образование. Один-два года очень важны: во-первых, они позволяют не дублировать некоторые общеобразовательные предметы в вузе, во-вторых, абитуриенты действуют более сознательно при выборе того или иного направления: социализированная молодежь более ответственно подходит к процессу образования. Сегодня первые два-три года наши вузы тратят на переобучение студентов: ведь уровень элементарной грамотности абитуриентов заметно снизился, и это – общая тенденция, связанная с тем, что дети стали меньше читать, что из школ уходят опытные педагоги и т. д. А ведь именно умение грамотно и образно писать, ассоциативно мыслить, оформлять логику рассуждений в письменную или устную речь – одна из базовых составляющих мастерства журналистов.

Что же касается профессиографической модели журналиста, то она может быть представлена с учетом двух подходов к определению профессионализма в журналистике. Согласно первому, основу профессиональной деятельности журналистов составляют *мастерство и творческие способности*, реализация которых невозможна без проявления природного таланта и призвания к профессии, согласно второму – профессионализм приравнивается к *технологизму*, предполагающему «владение в совершенстве технологией труда, знание тонкостей ремесла и умение спланировать свою деятельность так, чтобы она была полезной для других людей».

Гуманистическое понимание профессионального отношения к своей деятельности, способствующее не только творческому саморазвитию личности, но и прогрессу всего общества (как здесь не вспомнить и слова великого Г. Маркеса о том, что в журналистике профессионализм и этика так же неразделимы, как жужжание и муха), утверждалось параллельно с пониманием отношения к труду как к зарабатыванию денег. Выступая за системный подход к определению профессионализма, предполагающий в сфере журналистики учет не только *социокультурных, политических, экономических, технологических*, но и прежде всего – *субъективных* факторов, мы считаем, что для журналистской профессии важна *природная предрасположенность к деятельности*: призвание к духовно-практической, общественной деятельности; талант к созиданию, творчеству; гуманитарная направленность личности; физическое здоровье (динамизм, активность).

Определив «качественное ядро» профессии, возможно и необходимо сформулировать ее *универсальные, базовые константы*. Из общечеловеческих качеств, которые способствуют профессиональным

успехам журналистов, выделим: *добросовестность, трудолюбие, настойчивость, целеустремленность, находчивость, общительность, рассудительность, решительность, смелость*. Какие-то из них заложены в человеке генетически, какие-то возникают в процессе взаимодействия внешней среды (семья, улица, школа, литература, кино, искусство и др.). Для будущего журналиста крайне важны: *стремление к знаниям, ответственность, человеколюбие, справедливость, правдивость, честность, честь, доброта, терпимость*, а также *организованность, мобильность, оперативность, обучаемость*. Сегодня при обучении важно особенно нацеливать будущих журналистов на формирование *коммуникативных* (умение общаться, налаживать эффективную коммуникацию, владеть устным и письменным словом) и *технологических* качеств (умение находить факты, творчески их интерпретировать, владение современными информационными технологиями, способность выполнять разные роли и разные виды работ индивидуально и в команде).

Таким образом, вырабатывая образовательные модели, преподаватели журналистики должны подчеркивать ведущие качества, необходимые будущему журналисту: высокий уровень профессиональных знаний по специальности; инициативность, самостоятельность в принятии решений; организаторские навыки, умение работать с людьми; отличное владение письменным языком, грамотно поставленная речь; стремление совершенствовать свои знания, навыки, творческий подход к делу; знание социальной, экономической, политической обстановки и умение ориентироваться в ней и др.

При этом подготовку журналистов нельзя рассматривать вне общей ситуации в российской журналистике. А следует заметить, что она, как и вся мировая журналистика, переживает системный кризис, связанный прежде всего с тем, что в массе своей СМИ добровольно соглашаются на «обслуживание» властных, политических и коммерческих элит, игнорируя свое общественное предназначение (заниматься подобной деятельностью их явно или косвенно вынуждают издатели – владельцы, учредители). Отсюда – кризис профессии. Отсюда – снижение доверия и рейтингов, падение тиражей. Между тем важен «общественный договор» между государством, бизнесом, СМИ и аудиторией. Чтобы не действовали различные «правила игры»; чтобы все стороны приняли тезис о том, что журналистика – это прежде всего духовно-практическая и общественная деятельность и лишь затем – бизнес, политика; чтобы сами практики не смешивали журналистскую, пропагандистскую, рекламную и PR-деятельность.

г. Воронеж

Отражая явления медиасферы

Интервью с главным редактором «Акцентов»

Владимиром Тулуповым

– Осенью 2016 года исполняется двадцать лет со дня выпуска первого номера научно-практического альманаха «Акценты». А как все начиналось?

– Факультет журналистики ВГУ с 1991 года стал регулярно проводить межвузовские научно-практические конференции. И вот, после обсуждения итогов очередной конференции, выяснилось, что какая-то часть материалов коллег остается неопубликованной, а какая-то – требует более развернутого изложения, в виде статей. Тогда-то и пришла идея выпуска собственного издания. Я обратился к коллегам из МГУ, СПбГУ, УрГУ, РГУ, и они стали охотно присылать статьи, ведь специализированных журналов по журналистике выходило мало, напечататься в них было непросто. С тех пор (а за четверть века мы уже провели 27 конференций исследователей массовой коммуникации – преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью и 16 конференций студентов и аспирантов факультетов журналистики) вышло в свет 139 номеров альманаха.

– Название «Акценты» всегда дополнялось своеобразным подзаголовком?

– Да, и поначалу после слова «акценты» следовало: «Новое в журналистике и литературе». Со временем полное название стало таким: «Акценты. Новое в массовой коммуникации». Основные рубрики: «Слово редактора», «Теория и практика журналистики», «История журналистики», «Зарубежная журналистика», «Язык и стиль массовой коммуникации», «Реклама и публик рилейшнз», «Литература», «Образование».

– Так «Акценты» – это журнал или альманах?

– Конечно, это прежде всего журнал со всеми присущими данному виду издания признаками: есть четкая – годами апробированная – структура специализированного издания, имеющего строгую периодичность (сдвоенный номер выходит 1 раз в квартал) и определенный объем (около 100 страниц формата А4). Хотя и признаки альманаха сохраняются: это – широкая гуманитарная тематика (история, теория и практика журналистики, рекламы, PR, книгоиздания, литературы, дизайна, образования); это – подборка не только сугубо научных статей, но и материалов практической, в том числе учебно-методической, направленности, а также публицистических и литературно-художественных текстов, имеющих отношение к тематике и проблематике журнала или к университетскому сообществу в целом.

– То есть у «Акцентов» есть и некая интегрирующая функция по формированию межвузовской научной среды и профессионального медиасообщества в России?

– В какой-то степени. Достоверно знаю, что издание пользуется у коллег авторитетом, и я как редактор не испытываю затруднений с выпуском журнала – «редакционный портфель» всегда полон. Если говорить об авторском составе, то он поистине международный: помимо самых серьезных исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Краснодар, Барнаула, Томска, Владивостока и др., на страницах «Акцентов» нередко публикуются авторы, представляющие страны как ближнего, так и дальнего зарубежья. В свое время я даже перестал считать, сколько ученых опубликовали будущие параграфы и главы своих защищенных впоследствии кандидатских и докторских диссертаций, – достаточно обратиться к нашей подшивке, чтобы удостовериться: большинство наиболее заметных отечественных работ в сфере теории журналистики проходили апробацию в «Акцентах».

– Но не только в количестве дело, но и в персонах. Почему они охотно публикуются?

– Во-первых, у «Акцентов» сложилась репутация серьезного и в то же время новаторского издания. Во-вторых, каждый исследователь знает: если его статья действительно имеет научный интерес – она обязательно будет опубликована (за двадцатилетнюю историю не был сорван не единый выпуск журнала). При этом еще до выхода в свет бумажной версии электронный вариант выставляется в свободное пользование в интернете. Ведь мы никогда не преследовали коммерческих целей, наша задача – сугубо просветительская.

– Итак, «Акценты» отличаются от других изданий, посвященных медиасфере, стабильностью выхода, а также разнообразием. Это относится и к географии, и к тематике, и к проблематике, и к жанрам...

– А еще тем, что журнал – свободная трибуна. Критерий отбора текстов – качество мысли, профессионализм. Журнал «собирает» научное сообщество, давая возможность выступить с некими идеями как маститым исследователям массовой коммуникации, так и аспирантам, а также студентам. Главное – глубокий и интересный текст.

– Журналистика стремительно меняется, а журнал?

– Вопрос об изменениях в теории и практике журналистики – глобальный, коротко не ответишь.

Вот недавно датские ученые Томас Петтит и Ларс Зауберг, объявившие, что информационный мир движется вперед к прошлому, назвали время печати и книги «скобочным» состоянием, а нынешний период развития цивилизации – под крышей интернета – периодом, в чем-то напоминающим догутенберговскую реальность с ее властью «устности». А наше время получило определение времени «новой устности», когда пресса все меньше выполняет роль носителя истины, а определяющим в медиакультуре становится нечто эфемерное: разговоры, слухи, неформальное общение и т. п. То есть мы переживаем еще одну революцию, характеризующуюся онлайн-подходом к тексту, постоянно меняющемуся в зависимости от автора и аудитории. Нынешний текст – это текущая информация, это продолжающийся процесс, а не заверченный продукт. Кто-то скажет, что эти взгляды восходят к идее повторяющейся и усложняющейся на каждом новом витке спирали развития, которую имели в виду сторонники диалектического материализма, но в данном случае важна не проблема научного приоритета, а актуализация плодотворной идеи. Вот такие тенденции находятся под пристальным взглядом наших ученых, которые имеют возможность выступить с наиболее фундаментальными исследованиями в ежегодном сборнике «Современные проблемы журналистской науки», который факультет издает в течение уже нескольких лет. Кстати, и «Акценты» и научный ежегодник выпускаются под эгидой Академии наук региональной печати России, президентом которой является ваш покорный слуга.

– Не так давно наш факультет отметил свое 30-летие, а впереди – новая дата: 55-летие открытия специальности «Журналистика» в Воронежском государственном университете...

– Обращаясь к истории, хотелось бы выделить 1967-й год, когда в ВГУ была образована кафедра журналистики. Ее возглавил Борис Владимирович Кривенко, которому впоследствии выпала доля стать «первооткрывателем» еще двух структурных подразделений нашего факультета – кафедры истории журналистики и журналистского мастерства, кафедры практической стилистики и литературно-редактирования.

В эти же годы Георгий Владимирович Антюхин создал научный кружок по истории местной печати. Силами его участников был открыт и Музей истории печати Воронежского края, за что большая группа студентов получила грамоты Министерства. Можно сказать, что с того кружка начиналась Академия наук региональной печати России, а затем – действующая сегодня при кафедре истории журналистики и литературы Научная лаборатория региональной журналистики. В октябре прошлого года мы открыли и обновленный Музей журналистики.

Научная и научно-методическая деятельность на факультете активизировалась в 1974 году, когда отделение журналистики возглавил профессор Го-

рислав Валентинович Колосов. Продолжая уделять особое внимание региональным СМИ, воронежские исследователи обратились к поэтике публицистики, к ее жанровой природе. Назову лишь некоторые монографии, вышедшие в 1970–1980-е гг.: Колосов Г. В. «Поэтика очерка» и «Публицистика как творческий процесс», вышедшие в издательстве МГУ в 1977 г.; Стюфляева М. И. «Поэтика публицистики» (Воронеж, 1975), «Образные ресурсы публицистики» (М., 1982), «Человек в публицистике» (Воронеж, 1989); Скобелев В. П., Мущенко Е. Г., Кройчик Л. Е. «Поэтика сказа» (Воронеж, 1978); Колосов Г. В., Кройчик Л. Е., Худякова Э. А. «Корреспонденция – жанр публицистики» (Воронеж, 1987).

– Знаю, что в 1975 г. на факультете была открыта аспирантура, и что первая защита кандидатской диссертации состоялась в 1982 г.

– Да, а сегодня на факультете функционирует свой Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций. За 12 лет его работы защищено 13 докторских и около 100 кандидатских диссертаций. География соискателей: Белгород, Волгоград, Воронеж, Елец, Старый Оскол, Калининград, Краснодар, Курск, Москва, Нижний Новгород, Тамбов, Тольятти, Томск, Одесса, Оренбург, Пермь, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Уфа. Успешно защищаются и иностранные граждане из Бангладеш, Вьетнама, Ирака, Йемена, Палестины, Таджикистана и др. Кстати, с 2004 года факультет журналистики совместно с филологическим факультетом выпускает еще один журнал – «Вестник ВГУ. Филология. Журналистика», имеющий ВАКовский статус.

– По традиции, в заключение хотелось бы спросить о планах.

– Их много, ведь утверждение о том, что нет ничего практичнее серьезной теории, давно обрело характер аксиомы. Но это – в научной среде, профессионалы же (в нашем случае практикующие журналисты, рекламисты, пиармены) нередко иронически относятся к теоретическим изысканиям, доверяя больше личному опыту. Между тем серьезная, эффективная практика так или иначе ведет к обобщениям, созданию рабочих формул или моделей. Жаль, если этот процесс становится похож на «изобретение велосипеда»... Я уже высказывал мысль о необходимости создания специфической концепции прессы, базовой теории, созданной на основе конвергенционного подхода, включающей современные дефиниции независимости прессы, финансовой независимости, редакционной независимости, профессионализма в журналистике. Но любая теория начинается с ключевых понятий, с дефиниций, принятых большинством – у нас же до сих пор, например, дискутируется вопрос квалифицированного определения и разграничения журналистики и публицистики, создания адекватной классификации жанров и т. д.

Да, публицистика может трактоваться узко и широко. В первом случае предполагается создание произведений особого социального звучания аналитической и художественно-публицистиче-

ской направленности (статья, очерк, эссе), когда информация выражается в усложненной, нередко изощренной, образной форме. Во втором случае все жанры – от заметки до памфлета – составляют публицистику, как бы развернутую во времени и пространстве. Считается, что даже обычные заметки в совокупности, служа созданию новостной картины мира, несут некий публицистический заряд. Можно вспомнить о небольшой заметке, опубликованной В. М. Песковым в «Комсомольской правде» почти полвека назад, которая рассказывала о печальной судьбе реки Усманка, и именно с этой «информушки» началось целое направление в российской журналистике – экологическое.

Конечно, публицист – скорее звание, нежели профессия (публицистика предполагает постоянное наличие качественной составляющей в отдельном произведении, творчестве журналиста в целом либо у конкретного СМИ). Понятно, что понятия «журналистика» и «публицистика» могут использоваться и используются как синонимы (в контексте проясняются их значения), но в научном тексте, во избежание разночтений, важно сразу же давать дефиниции, показывать конкретные точки отсчета, углы зрения – широкие или узкие – при рассмотрении тех или иных процессов, того или иного предмета исследования.

Вот жанр – исторически складывающийся и развивающийся тип литературного произведения. Он опирается на комплекс устойчивых свойств, характеризующих разные стороны произ-

ведения – объем, тематику, степень выраженности авторского «я» и др. Кажется продуктивной мыслью, о том, что каждая эпоха обладает своей системой жанров, что признаки жанра эволюционируют. Есть завершенные (канонические) жанровые формы («чистое» интервью, «чистый» репортаж), но есть и гибкие, открытые модификациям и обновлениям, жанровые формы. Тем более, когда сталкиваешься с такими интересными явлениями, как наджанровое образование – репортажность, как двойственность интервью, выступающего не только в виде жанра, но и метода сбора информации...

Думается, в последние годы теория журналистики испытывает голод на исследования, связанные с поэтикой публицистики, с трудами, посвященными истории и практике российской журналистики XX века.

Хотелось бы, чтобы вне поля зрения не оставались и такие важнейшие научные направления, как мировая журналистика новейшего времени; проблемы журналистского мастерства; контент новых медиа, а также междисциплинарные исследования в области психологии и социологии журналистики. Кстати, все это может быть органично вписано в комплексную программу, которую факультет ведет уже четверть века. Напомню коллегам ее название: «Изучение истории, теории и практики функционирования средств массовой коммуникации».

Интервью провел Василий Тулупов

Виктория Дабеза

Вирусная информация и вирусное редактирование в сети Интернет

Аннотация: в статье анализируется феномен вирусного распространения информации, слагаемые реакции читателей на новость (индекс вирусного редактора, комментарии, ссылки) и т.п.

Вирусный редактор (ВР), по определению А. Мирошниченко, распределенное существо, похожее на нейронную сеть, каждая ячейка которой (блогер, пользователь Интернета) осуществляет микроредактуру в процессе вирусного распространения информации¹. ВР безволен, но реактивен. Индекс вирусного редактора (обозначим его как ИВР) равен количеству прочтений (П), комментариев (К) и ссылок (С), т.е. $ИВР = П + К + С$, и поскольку все эти слагаемые – по сути своей реакции читателей на новость, то предлагаем единицу измерения *реакций в час*, т.е. р/ч.

ИВР по сути индекс интереса к новости, но можно ли отследить скорость распространения в Сети этой новости? И сопоставим ли этот индекс с индексами тошноты текста (классической и академической)?

Классическая тошнота – это коэффициент, показывающий заспамленность текста самым повторяющимся словом. Определяется как квадратный корень из количества повторений самого тошнотного слова.

Академическая тошнота характеризует натуральность документа. Если в документе много различных повторяющихся слов, то показатель академической тошноты будет большим. Академическая тошнота измеряется в процентах и зависит от частоты повторения слов и объема текста. Вычисляется как отношение числа повторов самых частых слов к общему числу слов в тексте².

Высокий показатель тошноты означает, что статья написана для поисковиков (которые индексируют ее по ключевым – тошнотным – словам), а не для посетителей сайта.

Пропуск новости через множество «частных фильтров интереса» приводит к тому, что значимое повторяется, а второстепенное – удаляется. То есть высокий индекс тошноты текста (ИТТ) и как следствие снижение интереса к сообщению, на первый взгляд, неизбежны. Однако юзеры Сети эту

новость пересказывают по-своему, комментируют, добавляют нечто своё (иногда это вполне компетентное мнение специалиста), обращаются к предыстории события – и вот «коллективный разум» вирусного редактора создает идеальную «мягкую» новость: интересную всем, кому она может быть интересна, с бэкгом, мнением различных экспертов (даже из смежных сфер), соцпросом по теме, прогнозом развития на ближайшее и далекое будущее и вполне приемлемым индексом тошноты. Происходит это в считанные минуты и совершенно бесплатно. Здесь нельзя не вспомнить о новой редакции модели Шрамма, ориентированной на процессы распространения информации в аудитории массовой коммуникации: путь информационного сообщения не заканчивается на индивиду, непосредственно получившем его от коммуникатора. Шрамм предположил, что коммуникация приносит наибольший эффект, когда содержание сообщения отфильтровывается через людей или группы людей. Лазарсфельд и его сотрудники указали на то, что фильтрами в распространении информации являются «лидеры мнения», о которых речь пойдет ниже.

Таким образом, вирусный редактор – явление в журналистике, бесспорно, положительное и полезное, хотя и несовершенное. Опишем эти несовершенства более подробно.

1. Однобокость распространения информации по принципу «Like – Poste». Не всегда эти кнопки нажимаются потому, что человеку понравилось то или иное сообщение. Во многих социальных сетях – это способ просто обратить внимание «френдов» (что, вот парадокс, не всегда означает друзей) на информацию, которая шокировала, возмутила, вызвала отвращение. Со временем, правда, соцсети начали адаптироваться к требованиям пользователей. Так, например, в «Одноклассниках» появилась кнопка «Поделиться», но до сих пор, несмотря на многочисленные просьбы юзеров, нет кнопки «Сочувствую/Соболезную», когда речь идет о больных детях или погибших в различных катастрофах и войнах – люди считают кощунством нажимать в таких случаях «Класс». Лишь в феврале 2016 г. Facebook добавила пять новых эмоций в дополнение к кнопке «нравится»: «супер», «ха-ха», «ух ты!», «сочувствую» и «возмутительно». В самой компании называли их «реакциями».

¹ Мирошниченко А. Когда умрут газеты / А. Мирошниченко. – Москва: Книжный мир, 2011. – С. 110.

² http://wiki.advego.ru/index.php/Тошнота_текста

В сентябре 2015 г. на пресс-конференции в штаб-квартире Facebook в Калифорнии Цукерберг сказал, что компания в ближайшее время планирует ввести кнопку «не нравится». Однако она до сих пор не появилась. Ранее, в 2014 г., глава соцсети говорил, что кнопка «не нравится», по его мнению, не принесет пользу сообществу Facebook.

На наш взгляд, эта кнопка будет замедлять вирусное распространение информации, что противоречит политике социальных сетей. Любая информация с отрицательным или низким рейтингом (особенно хорошо это могут проиллюстрировать рейтинги сайтов «Кинопоиск» и IMDb для художественных фильмов) не пользуется спросом, не задерживает внимание реципиента.

2. Многие авторы вирусного редактора страдают амнезией источника, что приводит к распространению слухов и недостоверной информации. Слух, по определению Г. В. Вирена, – это передача предметных сведений по каналам межличностного общения, которые в наши дни включают и Интернет³. Недостоверность (или неизвестность) источника со временем забывается, а слухи перемещаются в долговременную память вирусного редактора как истинный факт.

На просторах Интернета можно встретить осторожные опасения пользователей относительно того, не приведет ли «адресное» распространение и редактирование новостей искусственным интеллектом (хотя вирусный редактор – не искусственный интеллект, а скорее, «коллективный разум») к созданию «альтернативной», искаженной реальности и зависимости от нее. Опасения эти небезосновательны, поскольку здесь вступает в силу социологическая теорема Тома: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям»⁴ (и в этом суть информационной войны). Казалось бы, значимость новости – случайна, и поэтому является величиной переменной, непредсказуемой. Публикуя в Сети новый пост, автор и сам не знает, насколько широкий резонанс получит его сообщение. Однако в сфере PR уже давно существует формула информационного взрыва, которую разработал Роман Масленников:

N (то, к чему вы хотите привлечь внимание) + П (парадокс, невероятность события) + ПД (повестка дня, контекст) + Ц (ценности аудитории) = Новость в СМИ (или вирус).

Месседж рядового пользователя, не знающего всех этих составляющих успеха, может стать «холодным выстрелом». Но редко не достигает цели вирус, целенаправленно созданный PR-технологами, тщательно продуманный и, самое главное, правильно «посеянный».

Исследователи выделяют особый сегмент ви-

³ Вирен Г. Современные медиа: приемы информационных войн: учеб. пособие для студентов вузов / Г. Вирен. – Москва: Аспект Пресс, 2013. – С. 25.

⁴ Цит. по: Соловей В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования / В. Д. Соловей. – Москва: Издательство «Э», 2015. – С. 22.

русного редактора – E-fluentials⁵ (если перевести дословно – «сетевые (электронные) влиятели», но чаще этот термин переводят как «активисты» или «лидеры мнений»), каждый из которых оказывает серьезное влияние на точку зрения как минимум 14 других людей. E-fluentials составляют около 10 % всех пользователей Интернета (для примера: 10 % американских пользователей Сети – это 11,1 млн взрослых людей) – вот они-то и распространяют «случайные» и «неслучайные» (целенаправленные) вирусы. От них, грубо говоря, зависит создание нашей информационной реальности.

Вопрос выявления в сети Интернет и в частности в социальных сетях, а также оффлайн людей, которые обладают высоким потенциалом для распространения вируса и от которых во многом зависит его распространение, рассматривал и Б. Герстли в работе «Изменения в исследованиях рекламы». Для этой цели Б. Герстли, применяя алгоритм SNP (Supply Network Planning), выявлял «узлы» вирусной коммуникации – участников коммуникации, наиболее активных и способных влиять на других участников коммуникации.

Естественно, в век рыночных отношений у многих E-fluentials возникает желание монетизировать эту свою способность, и они превращаются в имиджевых блогеров. Имиджевые топ-блогеры известны в основном по своей деятельности вне блогосферы. Эти люди либо считаются лидерами мнений в определенной области, либо имеют большой медиавес. Ежедневная посещаемость блогеров такого уровня может достигать 50 000 посетителей.

Один «лидер мнений» и его подписчики образуют своеобразный «блок», кирпичик вирусного редактора. Отношения внутри блока характеризуются высоким уровнем доверия, в то время как доверие аудитории к традиционным СМИ снижается. Не останавливаясь на феноменологии малых групп, вспомним неоднократно подтвержденную «теорию шести рукопожатий» (или шести кликов в современной интерпретации), согласно которой любые два человека на Земле разделены не более чем пятью уровнями общих знакомых (и, соответственно, шестью уровнями связей). На основании этого можно сделать вывод, что запущенная «лидером» информация вернется к нему (через шестой клик) отредактированной как минимум пятью пользователями Сети.

Может ли вирусный редактор без дополнительных усилий PR-технологов сделать новость значимой? Только в том случае, если упомянутый нами ИВР (количество реакций в час) достаточно высок (за нормальный, или низкопороговый, показатель можно взять то же число 14, упомянутое при обсуждении «лидеров мнений»). Для того чтобы повысить ИВР новости (и получить еще много других новостей), вирусному редактору необходимо как можно дольше удерживать в Сети максимальное количество пользователей. «Явка в вирусном ре-

⁵ www.burson-marsteller.com/Innovation_and_insights/E-fluentials/Pages/default.aspx

докторе случайна, но репрезентативна на 100 %»⁶. И хотя собственной воли ВР не имеет (единственная его «воля» – быть⁷), у него есть «приманка» для удержания юзеров в Интернете – вирусная информация (ВИ).

Смешные и милые фотографии с котятами и щенками, интересные видеоролики, тексты с тематическими подборками, рейтингами, полезными советами, мотиваторы и демотиваторы – всё это вирусная информация, распространяющаяся при помощи ссылок. Она может быть злободневной, актуальной и даже в некотором роде новостийной, но тем не менее далека от журналистики и очень близка нейролингвистическому программированию. Это тот самый «фоновый шум Интернета», о котором говорит А. Мирошниченко. Вирусная информация ориентирована на эмоции человека (смех, умиление, страх, жалость, отвращение и др.), а не на информирование. Как пишет Г. Почепцов, «воздействие на эмоциональную часть мозга отключает рациональность человека, он становится более легко подвержен новым типам поступков»⁸. Сам смысл полученной информации пользователь забывает на следующий день, но она продолжает работать с его подсознанием.

Принцип действия информационного вируса описан в книге Г. Почепцова «Информационные войны. Новый инструмент политики». Ссылаясь на работы Дж. Аркиллы, он говорит о двух типах информации: ядерной (лежит в основе любой структуры) и вторичной. Трансформация «ядра» приводит к перестройке всей структуры, которая на ней базировалась. Согласно Почепцову, существует четыре варианта такой трансформации:

- разрушение ядерной информации;
- разрушение информации вторичного порядка, которая на следующем шаге может вести к изменению ядерной информации;
- постепенная замена ядерной информации;
- постепенная замена вторичной информации.

Таким образом, информация называется вирусной не только из-за схожести с вирусной эпидемией процесса распространения, но и из-за принципа действия: подобно тому, как биологический вирус разрушает ядро клетки, информационный вирус уничтожает или деформирует ядерную информацию.

Что можно отнести к ядерной информации? Во-первых, с полной уверенностью здесь можно говорить о **базовых национальных ценностях**, четко определенных в документе «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России»: патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские

религии, искусство и литература, природа, человечество⁹. Во-вторых, **знания и представления людей**. «Целью информационной войны является воздействие на системы знаний и представлений противника. Причем под знаниями понимается объективная информация, общая для всех, а под представлениями – информация, носящая субъективный, индивидуальный характер»¹⁰.

На принципе разрушения базовой культурной информации строится технология «окна Овертона», используя которую любую немислимую идею можно превратить в общественную норму. Для этого исходная информация должна пройти 5 этапов трансформации (явно прослеживается корреляция с «теорией шести рукопожатий»): вначале она воспринимается как *радикальная*, затем становится *приемлемой*, *разумной*, *стандартной* и, наконец, превращается в *действующую норму*.

Свою ядерную информацию, свой Текст стройжайше оберегают все страны. Для этого есть два подхода:

– выстраивание «забора», который защищает (модель «замка»);

– выстраивание сильного Текста, который не боится чужих интервенций¹¹ (модель «рыночной площади»). В ходе исторического развития Советский Союз выбрал первый путь, США – второй. Однако в настоящее время Россия принимает меры, призванные контролировать порождение культурного контента (который и есть та самая «ядерная» информация). В 2014 г. был принят документ «Основы государственной культурной политики». Его авторы, в частности, заявляют следующее: «Сегодня в киберпространстве все, кто имеет доступ к компьютеру и Интернету, что-то создают и распространяют вне зависимости от образования, кругозора, жизненного опыта, знания предмета, психического здоровья и их истинных намерений. В результате информационное пространство загрязнено, и воздействие на нас этих загрязнений пока ещё плохо осознаётся, но их уже можно сравнивать с загрязнением воздуха, которым мы дышим, и воды, которую мы пьем. В этих условиях медийно-информационная грамотность населения становится одним из важнейших факторов общественного развития. Медийная и информационная грамотность состоит из знаний, способностей и совокупностей навыков, необходимых для понимания того, какая требуется информация и когда; где и каким образом получить эту информацию; как объективно ее оценивать и организовывать; и как этично использовать. Она предполагает обучение, критическое мышление и поведенческие навыки в пределах и вне профессиональных и образовательных гра-

⁶ http://www.chaskor.ru/article/sushchestvo_interneta_21588

⁷ Там же.

⁸ Почепцов Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Почепцов. – Москва: Алгоритм, 2015. – С. 101.

⁹ <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/inklyuzivnoe-obrazovanie/fgos/kontseptsiya-dukhovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitaniya-lichnosti-grazhdanina-rossii.html>

¹⁰ Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика / И. Н. Панарин. – Москва, 2006. – С. 69.

¹¹ Там же. – С. 23.

ниц и включает в себя все типы информационных ресурсов: устных, печатных и цифровых»¹².

Как видим, мысли авторов о загрязнении информационного пространства очень схожи с мыслями теолога, востоковеда, писателя Сергея Михайловича Неаполитанского, более известного под псевдонимом Сан Лайт (работы «Вирусы сознания», «Антивирусный блок сознания» и др.). И самое главное, они предлагают решение – повышать

уровень медийно-информационной грамотности населения. Кроме того, на наш взгляд, на помощь могут прийти методы психологии творчества. Мы глубоко убеждены, что противостоять влиянию ВИ можно, только развивая в себе творческое начало, которое подразумевает под собой критическое восприятие информации, неординарный взгляд на повседневные вещи, умение мечтать и фантазировать, стремление создать нечто новое.

¹² http://ruskline.ru/news_rl/2014/05/16/ogromnye_massivy_informacii_peredayutsya_na_hranenie_v_hraniliwa_ssha/

Кирилл Нестеров

Актуальные интервью

Военкор ДНР о страшных событиях украинского плена

2 января 2015 года военкору zbon.ru довелось побывать в Донецке, где он пообщался с бывшей узницей ВСУ Анной Моховой. Военный плен на братоубийственной войне Украины – ад для кошмар, побывать в котором здоровые люди не желают даже заклятым врагам. Ополченцы Новороссии считают, что лучше быть застреленными или подорваться на mine, чем попасть в руки ВСУ. Корреспондент zbon.ru в начале января пообщался с коллегой, прожившей 28 дней в украинском плену.

Анна Мохова – профессиональный журналист с большим стажем работы в печатных и электронных СМИ России, Украины и Крыма, среди которых Архитектурно-строительный журнал «АСС», дизайнерские каталоги СНГ «Стол и стул», киевский журнал «Диван», спортивные журналы о боевых искусствах и традициях «Тэнгу» и «Боевые искусства и традиции», крымский журнал о безопасности «Секьюрити PRO», газеты «Сегодня», «События» и «Тайная доктрина». С августа 2014 года работает военным корреспондентом ДНР.

В поисках истины

– Анна, почему ты стала военным корреспондентом ДНР?

– Так случилось, что я прожила половину жизни на Украине. Я окончила институт в Киеве. Помогала развивать ведущие украинские издания по строительству, архитектуре и дизайну, учредила журнал по боевым искусствам и единоборствам, в котором популяризировался здоровый образ жизни и методики саморазвития.

Моя мама родом из Киева, а отец – из России и так случилось, что эта война выступила разделительной чертой, в том числе между моими родственниками. **Мне было необходимо понять, что здесь на самом деле происходит. Поэтому я приехала сюда не только как журналист, но как человек, кровно заинтересованный в том, чтобы ситуация освещалась адекватно.**

Я видела, как одни и те же события по каналам России и Украины подавались в диаметрально противоположном ракурсе. Да и рассказы множества знакомых с разных сторон отличались друг от друга очень сильно.

Сейчас здесь происходят страшные исторические события и здесь творится История. И я считаю, что мне, как журналисту, рассуждать о ней по новостным сюжетам, интернет-блогам или с чужих слов было бы не корректно. В июле информационный абсурд в рассказах о войне достиг своего апогея, в связи с чем возникло решение приехать сюда.

– Желая разобраться в ситуации, ты продолжаешь оставаться на стороне Донбасса. Почему?

– Когда я была в украинском плену, мне задавались точно такие же вопросы: почему Донбасс, а не Киев? Все довольно просто: потому что война идет на Донбассе, а не в Киеве. Именно здесь происходят обстрелы мирного населения, больниц, школ и если бы я рассказывала бы об этом, находясь в Киеве, Днепропетровске или в Харькове, это были бы все те же рассказы с чужих слов.

По факту население Донбасса является пострадавшей стороной. На Украине был Майдан, где проходили митинги и народные выступления. Там же начались захваты зданий и полеты «коктейли Молотова». И никто не будет спорить, что именно в итоге этих выступлений на Украине пролилась первая кровь.

В Донецке и на Юго-Востоке Украины ситуация, по сути, копировала события главной площади Киева. Но на Майдане Янукович не использовал армию для того, чтобы воевать с людьми, которые выступали против него. Не использовал танки и артиллерию.

Сегодня его можно называть «предателем» и «трусом», и, возможно, если бы он действовал бы жестче, количество погибших с обеих сторон было бы много меньшим, однако можно сказать, и то, что он выдержал некие международные нормы...

На донецкий «Майдан» новая самопровозглашенная власть Украины армию отправила, не считаясь ни с международными нормами, ни со здравым смыслом. Соответственно, именно Донбасс является пострадавшей стороной и именно поэтому я оказалась здесь, в Донецке.

Но чтобы объективно разобраться в происходящем, действительно нужно побывать на обеих сторонах конфликта. Так получилось, что на этой стороне я была в качестве журналиста, а на той – в качестве военнопленной. Тем не менее, наблюдать и фиксировать какие-то конкретные вещи можно в любом качестве. Тем более, что у меня, слава богу, случилась возможность проанализировать увиденное позже, в спокойной обстановке.

Журналист на войне

– В качестве кого ты здесь работала?

– До конца июля я работала журналистом крымского телеканала. 4 августа меня пригласили работать в пресс-службу ДНР, где собралась команда людей из разных стран и с разными убеждениями. Их задачей было посещение мест обстрелов

и фиксация разрушений. Максимально объективная фиксация фактов без каких-либо наших умозаключений. Данные, которые можно было бы предъявить как свидетельства в дальнейшем.

Мы получали о фактах обстрелов из разных источников: Министерство обороны ДНР, личные контакты с ополченцами, активно сотрудничали с МЧС, пожарными, милицией и прочими структурами, которые здесь на тот момент были. Нас обеспечили транспортом и разрешительной документацией.

– Возможно ли подавать информацию объективно, не занимая позицию одной из сторон?

– Лично для меня нет принципиальной разницы, в каких условиях работать с информацией. Война или мирное время, проведение журналистских расследований или спортивный сектор. Везде есть вещи, для публикации которых необходимо тщательно и беспристрастно разобраться во всем. Касательно военной ситуации – здесь то же самое, и работают те же принципы. Разница в том, что тут от этого зависят жизни людей, ну и, конечно же, есть большие личные риски.

Украинские СМИ до сих пор ухитряются транслировать мировой общественности, что ополченцы стреляют сами в себя, и что ВСУ не обстреливают мирных жителей. Однако **есть объективные свидетельства: маркировка снарядов, их полета, количества жертв и разрушений – все это можно отследить и зафиксировать.**

Нашей задачей было присутствие на месте, по которому производились артиллерийские обстрелы. Мы фиксировали, с какой стороны прилетали снаряды, какие разрушения они произвели, собирали свидетельства населения под видеозапись, осколки снарядов с маркировкой, чтобы было возможно найти виновного.

Сейчас уже европейцы начинают немного понимать, что здесь на самом деле происходит.

На момент, когда было сформировано подразделение военных корреспондентов, европейские журналисты здесь практически отсутствовали, и было сложно им чего-либо доказать. Мы собирали фото и видеофакты, позволяющие проводить расследования. После наших публикаций на Донбассе стали появляться иностранные журналисты, и наше подразделение обеспечивало им проход в зону разрушений и военных действий.

Журналистская этика и правда необъявленной войны

– Должен ли журналист в «горячей точке» ходить в гражданской одежде и быть безоружным?

– Журналист, равно как и любой другой человек, должен соответствовать месту и ситуации, в которой он находится. Я считаю, что на этой войне понятие об этике или какой-либо морали изначально не соблюдалось. **О какой этике можно говорить, когда правительство направляет свою армию воевать с мирным населением своей же страны?**

С точки зрения украинских чиновников, получение аккредитации на территории ДНР и ЛНР незаконно и является сотрудничеством с террористами. В этом случае для того, чтобы получить доступ к информации, нужно носить военную форму.

Война на Юго-Востоке Украины – это необъявленная война. Она до сих пор официально не признана мировым сообществом.

Ситуация стала меняться, когда количество военнопленных с обеих сторон достигло критического уровня. Тогда возникла необходимость в переговорах. До этого момента украинская сторона отрицала возможность ведения каких-либо переговоров в принципе.

При этом с украинской стороны было много погибших, наличие которых не признавалось, так как они участвовали в «Антитеррористической операции», в которой по определению не может быть таких больших потерь, как на войне. В такой ситуации попадание плен – это шаг в никуда. Я это наблюдала, когда наш коллега-журналист попал в плен. Тогда и начались переговоры, что послужило толчком для создания Комиссии по делам военнопленных ДНР.

Журналисты в плену

– О каком журналисте идет речь?

– **Юрий Юрченко – французский журналист, поэт-драматург, русский писатель, который 20 лет прожил во Франции, где создал свой театр.**

Когда на Донбассе начались военные действия, он посчитал своим долгом быть здесь. Он приехал сюда и без купюр отражал события в Донецке и Славянске.

Помимо журналистских материалов он создал множество литературных произведений. Когда он попал в плен к нацгвардии Украины, это стало огромной бедой.

В то время эти нацгвардейцы как раз находилось в окружении. Они сами были в ситуации «жизнь или смерть». И, если бы своевременно комиссия не начала работу, то не факт, что он вернулся бы живым. **В плену его сделали инвалидом: его постоянно били, морили голодом и держали в металлическом шкафу, который нацгвардейцы выносили на места обстрелов, а сами прятались в укрытие.**

– Ты тоже была в плену, расскажи, как ты туда попала и что с тобой там происходило?

– Вечером 24 августа к нам поступила информация об обстреле Ханженково, и мы с напарником Алексеем Шаповаловым выехали на место.

Военкоры ДНР должны были ходить в военной форме и носить оружие, так как у ополчения не было людей для нашей охраны. При этом оружие у нас было скорее стабилизирующим фактором. Я не знаю ни одного случая, когда военный корреспондент применил бы оружие против человека.

С другой стороны, мирные жители постоянно обращались к нам за помощью. Мы помогали опе-

ративно связаться с теми, кто мог помочь вывезти детей и инвалидов.

Как представители СМИ, мы были в курсе многих событий. Одной из наших обязанностей было распространение телефонов «горячих линий» и, если мы могли кому-то помочь, мы это делали.

В Ханженково, приехав на точку, мы не сразу поняли, где проводился обстрел. Очевидных подтверждений ему не было, а жители указывали разные места. Один из местных вызвался нас проводить, и мы выехали в сторону Коммунара. В результате мы приехали на украинский блокпост, который не был никак обозначен. Там не было ни украинских флагов, ни флагов ДНР. Бойцы были одеты в разномастную военную форму без знаков различия. Так как журналистские удостоверения были у нас при себе, мы решили объясниться.

На блокпосту мы предъявили документы, после чего нас начали избивать. У моего коллеги был российский паспорт, поэтому ему досталось больше – после первого же блокпоста половина лица у него была опухшей. А после первого допроса у Алексея было сломано ребро и очень много других физических повреждений. Впоследствии мы находились с ним в одной камере, но в первые дни нас допрашивали и содержали порознь.

– Как содержали в плену, вас пытали?

– По-разному. Нас провозили по пяти разным точкам. После освобождения мои товарищи попросили меня написать книгу о пребывании в плену. В ней я описывала все эти места и условия. Книга скоро выйдет. Наверно, украинские службы смогли бы успешно конкурировать с какими-либо тургентствами в области организации экстрим-туров.

Есть много литературных произведений, в которых описываются места содержания военнопленных. Мы по очереди опробовали все эти варианты. Мы побывали и в яме, и в холодном подвале, где были долго прикованы к полу наручниками, и при непрерывном освещении и в кромешной тьме. Нас пристегивали наручниками к шведской стенке наподобие распятия – так удобнее было производить избияния.

В войсках мне грозили изнасилованием, которое не состоялось по причине объявленной боевой тревоги.

Мой напарник Алексей Шаповалов незадолго до начала военных действий планировал съездить в туристическую экскурсию по Украине. Таким своеобразным образом он как бы воплотил свою мечту...

– Вы запомнили места, в которых вы находились?

– Сначала нас с завязанными глазами возили по разным местам. Поэтому фиксировать в точности, в какой местности мы находились было практически невозможно. Тем не менее, мы старались определить местонахождение по разным признакам: расспрашивали у других военнопленных, которых видели мельком, слышали обрывки разговоров охраны, иногда из-под повязки удавалось увидеть шапки каких-то документов.

После выхода из плена мы посмотрели видеохронику тех дней и узнали, что Коммунары через пару дней после нашего пленения перешли в руки ополченцев. Там были обнаружены массовые захоронения, зафиксированные, в том числе, миссией ОБСЕ. Там тогда стоял батальон «Айдар», в руки к которому, судя по всему, мы и попали. Люди, которые нас перевозили и с нами общались, всегда были в балаклавах, поэтому мы не видели лиц.

Анекдоты и зверства «Айдара»

– То есть вас допрашивали и избивали именно «айдаровцы»?

– Не только.

От блок-поста до места нашего заключения СБУ в городе Изюме, мы побывали в пяти местах. Изначально мы попали в батальон «Айдар», потом «гостили» в подразделении, все бойцы которого, до того как пошли служить, занимались боевыми искусствами. Возможно, это была разведка, но это уже было точно не «Айдар». Мы присутствовали на поле, по масштабам похожем на летное, с большими радарными.

Затем нас привезли на шахту. Позже мы установили, что это шахта «Коммунар». **Там меня на протяжении полутора суток держали привязанной к каким-то металлическим конструкциям.** Там нас не били, но находиться в полуподвешенном состоянии, без еды, такой промежуток времени – это весьма неприятно. Последним местом, где нас держали, была комендатура в городе Изюме, оттуда мы уехали на обмен. В большинстве мест, где мы находились, мы подвергались избияниям.

Все российские журналисты – шпионы Путина!

– С какой целью вас били – хотели что-то узнать или просто «удовольствия» ради?

– По всей видимости, **в украинской армии существуют какие-то стандарты и предписания командования о том, что любой журналист, ведущий съемку на стороне ополчения, обязательно является шпионом и действует по личному распоряжению президента РФ Путина.**

Поэтому украинские военнослужащие и СБУшники, которые над нами издевались, задавали один и тот же вопрос: «Почему ты въехала на территорию Украины через незаконный въезд (пункт перехода российско-украинской границы) в Изварино?». На что я им отвечала, что, во-первых, нигде не написано, что это незаконный въезд. Там есть российская таможня и украинская, где проверяются документы.

Во-вторых, летом на многих пропускных пунктах украинской границы российских журналистов пытались не пропускать. Даже если не предъявлять удостоверение СМИ, то камера или штатив, были достаточным аргументом для украинских таможенников для создания проблем. Более того, в это время на Украину из России не допускались

лица мужского пола в возрасте от 16-ти до 55-ти лет, и на законодательном уровне это было анонсировано. **На всех российских журналистов навешивался ярлык агентов ФСБ или каких-либо других российских спецслужб.**

Именно так украинская сторона преподносила ситуацию мировому сообществу. Основными вопросами пыток были: «Кто твой куратор?», «С какими спецслужбами ты общалась?». А так как я выпускала журнал по боевым искусствам, то общаться мне приходилось с огромным количеством людей, которые не чужды и различным спецслужбам, при этом совсем не обязательно российским.

А поскольку журнал выходил на Украине, то как раз сотрудников СБУ среди них было больше всего. **Многие обвинения в точности повторяют распространенные у нас анекдоты. Вот только когда все это предъявляется тебе в качестве обвинения, то ты вдруг понимаешь, что нет достаточных аргументов, чтобы это опровергнуть.**

– То есть?

– Например, мне на полном серьезе говорили, что я агент Путина, и они с полной уверенностью считали, что я могу позвонить президенту России.

Более того, украинские военные требовали, чтобы я ему позвонила и под видеозапись сказала, что нахожусь в украинском плену, и что меня сейчас расстреляют, потому что он меня предал. Это при том, что сюда я приехала по заданию редакции и осталась здесь по собственной инициативе. Такие обвинения абсурдны, равно как и попытки заставить меня позвонить ему по телефону.

Кроме того, председатель СБУ Валентин Наваливайченко тогда официально заявил, что мы с Алексеем Шаповаловым являемся личными советниками Игоря Стрелкова по информационной политике, и этот украинский деятель с высокой трибуны объявил, что мы подписали об этом признательные показания.

Казалось бы, по статусу это серьезный человек, а сочиняет небылицы и несет их в массы...

При нормальной законодательной базе его заявления можно было бы рассматривать, как клевету.

28 на 28 за 28 – или как меняют ВСУ

– Как долго вы были в плену, и на каких условиях стороны договаривались об обмене?

– В плену мы находились 28 дней. Как стороны договорились об обмене, я не знаю, так как переговоры шли без нашего участия. Но я знаю точно, что меня искали разные люди – и крымчане и различные общественные организации, – однако реальную работу произвела Комиссия по обмену пленным, которую тогда возглавлял Виталий Герасименко.

Комиссия смогла найти контакты и войти в более-менее договорные отношения с разными структурами – как со стороны ополчения, так и с украинской.

Правда, при любом удобном случае украинская сторона пытается нарушить эти соглашения: **большинство пленных к нам возвращаются в плачевном состоянии: избитыми, покалеченными. Причем это касается не только ополченцев, но и активистов, и даже случайно схваченных мирных людей. Документы и личные вещи украинская армия пленным не возвращает.** А находиться в зоне военных действий без документов довольно опасно, так как свои же могут арестовать.

Комиссия по делам военнопленных, которая сейчас переживает не лучшие времена, разработала механизм восстановления хоть каких-то документов. Я очень благодарна ребятам, которые рисковали своей жизнью для нашего спасения.

– В чем именно был их риск?

– На любой непризнанной войне имеет место торговля оружием и военнопленными. Организовав обмены, ребята из комиссии вторглись в чьи-то финансовые интересы, что увеличило личные риски, которых и так на войне достаточно. За 1,5-2 месяца они освободили порядка трехсот человек. **Когда они выходили на передовую для переговоров, то неоднократно попадали под обстрелы. И, как это ни противно признать, их обстреливали с обеих сторон.** На все переговоры они шли без оружия, предварительно согласовав это с командирами базирующихся рядом подразделений...

– Когда вас освободили?

– Из плена нас освободили 21 сентября. Это произошло недалеко от Донецка в районе Константиновки. Формат обмена – 28 на 28. Обменивали украинских военных на как бы ополченцев ДНР. Хотя по факту, среди наших 28 человек к ополчению имели отношения только четверо, включая нас с Лешей. Остальные были гражданскими активистами, писателями и просто случайными людьми, чем-то не понравившимися украинским силовикам.

– Если правильно понял, то украинские военные позволяют себе обменивать простых мирных жителей на собственных силовиков – это так?

– Буду говорить только то, что видела своими глазами. В городе Изюм, где нас с Алексеем держали в камере, приковав к полу наручниками, за неделю до обмена к нам был «подселен» третий человек. Звали его Александр, 1962 года рождения. Его в одних трусах вытащили из собственного дома в Славянске, четыре дня избивали, требуя признать, что он ополченец с позывным Монгол.

Так долго он держался лишь потому, что когда-то в молодости воевал в Афганистане, где испытал на себе разные вещи. После продолжительных избиений он вынужден был оговорить себя и еще нескольких своих знакомых, также мирных жителей. Он старался называть тех мужчин, которые уже уехали из Славянска и тех, кто могли выдержать многочисленные побои.

В результате, по его наводке в Славянске был

взят парень, которого тоже пытали, и он признался в «содействии» этому, так называемому, Монголу. Остальные **заклученные – простые граждане, из которых даже не все разделяли взгляды ДНР и не имели совершенно никакого отношения к военным действиям, но их держали в плену и обменяли на украинских военных.**

Что касается содержания военнопленных в условиях военного времени, учитывая, что война никем не признана и никакие международные нормы там не действуют, можно сказать, что в Изюме с нами обращались жестко, но корректно.

Более того, я благодарна некоторым изюмским сотрудникам, которые старались нас поддержать, давали какие-то книги, бумагу и ручку.

Человеку из мирного пространства наверно будет сложно это понять. **Мы находились в летней одежде в подвале, а на улице было три градуса тепла.** При этом кормили по утрам и вечерам, и то не всегда. Замечу, что еды не хватало не только заключенным, но и самим военнослужащим, которые за нами присматривали.

В туалет выводили также дважды в сутки по три минуты. Над головой были постоянно включены лампы дневного света... Но нас не забили до смерти, мы не сошли с ума, да и с голоду никто не умер...

Во всех этих условиях возникают обидные случайности, в результате которых пленные погибают. Например, украинские военные после первых пяти дней допросов, пыток, и итогового подписания протоколов, продолжали надеяться на то, что мы можем сознаться в том, что мы агенты ФСБ или других спецслужб России. Для этого **по ночам они врываются в наши камеры и стреляли из автоматов поверх голов.** Таким способом они пытались выбить из нас случайное «откровенное» признание.

Подобные методы дознания применялись не только к нам, но и ко многим заключенным вне зависимости от степени их «вины».

В одной из соседних камер сидела красивая девочка лет двадцати, она общалась с охранниками и старалась помочь: мыла посуду и помогала в приготовлении пищи. Как-то ночью ее случайно убили выстрелом в грудь – то ли патроны ока-

зались не холостыми, то ли случайно выстрелили ниже, чем хотели. Смерть наступила практически мгновенно. Это происходило возле нашей двери. После чего ее тело увезли в неизвестном направлении.

Тогда мы думали, что нас тоже расстреляют, чтобы убрать свидетелей, но этого не произошло. В охране стояли все-таки вменяемые люди, и их роковая ошибка никак не отразилась на нас, а человек, который произвел выстрел, был отстранен от работы.

Информационную войну на украинской территории проиграла все-таки Россия

– Если говорить об информационной войне, есть ли в ней какие-нибудь правила?

– А есть, кому их устанавливать?

Несмотря на то, что невозможно, находясь здесь, оставаться совсем нейтральным, журналистам не стоит забывать свое прямое назначение. **И, если уж говорить об информационной политике, то я считаю, что информационную войну на украинской территории проиграла все-таки Россия.** Очень большой объем необъективной информации попал в прессу, и мы сейчас вынуждены разгребать последствия этих вбросов. Непосредственное назначение военкоров – донести объективную информацию.

– Почему ты уверена, что мы проиграли информационную войну?

– Я была в плену, видела бойцов. **Люди искренне не понимают, что на самом деле происходит, не понимают, для чего мы работаем. В итоге проигранной информационной войны рвутся дружеские связи, рушатся семьи и брат идет войной на брата в самом буквальном смысле слова.**

У меня есть много родственников в Киеве, с которыми мы уже давно не общаемся и даже не переписываемся. У моего брата жена киевлянка, у нее две сестры в Киеве, которые всегда были объективными и воспринимали местную пропаганду критически. Но сейчас они близки к тому, чтобы считать нас врагами.

Мои друзья и родственники считают меня шпионом. Еще год назад это было бы дико как для меня, так и для них.

Инесса Артамонова: «Воина на Донбассе диктует и свои особенности, и свою журналистику»

Кто представляет журналистику Донецка, и какие изменения в региональные СМИ принесла война, рассказывает доктор наук по социальным коммуникациям, профессор, заведующая кафедрой журналистики, декан филологического факультета Инесса Михайловна Артамонова.

МИА: Инесса Михайловна, скажите, какова же сегодня численность населения в ДНР?

– До начала войны Донецкая область насчитывала около 4,5 миллиона человек. Но так как ДНР принадлежит ее меньшая часть, то, если верить СМИ, здесь проживают около 2 миллионов.

МИА: Расскажите, пожалуйста, о Вашем университете.

– Наш университет был основан еще в 1937 году как Сталинский Педагогический институт, а одним из факультетов являлся и наш филологический. Сегодня в университете обучаются более 8 тысяч студентов, среди них много бывших ополченцев. Наш факультет входит в тройку самых востребованных. На нем ведется подготовка по восьми специальностям – русский язык и литература, украинский язык и литература, прикладная лингвистика, отечественная и мировая культура, журналистика, реклама и связи с общественностью, психология и педагогика. В современных условиях самыми востребованными специальностями на факультете являются психология и журналистика. Впрочем, на журналистику конкурс всегда был большим, а в последние годы, за исключением прошлого, абитуриенты подавали заявлений больше, чем на юридический факультет.

МИА: С чем это связано?

– В Донбассе было зарегистрировано около полутора тысяч только печатных изданий. Кроме того, у нас было много сильных в основном негосударственных телерадиокомпаний, журналистика была серьезно развита, журналисты никогда не оставались без дела и всегда могли найти работу.

МИА: Много ли журналистов после начала войны осталось здесь?

– Нет. Во-первых, много донецких журналистов до войны уже работали на центральных телеканалах Киева и в редакциях общеукраинских газет. А те, кто работал в Донецке, уехали. Сначала уехали потому, что руководство практически всех областных СМИ – газет и телеканалов — предпочло эвакуировать свои издания. Обустроившись на новых местах, не все рискнули вернуться. Из тех, кто сначала уехал, а с началом войны вернулся обратно – это Сергей Карпий, который имеет высокую телевизионную награду «Телетриумф». Вернулся руководитель департамента новостей телеканала «Украина» Александр Мозговой, который фактически был лицом канала – одним из лучших ведущих новостей. Сегодня они работают в Донецке на Первом республиканском канале. Вернулась Ольга Гальская – Заслуженный журналист Украины, которая работала редактором одной из ведущих донецких областных газет.

МИА: Как вы думаете, почему основная масса донецких журналистов уехала, а вернулись и остались только единицы?

– Вы знаете, удивительна «мутация», которая произошла с нашими донецкими журналистами, уехавшими из Донбасса. Я много думала над этим, потому что этот вопрос меня очень сильно волновал. Связываю это с таким же процессом, который происходит сегодня и в России. Его распространение можно сравнить с ржавчиной или раковой опухолью. Речь идет о зарубежных некоммерческих общественных организациях, которые подкармливает Америка. У нас в Донецке тоже были такие

организации, например, «Пресс-клуб». В процессе их работы к нам из Киева и западных регионов приезжали и выступали журналисты националистического толка. Они читали лекции и постоянно проводили тренинги. Некоторые преподаватели нашей кафедры тоже подрабатывали в этих организациях, хотя ведущими всегда были именно националисты. В итоге вышло, что сознание коллег за деньги, получаемые ими за работу в НКО, необратимо трансформировалось. Вся программа работы таких организаций направлена против России: их главная цель – не столько привить аудитории любовь к Украине, сколько взрастить ненависть к России.

МИА: Если правильно Вас понимаю, то работу зарубежных НКО можно было назвать «раскачиванием лодки в сторону русофобии»?

– Да, именно так. Тем более что перед началом войны эти настроения в их работе уже ярко проявлялись. Я думаю, что в этих организациях велась весьма тонкая психологическая работа с применением современных манипулятивных технологий. Хотя эти лекции и тренинги посещали наши вроде как профессионалы, они явно не замечали, что с ними тоже проводилась определенная работа. А ведь это были филологи-русисты – люди, воспитанные на русской литературе и культуре. После работы над ними западных НКО они стали люто ненавидеть Россию, хотя раньше у них этого деструктивного чувства не замечалось. Объективных причин для ненависти, я считаю, нет, поскольку последние годы Россия нами особенно не занималась. Она работала только с высшим руководством страны, надеясь, что «все под контролем», а с народом практически не работали, в отличие от американцев.

МИА: То есть, русофобия на Донбассе взрачивалась снизу?

– Да, и исключительно за счет НКО. Я в этом абсолютно уверена, поскольку, когда все это случилось, я стала думать, «почему мои коллеги так поступили?» То же самое было и с практикующими журналистами – все коммерческие издания, в которых они работали, в той или иной степени финансировались через эти самые некоммерческие организации (интернет-издание «Остров», «NGO», «Ура-информ» и др.).

Удивление от обратного

– ...Тот же самый Сергей Карпий, который вернулся из Киева в Донецк, учился в нашем университете. Он к нам пришел украиноязычным мальчиком, и у меня с ним были даже дискуссии. Поскольку регион у нас русскоязычный, то и пресса русскоязычная. Я старалась ему объяснить, что ему полезно изучить также русский язык, поскольку, возможно, придется работать и на нем. Он поначалу яростно защищал мову, искренне считая, что здесь Украина, и только «українська мова тут мусить бути». Я отвечала, что украинский язык мы должны знать и знаем, потому что мы живем

в Украине, но регион-то у нас русскоязычный, и здесь живут русскоязычные украинцы, говорящие по-русски. «Никто тебе рот не закроет в связи с твоим украинским языком, – говорю ему, – но тебе для себя и своей будущей работы необходимо знать и русский язык». Мы с ним об этом спорили неоднократно, и самым удивительным оказалось то, что когда он начал работать на телевидении, то говорить ему пришлось только на русском языке. Как видите, он сюда вернулся и ведет репортажи на русском языке. Сначала он работал здесь на телеканале «Украина», который был областным, а со временем стал всеукраинским каналом.

Когда редакция ТРК «Украина» переехала в Киев, в Донецке был образован ее дочерний телеканал «Донбасс», где Карпий продолжил работать. Это были сильные каналы с хорошей финансовой базой, входили в медиахолдинг Рината Ахметова. Далее вместе с каналом «Донбасс» Сергей переехал в Киев, и уже оттуда после начала войны вернулся в Донецк.

Есть еще один известный журналист – Руслан Мармазов. До начала войны он был пресс-секретарем футбольной команды «Шахтер». И вот, Руслан Мармазов, высокооплачиваемый специалист, пресс-секретарь знаменитой футбольной команды, переехавшей в Киев, по идеологическим соображениям уходит со своего поста, о чем публично заявляет на телевидении. Сейчас он периодически выступает на наших и российских каналах, но основную часть своего времени работает в благотворительном фонде «Юго-Восток».

Так что, есть люди, которые из идеологических соображений покинули хорошо оплачиваемые места работы и вернулись домой.

МИА: И много таких?

– В результате войны Украина начала разрушать нашу систему образования, стараясь перетянуть на свою территорию все наши вузы. Например, в Виннице есть клон Донецкого национального университета. Такой же клон на Украине имеется и у Донецкого университета экономики и торговли. По такому же принципу все донецкие и луганские вузы обзавелись своими клонами, в которых работает много наших преподавателей. Выезд от нас был делом сугубо добровольным: никого не увольняли и не исключали – каждый делал выбор сам. С нашего факультета выехало много преподавателей: большая часть с кафедр украинского языка и литературы и половина с кафедры журналистики. Есть в нашем вузе и такие кафедры, которые остались здесь в полном составе. Как говорится, нет худа без добра: произошла перегрузка, и пришли молодые преподаватели-энтузиасты. На кафедру журналистики пришли наши талантливые выпускники, практикующие журналисты, весьма активные и энергичные специалисты. Пусть они еще не доктора и даже не кандидаты, но они любят свою работу, свой вуз и свой край, и уже показывают в ней существенные результаты.

Ненависть к России здесь воспитали за 20 лет

...Самая главная особенность войны на Донбассе заключается в том, что это неординарная гибридная война, она диктует и свои особенности, и свою журналистику.

МИА: «Довоенные» студенты и их современники чем-нибудь отличаются?

– Это совершенно разные люди. До войны мы организовывали для абитуриентов курсы по подготовке к творческому конкурсу. Чтобы узнать аудиторию, я с ними вступительные занятия проводила сама. Беседовали на разные темы, в частности и о патриотизме. И 17-летние выпускники школ откровенно удивлялись, за что им любить эту страну, не стесняясь, отвечали, что они не понимают, что такое патриотизм. Я была в шоке от таких ответов. Думаю, правильно сделала, что поработала с ними: я поняла, какой «материал» и с какими мыслями мы получаем из школ на первый курс. Сегодняшние студенты и абитуриенты знают, что значит любить свой край, и к России отношение изменилось и конкретизировалось. Мне порой кажется, что здесь остались те люди, которые Россию любят даже больше, чем некоторые русские.

МИА: Как Вы думаете, с чем это связано?

– Это связано с тем, что корни у нас общие с Россией: общая история, ментальность, язык, герои, религия, культура, общая борьба, работа по восстановлению страны после гражданской, Отечественной войн, общие слава и беды. Общего больше, чем различий. Да и мы должны быть, прежде всего, верны памяти и славным делам наших отцов, дедов. Чтобы о нас не сказали будущие поколения, как упрекал своих современников украинский поэт Тарас Шевченко в исторической поэме «Гайдамаки», «славних прадідів великих онуки погані» (славных прадедов великих – внуки поганые). Уверяю, что это не ложный пафос, а логика сохранения страны, народа и мира, как мы убедились на своем трагическом опыте.

О современной профессии журналиста, нововведениях на филфаке и будущем донецких СМИ корреспонденту МИА «Новороссия» рассказывает доктор наук по социальным коммуникациям, профессор, заведующая кафедрой журналистики, декан филологического факультета Инесса Михайловна Артамонова.

Востребованность профессии

МИА: Много ли Ваших выпускников идет работать по специальности?

– Как я уже говорила, наши выпускники всегда были очень востребованы. Да, за годы существования кафедры у нас так и не появились собственные радио- и теле-лаборатории, но мне удалось договориться со всеми телекомпаниями, которые здесь были до войны. Занятия у нас проходили на территории телерадиокомпаний, и проводили их

журналисты-практики. Причем, зная направленность каждой теле-радиостанции, я выбирала программу обучения и практику от простого к более сложному. Например, курс «Телевидение», который студенты начинали проходить на третьем году обучения, мы проводили на Областном телеканале. На четвертом курсе студенты обучались уже на канале КРТ, а на пятом — на самом престижном на тот момент канале. Таким образом, наши студенты шли по нарастающей программе обучения, с каждым годом приобретая и совершенствуя свои навыки. В процессе занятий ребята работали на реальной современной технике, которая стоит в студии. В результате наши выпускники, приезжая в Киев устраиваться на работу, приходили на телеканалы с хорошей практической подготовкой. И пусть у нас не было собственной телестудии, зато была хорошо налаженная связь с теле-радиокомпаниями, которые не только обучали наших студентов, но и брали на работу выпускников.

МИА: Таким образом, теле- и радиостанции выбирали себе кадры?

– Да. Они выбирали себе кадры и приглашали на работу тех, кто им понравился, а кого не приглашали, те уезжали в Киев уже реально подготовленными. Поэтому наши ребята везде были востребованы и сразу получали работу.

МИА: А на данный момент связь с этими каналами поддерживается?

– В Донбассе телевидение опять начинается сначала, потому что много специалистов выехало, а те, кто остался, в большинстве своем еще сами не специалисты. В этом сезоне у себя на факультете мы открываем новую для нас специальность «Телевидение». Я уже беседовала с министром информации ДНР, рассказала об имеющемся опыте взаимодействия «вуз – телеканал» и достигнутых результатах. Мне пообещали «зеленый свет». И если нам это удастся, то, думаю, у нас быстрее получится поднять наше телевидение до нужного уровня. Более того, нужно сказать, что на некоторых каналах наши студенты уже работают, даже студенты младших курсов.

Образовательный процесс

МИА: На каком языке велись раньше и ведутся сегодня занятия?

– До начала войны мы были, пожалуй, единственным украинским вузом, где изучался русский язык. Кроме того, мы были также единственным вузом на Украине, где на свой страх и риск принимали вступительные экзамены (творческий конкурс) на украинском и русском языках по выбору, и поэтому очень сильно рисковали. Так, декан факультета журналистики Луганского национального университета имени В. И. Даля, которая ушла из своего вуза еще до войны, рассказывала мне, что один из студентов в 2009 или 2010 году подал на нее в суд за то, что на факультете велись занятия на русском языке. Судебный процесс длился несколько лет. Сегодня учебный процесс организован в университете на русском языке.

МИА: А как настроены современные преподаватели?

– Оставшееся руководство наших вузов очень крепкое и патриотичное. Работаем не ради денег, почетных званий, а для сохранения образования, нашего края, нашего города. Некоторые преподаватели покинули свои родные дома и свой университет из политических соображений, некоторые из материальных. Многие остались верны своему долгу преподавателя – здесь остались студенты, здесь они и работают. Кто-то из преподавателей является активным сторонником ДНР, кто-то более осторожно оценивает происходящие события. Но нужно сказать, что большинство преподавателей, которые сейчас работают в университете, патриоты своего края и своего дела.

Это понимаешь, когда видишь, как преподаватели работают со студентами, когда за окнами слышны разрывы артиллерийских снарядов. И некоторые снаряды прилетали в аудитории университета, тогда мы прятались в бомбоубежищах. А на следующий день преподаватели вновь приходили на работу под обстрелами украинской артиллерии.

МИА: Власти молодой Республики дают развиваться вузу или держат в «ежовых» рукавицах?

– Наша новая власть, несмотря на экономический кризис, не только не препятствует развитию образования Республики, но и делает все возможное для его поддержки в сложившихся условиях. Студенты получают стипендии. Мы переходим на новые для нас российские стандарты образования. Именно в военные годы нашему факультету удалось открыть новую специальность «Реклама и связи с общественностью», в этом году мы открываем специальность «Телевидение». Другие факультеты тоже развиваются и открывают новые направления. В целом за два года войны в университете получены разрешения на открытие 26 новых направлений подготовки. Об этом в прежние годы нельзя было и мечтать.

МИА: Где и в какой форме в Донецке преподают журналистику?

– Сейчас только в нашем университете. До войны здесь был частный вуз Донецкий институт социального образования (ДИСО). Правда, последние годы он едва существовал – там не столько учились, сколько платили деньги за получение документа. В результате этот вуз закрылся, а все его студенты перешли к нам.

Нельзя лениться преподавателю – важно все время работать

МИА: А как у Вас построен образовательный процесс?

– Мы всегда стремились работать творчески – старались создавать условия для студентов, в которых они бы стремились учиться сами.

Возьмем, к примеру, курс «История мировой журналистики». Если читать его традиционно, это, наверное, скучно. Поэтому каждый год я при-

думываю какой-то новый подход к преподаванию этого предмета, стараюсь, чтобы студенты уловили современные тенденции развития западной журналистики, увидели специфику СМИ разных стран и континентов, делали выводы на основе самостоятельного сравнительного анализа зарубежных СМИ. Важно знать не только фактический материал, но и тенденции, которые сегодня мы видим в зарубежной журналистике.

Когда кафедра была на этапе становления, я сама преподавала студентам жанры и для этого разработала отдельную методику. Так, например, по жанру «репортаж» студенты должны были найти всю информацию по репортажу. Их источниками должен был быть не только интернет, но и учебники. Я им давала план, по которому они должны были собирать материалы, распечатывать и складывать в свои папки.

Следующим заданием для них было найти в газетах разные виды репортажей, сделать вырезки и подписать каждый из них. А так как репортаж включает в себя элементы других жанров, на занятиях они в своих подборках должны были узнавать и находить эти вкрапления разных жанров.

Третьим файлом в этой папке были авторские репортажи студентов разных видов, написанные по моим индивидуальным заданиям. Все выполненные задания проверяются и правятся. Затем на практических занятиях эти работы коллективно обсуждаются.

Такая работа проделывалась по каждому жанру. Создавая такие папки и защищая свои творческие работы, ребята гарантированно знали предмет. Преподавателю нельзя лениться – важно все время работать.

МИА: Почему при украинской власти в Донецке не было журфака?

– Чтобы открыть новый факультет, нужно сначала открыть минимум три кафедры, чтобы на их основе формировалась новая площадка. При новой власти в молодой Республике у нас появилась возможность и перспектива роста и развития. С финансированием пока туго, но мы понимаем, что война требует существенных затрат на оборону и восстановление разрушенной инфраструктуры.

На данный момент в ДНР всего выходит около 50 печатных изданий. До начала войны в Донецкой области только печатных изданий было зарегистрировано более 1,5 тысяч – даже в некоторых небольших странах такого нет. Тем не менее, донецкую журналистику часто критиковали на Украине, считали, что она неправильная. Критиковали за поддержку местной прессы со стороны власти, критиковали за то, что большинство газет были русскоязычными. Хорошей журналистикой считалась исключительно львовская – об этом говорили открыто и прямо.

МИА: Какое направление журналистики в ДонНУ сегодня в приоритете?

– Сегодня в приоритете телевидение и интернет-журналистика. Интернет-журналистика у нас

сейчас особенно в приоритете и в своей образовательной деятельности мы делаем на нее акцент. Направление это у нас активизировалось после того, как я защитила первую в Украине докторскую диссертацию по интернет-журналистике. Сегодня ситуация у нас довольно нестандартная: сейчас у нас в регионе работают в большинстве новые издания. Несколько газет перерегистрировались в Министерстве информации ДНР и продолжают выходить, например, «Московский комсомолец в Донбассе». «Комсомольская правда в Украине» ушла из региона, а выходит Донецкий выпуск «Комсомольской правды». Практически во всех городах и районах восстановили свой выход или начали выходить новые местные издания. Это очень важно, поскольку в некоторых населенных пунктах, где прошли кровопролитные бои и разрушена инфраструктура, жители лишены теле- и радиоэфира, и газеты вновь стали единственным источником информации.

О военной журналистике

МИА: Кто такие военные корреспонденты и в чем их отличие от гражданских коллег?

– Работа военного корреспондента достаточно опасна, поэтому подчиняется строгим правилам поведения в кадре, за кадром, со словом. Зачастую они оперируют только двумя жанрами – это короткий новостной сюжет и специфический репортаж, где внимание зрителя концентрируется на стреляющих орудиях и на руинах после боя. Это если говорить о телевизионной подаче материала. Да и в интернет-журналистике зачастую прослеживаются те же сюжетные линии, за исключением, может быть, развернутых интервью. Репортажи ведутся клишированными фразами. Это, скорее, норма работы, нежели ее недостаток, так как ребятам приходится работать в очень опасных условиях и зачастую им приходится больше думать, как выжить, нежели, как поинтереснее подать сюжет.

МИА: В Воронеже на журфаке в этом году открывается новая специальность «Военная журналистика». Собираетесь ли вы в городе, который находится на военном положении, преподавать данную специальность, ведь она здесь, как мне кажется, нужнее?

– Я считаю, что у нас стоит открыть по военной журналистике специальный магистерский курс на основе бакалавриата, чтобы на основе базисных знаний по журналистике студенты уже осознанно шли осваивать эту опасную профессию. Ваши студенты – будущие военные журналисты, могут у нас в регионе проходить практику, но, надеюсь, мир все-таки в наш регион придет раньше необходимости производственной практики для ваших студентов.

Мнение о будущем СМИ

МИА: Как вы думаете, какая участь ожидает печатные издания после появления интернет-СМИ?

– Этот вопрос сейчас широко обсуждается, и о нем горячо спорят на многих уровнях. Я думаю, что в этом случае произойдет дифференциация, когда оперативная информация, т.е. информационная журналистика, уйдет в интернет, потому что в сети можно каждую минуту что-то публиковать, но аналитическая журналистика будет еще жить

на страницах печатных СМИ. Великобритания продолжает и сегодня читать свои самые лучшие в мире газеты, и Северная Европа – Финляндия, Дания, Норвегия и Швеция – активно читает газеты. Чтобы выжить, пресса будет трансформироваться, искать новые форматы, встраиваться в современные коммуникационные парадигмы.

Андрей Филатов

На войне главное оставаться человеком

Будни военных корреспондентов полны приключений и смертельного риска. Про свою опасную работу в степях Донбасса и песках Сирии корреспонденту МИА «Новороссия» рассказал военкор сетевого агентства Андрей Филатов.

После двухлетней работы в Сирии, Андрей продолжил работу на Донбассе. Прославился своими видеороликами танковых боев, когда ставил камеры на танки и вместе с бойцами сирийско-арабской армии шел вперед, показывая истинное лицо войны.

МИА: Расскажи, пожалуйста, о своем понимании военной журналистики. Что это такое, чем она отличается от мирной гражданской профессии, кто такие военные корреспонденты?

– В моем понимании военкор – это журналист, который работает непосредственно на линии огня в зоне конфликта. Лично я в этой профессии не так давно – всего лишь пару лет, поэтому считаю, что еще не вправе самостоятельно выводить какие-то строгие классификации.

МИА: Как ты пришел к такому труду?

– Пришел исключительно из любопытства: мне стало интересно увидеть своими глазами, что же в Сирии происходит на самом деле. Тогда у нас в России оппозиция тоже пыталась сделать что-то наподобие украинского «майдана», только называлось это «Марш несогласных». Оттуда мы с другом делали прямые трансляции, чтобы показать людям то, что происходит на самом деле. До этого у меня были профессиональные претензии к работе наших федеральных каналов, освещавших подобных события. Занимаясь этими съемками, я попутно отслеживал военные конфликты, которые были на тот момент, и увидел, как пала Ливия. Не могу сказать, что я симпатизировал власти имущему классу этой страны, но тот хаос, который воцарился после свержения местных диктаторов, меня в корне не устраивал. Стало интересно, что же на самом деле происходит в Сирии. Приехав, сдружился с некоторыми офицерами, и таким образом моя поездка приобрела уже несколько личный характер. Я начал наведываться туда регулярно. В процессе полевых съемок убедился, что против Сирийского государства развязана полномасштабная информационная война.

МИА: Поделишься опытом?

— Ни одна редакция не может заставить журналиста лезть на передовую линию, так как это дело личной инициативы. Основное отличие военкоров от гражданских журналистов – условия работы. В большинстве своем военкоры – это журналисты, имеющие доступ к зоне боевых действий и транслирующие широкой общественности то, что происходит на передовой. Если корреспондент собирается в зону боев, то должен понимать величину личной ответственности и понимать, что с ним может случиться в самой гуще событий.

Всем журналистам, решившим заниматься военной журналистикой, перед тем, как лезть на передовую, желательно изучить тактико-технические характеристики вооружения. Ведь многие ребята, посмотревшись видеороликов с «боевых», лезут на передовую, совершенно не понимая, какие снаряды могут полететь в их сторону. Они даже не предполагают, что нужно делать, чтобы не погнупуть, или не получить случайное ранение. Не стоит забывать, что жизнь – штука одноразовая, и потерять ее на войне легко, особенно по глупости.

МИА: В чем различие гражданского журналиста и военкора?

– Принципиальной разницы между военкором и обычным журналистом как таковой нет. Я работал на «Паркете» – по сути, правила съемки и монтажа все те же. Сегодня интернет дает свободу подачи материала. Сейчас я понимаю, что мировая паутина заставила подвинуться даже федеральные каналы. Мне известно, что в английских вузах по моим фильмам уже обучают студентов. А коллеги из Сирии сегодня применяют мои монтажные стикеры, которые они раньше по федеральным каналам назывались «не формат».

МИА: Какие еще ноу-хау ты подарил современной военной журналистике?

– Никаких новых жанров я не изобретал. Придумывал только всевозможные крепления камер на танки. А потом аккуратно монтировал сюжеты, чтобы с одной стороны показать правду, с другой – не «спалить» позиции, на которых ребята могут накрыть ответным огнем.

Постепенно мы пришли к такой практике: поехал, отснял бой, после выходил из боя и сообщал на камеру: «Мы в окрестностях Джобара. Защище-

но десять домов. Подробности операции смотрите позже». Спустя два месяца после того, как прошел бой, мы выкладывали в сеть смонтированный ролик. То есть, мы сначала информировали аудиторию о факте боя, а спустя время показывали, как это было.

Можно сказать, что эту «фишку» придумал я, так как в нашем агентстве на тот момент никого с профильным образованием не было. У меня самого тогда не было никакого военного опыта – я не служил и не воевал.

МИА: Существуют ли какие-нибудь правила в этой профессии?

– Одна из первых заповедей журналиста на линии огня: «Не навреди людям, с которыми ты работаешь». Да, можно быть нейтральным в зоне боевых действий и не занимать чью-либо сторону, но США уже несколько лет как лишили военных журналистов привилегированного статуса в зоне военного конфликта.

Теперь любая враждующая сторона может не задаваться вопросом: «Пресса это или не пресса» и спокойно отстреливать журналистов. 21 ноября 2013-го года нас, военных корреспондентов, целенаправленно обстреляли. Это было в Харасте, мы ехали на легковой машине по обычной гражданской дороге. Снайпер стрелял мне в голову, но из-за того, что я не сидел ровно, а развалившись, пуля просто чиркнула мне по голове и убила водителя.

МИА: То есть, теория далека от практики?

– Согласно теориям по Гуманитарному праву и Гаагским соглашениям, журналист имеет право вести съемку и собирать информацию по обеим сторонам конфликта. На практике все выглядит несколько иначе. Если гражданский журналист не заходит на передовую и работает исключительно в тылу, то журналист военный имеет доступ к непосредственной линии соприкосновения и куда больше рискует. Первый из них имеет право вести съемку исключительно в тылу без доступа к вооруженным силам по обеим сторонам конфликта. Второй же является носителем информации о вооружении, технике и личном составе одной из конфликтующих сторон. Поэтому его смело можно назвать «не выездным» на другую сторону военного конфликта, потому как может оказаться «золотой находкой для шпиона» или сам будет воспринят как шпион. И если гражданский журналист имеет право остаться в стороне и появляться по обе стороны конфликта, то для военкора, который был в окопах, эта дорога закрыта.

Как только журналист принимает решение побывать на самой линии соприкосновения, то он, так или иначе, становится свидетелем этой самой линии, то есть позиций, расположения огневых средств, вооружения, и автоматически становится глазами шпионов. Бывает так, что еще «зеленый» журналист, попадая на передовую, не умеет ее правильно снимать и правильно показать. Публикуя свой материал, он «засвечивает» позиции и лица личного состава. По «засвеченным» пози-

циям противник почти сразу наносит удар. Таких случаев в начале войны на Донбассе было много. Например, когда журналист из праздного интереса и, очевидно, в погоне за рейтингом, сфотографировал блок-пост тогда еще батальона «Сомали», а ныне воинской части со сложной цифрой, и оперативно выложил в сеть свои кадры. В тот же день на этот блок-пост «прилетело», и ополченцы понесли потери, а этого журналиста проклинали на чем свет стоит. Так делать категорически нельзя. После подобных случаев ополченцы серьезно насторожились и запретили снимать свои блок-посты, а незнакомых людей, пусть даже с аккредитациями, пускать близко к своим позициям и личному составу.

МИА: У военкоров есть своя профессиональная этика?

– Главное правило для военкора – это быть человеком, чтобы военные, которые рискуют своей жизнью, и могут быть убиты в последний момент, понимали, что твоя цель не в том, чтобы снять как их убивают, и потом получить за это какие-то бешеные рейтинги. У меня в Сирии было много подобных случаев, когда рядом со мной падали убитые снайпером солдаты – я не снимал это. Один раз мы шли в атаку, взорвалась мина и нескольких парней, которых я знал, разорвало в куски. Я вместе с пацанами складывал их останки в покрывала, которые потом уносили. Я тоже этого не снимал. Меня интересовало, как они воюют, а не как умирают.

Офицер должен быть в тебе уверен. Он тоже человек – хочет спать, есть, может быть чем-то раздражен, у него может быть плохое настроение. Здесь могут быть любые человеческие проявления, заснятые в самый неподходящий момент. Например, был случай, когда приехал один журналист. Его на блок-посту пропустили, и он заснял, как танки стоят якобы без охраны, офицеры спят среди бела дня на линии фронта. «Как это так?!», – и начал над этим стебаться. Но он просто не понимает специфики происходящего. Этот журналист русский. А русский в Сирии – это много значит: его пропустили офицеры и солдаты из оцепления, пропустили именно потому, что он русский – ни один араб туда бы не проник. Он как русский прошел вперед, ему как русскому доверились – а он снял людей спящими, потом же еще обстебал. У парней ночью была сложная операция – они всю ночь воевали, после чего они просто спали. В остальном у них все нормально: везде стоят часовые.

Мы сколько раз приезжали к началу операции, а она в назначенное время не начиналась. Наступление назначено, к примеру, на шесть, мы приехали к четырем, а операция не началась. Сидим, ждем, а она все не начинается. Вышли на позиции в бронежилетах и касках, ждем. Все на изготовке на расстоянии около ста метров от линии соприкосновения. Четыре-пять-семь-восемь-девять-десять-двенадцать и только в тринадцать часов атака. Девять часов мы сидим в ожидании, кто-то спит,

кто-то что-то делает – но я же этого не снимаю со словами «вот ленивые арабы перед боем спят»!

Основное качество – это порядочность, прежде всего на бытовом и человеческом уровне и обладание чувством такта.

Из всего вышесказанного можно вывести градацию: гражданский журналист, работающий в зоне боевых действий и снимающий обстрелы из окна гостиницы; и военный корреспондент, который присутствует на линии соприкосновения и ведет съемку непосредственно с передовых позиций.

Если журналист в зоне боевых действий хочет стать военкором, то он должен понимать, кто ему в зоне конфликта симпатичнее. Направляясь сюда, я понимал, что современное украинское государство в том виде, в котором оно сейчас находится – противник моей страны. Поэтому я априори не могу сочувствовать и сопереживать противнику, который поет под дудку всемирного агрессора США.

МИА: Кроме смертельной опасности, в чем еще заключается риск работы на передовой?

– Как только решение о съемках на передовой принято, и все «гражданские мосты сожжены», то следующим шагом будет получение военной аккредитации. И даже если она будет получена, то праздновать победу все равно рано. Нужно грамотно выстроить коммуникацию с полевыми командами и личным составом – посидеть с ними в окопах и поест с ними из одной тарелки. Только после этого они начнут тебе доверять и согласятся показывать и рассказывать.

В таких условиях журналист переживает психологическую причастность и становится «одним из них», и здесь главное – остаться человеком, а не гоняться за смачными рейтинговыми кадрами. Передо мной никогда не стоял выбор денежного интереса. Когда бежал строй солдат, а по ним стреляли снайперы и я снимал, то передо мной никогда не стояло выбора: снимать или подать руку – я всегда подавал руку. Это видят, и это запоминают.

Например, вспыхнул военный конфликт в Африке, и журналист решает там поработать. Перед выездом он должен для себя сразу решить, в каком ключе он собирается там работать. Допустим, он журналист, который не принимает чью-либо сторону конфликта. В этом случае он держится подальше от передовой. Как только он попадает на передовую, то становится военкором и лишается гражданского статуса, ибо его в любой момент могут убить. Причем, на него, скорее всего, будет охота. В Сирии боевики за наши головы даже награды давали. Поэтому военным приходилось еще нас охранять, чтобы вне зоны боевых действий нас не похитили и не подстрелили.

Собираясь в Сирию именно на передовую, я практически сразу выбрал сторону, на которой буду работать, так как религиозный фанатизм в любых его проявлениях мне глубоко противен и претит мне вне зависимости от того, от кого он исходит. Я не приемлю религиозный шовинизм и фашизм. Противники Башара Асада – это религиозные фа-

шисты. Фашизм я не приемлю в политическом, в классовом и в любом другом виде. Он мне неприятен, поэтому я занял сторону сирийско-арабской армии, через которую и понял правоту правительства Сирийско-арабской республики.

Когда я приехал в Сирию, для меня что с одной, что с другой стороны были арабы. Но сирийско-арабская армия мне была ближе своим дружелюбием и религиозной терпимостью – там смотрели на то, что из себя человек представляет, а не во что он верит. На другой стороне сирийского конфликта за мой атеизм боевики меня сразу бы казнили (т. к. территория современного Донбасса по украинским меркам считается зоной т. н. АТО, то весь Донбасс украинское «правительство» считает зоной боевых действий, следовательно, все присутствующие там журналисты, по мнению все того же украинского «правительства», являются военкорами, не имеющими гражданского статуса и т. п. – прим. автора).

МИА: То есть, если журналист становится военкором, то он автоматически становится членом боевого подразделения одной из сторон?

– На мой взгляд, да. С этим можно спорить или соглашаться, но как только ты появляешься на объекте, то автоматически нарушаешь секретность. Журналист видит то, чего другие видеть не должны, особенно противник. Бывает, журналист только что-то увидел, снял и тут же выложил снятое на «ютуб». Если бы я был боевиком ИГИЛ, то подобным журналистам написал бы персональную благодарность. Потому что на таких видео опытный человек многое поймет – те же позиции армии, к примеру, и с миномета вмиг «накроет» всех, кто в этих окопах находится.

Поэтому, если едете куда-нибудь, где не знаете, что происходит, то не спешите становиться из журналиста, находящегося в зоне военных действий, военкором. Потому что как только влезете на передовую, вы становитесь лицом причастным. Соответственно вы должны понимать все риски, связанные с этим, например, когда позиции разносят в пух и прах.

МИА: В твоей практике бывали подобные случаи?

– Бывало всякое. Меня раздражает, когда военкор находится на позиции, его ранили и сразу вопль: «журналиста ранили!» Так он сам туда залез. Когда в начале апреля 2015 года меня ранили на позициях под Спартаксом, я не увидел в этом никакого «криминала» в действиях украинских военных, когда они применили ПТУР. Я просто не понял, зачем они били ПТУРом по отдельно стоящей пехоте, потому что эта управляемая ракета – «игрушка» дорогая. По пехоте можно было ударить «ЗУшкой» и отработать намного эффективней. Вот прилетела ракета – полмиллиона рублей взорвалось, а результатов никаких. Итог: один раненый военный журналист и паренек-ополченец с легким порезом от осколка – КПД этого залпа никакой.

Военный корреспондент – человек, который показывает всему миру будни войны. В этом интервью известный военкор Андрей Филатов рассказал корреспонденту МИА «Новороссия» о принципиальных различиях войн в Сирии и Донбассе, а также о специфике профессиональной кухни масс-медиа.

Андрей Филатов – военкор сетевого агентства. После двухлетней работы в Сирии продолжил освещать события на Донбассе. Прославился своими видеороликами танковых боев, когда ставил камеры на танки и вместе с бойцами сирийско-арабской армии шел вперед, показывая истинное лицо войны.

...Мы приехали в Сирию в декабре 2012-го года, когда уже все СМИ пророчили, что все уже кончено и Дамаск вот-вот падет. Все журналисты оттуда бежали, а мы, наоборот, туда только приехали. Мы начали показывать, что там происходит, и в процессе съемок сдружились с офицерами. Потом эта дружба решала много больше, чем деньги.

...Многие СМИ пытаются решить проблемы доступа к передовой линии с помощью финансовых ресурсов и используют какие-то связи. Но все спотыкаются, потому что: во-первых, в Сирии очень хорошо борются с коррупцией, во-вторых, на низовом уровне офицера очень трудно заставить взять с собой журналиста, если он этого не хочет. При мне приезжали несколько СМИ с очень крутыми «подвязками», и им мои друзья говорили: «там опасно – туда нельзя», и все – никто из них не брал с собой журналистов, потому их нельзя заставить это сделать. А меня брали, потому что уже была дружба.

...Что касается ополчения Донбасса, то здесь полный интернационал. К примеру, в подразделении Моторолы «Спарта» спокойно уживаются люди из Латинской Америки, мусульмане, христиане, евреи. Там все в дружеской атмосфере, и каких-то националистических настроений я не заметил.

МИА: Скажи, как военкор, побывавший на двух войнах: есть ли разница в специфике работы в зонах Сирийского и Донбасского конфликтов?

– Разница во всем. Это две абсолютно разные войны. На Донбассе растянутые пространства, активное применение артиллерии и противники практически не сближаются. Вот сейчас в «позиционке» идет сближение до 200-300 метров, но в основном между ними дистанция в километр-полтора.

МИА: А борьба за блок-посты, работа диверсионно-разведывательных групп (ДРГ)?

– В Сирии – летучие отряды, не ДРГ как таковые. Там местность и грунты позволяют не быть привязанным к дорогам, и на джипах можно ездить буквально везде. На Донбассе, если отъехал от дороги, машина встанет, а в Сирии пустынный ландшафт, по которому можно свободно передвигаться на автомобиле. Поэтому, там пешие ДРГ не так популярны, как здесь. Если там диверси-

онную группу заметят, то на джипах ее быстро догонят и «размолотят». Там диверсанты, в основном, работали по горам. Кроме того, в Сирии немного другая тактика применения танков. Там танки использовали не как машины штурмового прорыва, а как хирургический инструментарий, который выходит и просто разбивает хорошо укрепленные огневые точки, но на прорыв не идет, не отрывается от пехоты и не подставляется боками под расстрел из РПГ (ручной противотанковый гранатомет – прим. авт.).

МИА: То есть, танк и пехота работают, как единый механизм?

– Да. Действия одного танка прикрывают немалое подразделение пехоты. Танк – это не «выкаатило само, отработало и ушло» – в Сирии танк не может работать издалека. На Донбассе наоборот: в городах нет линии фронта, она более-менее вынесена за пределы населенных пунктов. В Сирии же основные бои идут в пределах городской агломерации.

В Сирии нет больших дистанций для боя, там триста метров считаются уже глубоким тылом, и танку там делать нечего. Как только он идет на сближение, то становится уязвимым для противотанковых орудий пехоты. По специально разработанной сирийскими военными тактике, танк должен быть постоянно прикрыт. Когда он идет в бой, то просто разбивает выявленные огневые точки и откатывается, в это время штурмовые группы пехоты вскрывают новую линию обороны и выявляют новые укрепленные огневые точки. Тогда снова подкатывает танк и разбивает их, затем отходит, и вперед снова идет штурмовая группа.

На Донбассе эту тактику негде применять – здесь, в основном, открытые пространства: танк выходит и с трех-четырех километров «накидывает», сам при этом находится в безопасности от ручных противотанковых средств и даже от ПТУРов. Правда, здесь и экипажи – и с той, и с другой стороны обучены хуже сирийских. Поэтому здесь часто совершают ошибки, когда танк, стоя на одном месте, просто расстреливает БК, совершенно естественно подставляясь под ПТУР. Но здесь, опять же, командиры молодцы – они учитывают специфику местности и, используя ее складки, прячут танки от управляемых ракет.

МИА: Чем отличаются военкорство на Донбассе и военкорство в Сирии?

– Как таковой разницы нет. Для меня разница лишь в том, что на Донбассе моя языковая среда, мой народ, я легко здесь ориентируюсь и могу без особого труда знакомиться с людьми. В Сирии с этим сложнее, потому что я не владею арабским языком, и там полностью другая ментальность. К тому же, для построения коммуникации там очень многое зависит от переводчика, так как арабский язык очень пластичен и в нем большую роль играет интонация. Там военкорам требуется охрана, потому что славян видят сразу. Ты можешь не бояться смерти, но безрассудно умирать глупо, по-

тому что там легко могут похитить. Даже просто так выходить в город без охраны и беспечно прогуливаться – ошибочное решение. Здесь, на Донбассе, я могу, совершенно не выделяясь среди местных, ходить и даже гулять.

МИА: Иначе говоря, единственное различие ты видишь только в вопросах коммуникации?

– Да. В остальном все одинаково: получение аккредитации и договоренности с командирами.

Идентификация гражданской войны

07.05.201

Вашему вниманию представляется интервью с журналистом телеканала «Россия» Андреем Руденко. Известный российский военкор рассказал корреспонденту МИА «Новороссия» о причинах гражданской войны и проблемах военной журналистики.

МИА: Сколько по времени Вы находитесь на Донбассе?

– Здесь я два года и пару месяцев – преимущественно, в Донецке и Луганске.

МИА: Какие особенности у современных войн Вы могли бы отметить?

– Последние лет двадцать гражданские войны на территории разных государств идут практически по единому накатанному плану. Вначале это народные волнения, за ними следуют боестолкновения. Это можно проследить в таких странах как Ливия, Сирия, и сейчас – война на Донбассе.

МИА: Как идентифицируете события в Новороссии? Какая это война и почему?

– Это гражданская война. У Льва Гумилева есть такое понятие как этногенез. Согласно этой теории, на Украине проживают два этноса: западный, которому ближе западная культура, и восточный, которому ближе идеалы Русского Мира. На почве этой непохожести западные политтехнологи искусственно, но эффективно, разделили украинцев на два лагеря и жестоко столкнули их лбами. С 2014-го года мы видим множество подтверждений тому: начиная от убийства и сожжения людей в одесском Доме Профсоюзов и заканчивая расстрелом с украинского вертолета блокпоста в Волновахе. Это расстрелянные БТРом «Правого сектора» ветераны, и здание МВД в Мариуполе. Есть много видео-доказательств того, кто убивал людей, однако Киев обвинил в этих преступлениях жителей Донбасса и назвал их сепаратистами. Каждый шаг политтехнологов вел к тому, чтобы жители Украины стали ненавидеть друг друга. То есть, налицо искусственно выведенная ненависть двух групп людей, которая вылилась в жесточайшую гражданскую войну.

МИА: И с какого года эта ненависть начинается здесь взращиваться?

– На мой взгляд, ненависть активно зарождалась еще в годы правления Ющенко. Ведь именно тогда были признаны героями войны УПА – им дали возможность под своими флагами шагать по паркам и скверам. И это – несмотря на то, что лю-

дям было доказано, что многие из этих «героев» были осуждены за преступления против человечества, им дали свой праздник и возвели их в идеалы. При этом, в головах детей, которые рождались после 90-го года и учились в 2000-х годах, произошло перекручивание идеологии и истории, и сегодня они – уже взрослые ребята и верят в новые идеалы. Эти люди совершенно запутались – они забыли, что совершили наши деды в 1941-45-х годах, и вместо них им навязали новых «героев», наподобие Степана Бандеры и ему подобных лиц, которые по сути своей являлись преступниками.

МИА: То есть, подмена понятий началась в 2004-м году?

– Может и раньше, но в 2004-м году она стала очевидной – на Украине ломают ментальность людей и перекраивают понятия, вводя ложных героев. В итоге мы получили гражданскую войну.

Односторонние правила

МИА: Гуманитарное право, Гаагские и Венские соглашения: соблюдаются ли они на этой войне и на других войнах в целом?

– За два года нашей работы мы сняли тысячи документальных подтверждений преступлений вооруженных сил Украины и ее добровольческих подразделений. Кто-то был наказан из этих людей? – Нет. Тогда о каком праве и о каких соглашениях можно говорить?

МИА: То есть, нормативные документы есть, но никто их не соблюдает?

– Они-то есть, но работают в одностороннем порядке.

МИА: И за их соблюдением смотрит миссия ОБСЕ?

– Миссия ОБСЕ – наблюдательный орган, который в своих докладах отражает: кто виноват, где и почему. Но конкретных фактов «миссионеры» не выдают. Когда сотрудники ОБСЕ приезжают на место обстрела и видят воронку, то говорят: «Снаряд летел с западной стороны», но конкретно – откуда он летел, они сказать не могут. Точнее, сказать могут, но почему-то этого не делают, ведь баллистика – это целая наука, которая позволяет, изучив воронку, назвать более точные данные, даже расстояние, с которого был выпущен снаряд. Они этого не делают, а указывают только направление. Поэтому обвинить кого-либо в чем-либо невозможно, так как нет доказательной базы.

МИА: А как вы считаете, для чего в таком случае нужны все эти Гаагские и Венские соглашения вкупе с Гуманитарным правом, если они соблюдаются, как Вы говорите, только в одностороннем порядке?

– На мой взгляд, эти документы, равно как и санкции для России, – всего лишь один из рычагов давления, которые используются в одностороннем порядке для воздействия на определенные страны неугодные для конкретного круга государств.

МИА: То есть, это односторонний рычаг для России?

– Можно сказать и так.

Военный корреспондент должен быть разумно смелым

МИА: Какими качествами должен обладать военный корреспондент с профессиональной точки зрения?

– Военный корреспондент с профессиональной точки зрения должен, во-первых, быть разумно смелым – не каждый журналист поедет в зону боевых действий, чтобы снимать, как падают снаряды. Во-вторых, необходимо обладать чувством самосохранения. В-третьих, быть образованным человеком с военной точки зрения. Если человек хочет стать военным корреспондентом, то он должен понимать особенности ведения войны в том или ином конфликте. Например, война в Сирии – это, в основном, уличные боестолкновения, но здесь – на Донбассе – война, преимущественно, артиллерийская, позиционная. То есть, военкор должен понимать, где и как себя вести: как укрыться во время обстрела и как выбрать лучшую точку для съемки, чтобы это было безопасно для него и его группы. Для этого следует быть, хотя бы, немного квалифицированным в тактике ведения боя.

МИА: Какими правами обладает военный корреспондент, на что он не имеет права, и как эти права здесь на практике соблюдаются?

– На передовой ни у кого нет прав – там есть только обязанности. Для журналистов они заключаются в том, чтобы снять и показать. Хотя, как и все журналисты, военный корреспондент обладает правом на свободу слова. А на практике: какими правами может обладать журналист в месте, где ведутся боевые действия? Каждый журналист здесь может погибнуть, как и любой солдат или мирный житель. Снаряд же не разбирается, куда он попадет – в дом, где живут мирные жители, или рядом с солдатом, или рядом с журналистом.

МИА: Имеет ли право военкор на ношение оружия?

– На мой взгляд, нет, так как мы не военные, мы – журналисты. Оружие мы не должны носить, так как оно берется для того, чтобы им пользоваться, то есть – стрелять.

МИА: А те люди, которые находятся внутри разных подразделений, проводят съемки, а в случае боестолкновений отбрасывают камеру и работают уже автоматом — как их можно назвать?

– На мой взгляд, это документалисты, которые находятся при подразделениях. Это не корреспонденты, так как обязанность корреспондента – передавать информацию, но не воевать. Поэтому военными журналистами их назвать нельзя.

МИА: В чем основное отличие гражданского журналиста от военного?

– Я считаю, что только в условиях работы – в остальном все то же самое. Просто, не каждый журналист сможет работать в таких тяжелых условиях, когда рядом падают снаряды и убивают людей. Это так же, как и с военными: не каждый из тех, кто оканчивал военное училище, сможет воевать на передовой. Потому что, изучать – это одно, а воевать – это другое.

МИА: Как можно назвать того человека, который, не имея должного образования и опыта работы в СМИ, берет в руки камеру, считает себя журналистом и идет снимать на передовую? Можно ли его считать военным корреспондентом?

– В зависимости от того, насколько правдиво этот человек сможет подавать информацию, и как он будет это делать. «Военкорству» не учатся – военкорами, по сути, становятся. Если «человек с улицы» будет снимать на камеру и выдавать адекватный материал, то почему его нельзя назвать военкором?

МИА: Каковы критерии профессионализма для таких самоучек?

– Правдиво и качественно подавать информацию. Снять ролик о войне – это одно, а преподнести, показать и рассказать – это совсем другое.

МИА: Какие виды и формы есть у военной журналистики? Каким материалам верят больше и почему?

– Правдивым материалам верят больше. Это и видеосъемка, и текст, и документальное доказательство. Возьмем наших оппонентов – украинских журналистов, которые называют себя военкорами и ведут репортажи из киевской студии. Естественно, такой работе мало кто поверит. У них постоянно выходят фейковые материалы, которые можно разбить 15-минутной работой на канале youtube, найдя ролики, которые берутся за основу таких передач – чаще всего это наши съемки и/или съемки наших коллег.

Естественно, после такого веры им никакой не будет. Когда мы находимся на линии соприкосновения, и у нас все документальные доказательства с эмоциями и словами очевидцев. Нашу работу опровергнуть просто невозможно, поэтому нам верят. У нас не бывает обманов, так как на передовой невозможно врать. Военная журналистика – это, в первую очередь, картинка с передовой, то есть – материалы, содержащие фото и видео. Поэтому журналист, который находится за десятки и сотни километров от мест боев и обстрелов – это обозреватель.

МИА: У журналистского сообщества существует своя этика. Есть ли у военкоров своя профессиональная этика?

– Есть. И это даже не этика, военные журналисты – это братство. Когда ведутся боевые действия, например, обстрелы города, которые одновременно идут по разным районам. Здесь, в Донецке, из девяти районов обстреливались – семь. Охватить такой масштаб одной съемочной группой невозможно. У нас есть коллеги, и мы одновременно работаем по всем районам, а после съемок все отснятые материалы сбрасываются в одну общую корзину. Таким образом, у всех появляется полная картина дня, и за авторские права никто друг другу ничего не «предъявляет».

На практике все иначе

МИА: Реально ли российскому журналисту получить аккредитацию в современной Украине, сможет ли «правительство» гарантировать ему безопасность?

– Российскому журналисту в современной Украине ничего не дадут снимать ни «по-гражданке», ни, тем более, «по-военке». Практически, на всех российских журналистов, работающих на Донбассе, украинской властью заведены уголовные дела. О какой аккредитации в таком случае может идти речь?

МИА: И в чем же обвиняются наши журналисты?

– В основном, обвиняются в пособничестве «террористам». На мне уже пять или шесть уголовных дел. Крайнее было, когда мы попали под снайперский обстрел на южном направлении под селом Саханка, когда пуля пролетела между моим оператором и Эдуардом Басуриным. Мы сразу вы-

дали этот материал в эфир: была картинка – документальное доказательство обстрела. И в тот же день украинскими властями на меня было заведено уголовное дело как на пособника террористов.

МИА: Чисто теоретически, для работы на этой войне журналист, перед тем как приезжать на Донбасс, должен сперва съездить в Киев, чтобы получить официальную украинскую аккредитацию. Как это выглядит на практике?

– На практике – все иначе. Когда люди, имеющие пресс-карту российского телеканала высаживались в аэропорту, чаще всего их не пропускала СБУ, и обратным рейсом отправляла в Россию. Поэтому пути въезда российских журналистов на территорию Украины – они обрезаны.

МИА: А после каких событий пути обрезали?

– Первый раз не пустили журналистскую группу телеканала «Россия» в Донецком аэропорту в апреле 2014-го года. Интересным моментом в этой ситуации оказалось то, что тогда ДНР здесь еще не было — это была территория Украины. Съемочную группу задержали в «зеленой зоне» и без предъявления каких-либо обвинений просто не пустили в страну, и отправили в Россию. Самое интересное в том, когда случилась первая гибель волонтеров, в 2014-м году люди везли лекарства в Славянск, их машина была расстреляна – трое погибших. В этой машине мы нашли удостоверение сотрудника телеканала «Россия», которого украинцы не пустили в Донецк. Это был не оригинал, а хорошая подделка документа на основе ксерокопии, сделанной в аэропорту.

Мурат Темиров Взгляд из-за...

С таким счастьем – и на «Свободе»

Памфлет-эпитафия северокавказскому отделу радиостанции «Свободная Европа»

Как гласит древняя кавказская мудрость, нет такой инициативы Конгресса США, которую не мог бы развалить десяток «настоящих горцев». Данный тезис хорошо иллюстрирует решение о закрытии американского вещания на Северный Кавказ по причине низкого качества программ и общей неэффективности. Но это не похоже на безвременную кончину – скорее, на эвтаназию, добровольный уход из жизни...

Распространено заблуждение, что журналистика – просто владение пером, или, в современных условиях, – клавиатурой. Что это такая способность пересказывать чужие мысли своими словами. Возможно, заблуждение это связано с тем, что в недавнем нашем прошлом на факультетах журналистики специально учили внятно и доходчиво разъяснять единственно верное мнение массам. Поэтому на постсоветском пространстве наблюдается значительное количество особей данного вида, не умеющих зарабатывать на жизнь иначе, кроме как продавая свою способность излагать требуемое с разной степенью правдоподобия. Они рыщут на просторах Евразии в поисках лучшей доли; самым удачливым выпадает редкая возможность работать на переднем крае, в инновещании – кому-то на «Раша тудэй», другим – на «Первом Кавказском», британском ВВС, «Немецкой волне» или китайском CCTV. Некоторым, прошедшим многоячеистую сеть тщательного отбора, выпадает радиостанция «Свобода/Свободная Европа» – одна из старейших вещательных корпораций мира.

Среди этих счастливицев есть те, что согласны на какие угодно компромиссы, только бы сохранить приятные привилегии своего положения в виде

хаузинга, скулинга и иншуранса (это такая форма контракта, когда живёшь на всём готовом, а компания оплачивает все основные расходы плюс ещё зарплата начисляется). Фантастический по провинциальным меркам оклад смущает неокрепшие умы; невиданный комфорт внушает: это он, шанс, выпадающий единственный раз в жизни. Мерещится: если предлагают такие условия, значит, наконец, оценили по достоинству. Значит, вот – награда за годы мучений и изнурительной борьбы за существование. Легко представить, насколько манипулируемы такие сотрудники. Как велик соблазн для руководства воспользоваться этим.

Несколько слов о руководстве агонизирующего северокавказского отдела «Свободы». Подверженный фанатерии не меньше своего именитого гудермесского сородича, но при этом имея в подчинении всего 8 полукалек, директор северокавказцев Баклан Песдукаев мнил себя полководцем на виртуальных полях современных информационных битв, одерживающим победу за победой, посылающим в бой всё новые батальоны и роты...

Некоторый изъян ситуации состоял в том, что Баклан, мягко говоря, «испытывал личную неприязнь» к черкесам, а между тем в северокавказском вещании была предусмотрена черкесская редакция. Приходилось отводить душу, увольняя, со средней частотой один черкес в год. Лелеемой мечтой был мир, то есть отдел без черкесов; кажется, она начинает сбываться... Только вряд ли Песдукаеву доведётся насладиться этим.

Так вот, столь нервная обстановка не могла, разумеется, не сказаться на качестве продукции – т. е. на программах отдела. Ляпы и курьёзы происходили регулярно: чеченские коллеги с упорством некроманов хоронили в эфире то Доку Умарова, то Рамзана Кадырова. Черкесская редакция в лице двух пугливых дам, вдруг оказавшихся рупором многомиллионного народа, от греха подальше сосредоточилась на социальной тематике, знакомя аудиторию с новостями из собеса. В аварской части славу снискала знаменитая история с мнemiописом (это такая желеобразная тварь, обитающая в Каспийском море), в виде цикла передач под общим названием «Нарушение межвидового баланса в экосистеме Каспия и перекосы в национальной политике Дагестана»... Слушатели тихо и деликатно, один за другим, покидали зал – прощай, выключали и без того редкие в нашу эпоху коротковол-

Об авторе: Мурат Темиров родился в 1971 г. в Пушкине, бывшем Царском селе. Считает себя ленинградцем. Литераторствует с детства, но по недоразумению получил профессию юриста, о чём, впрочем, не жалеет: приобретённые навыки правовой казуистики научили с щепетильностью формулировать мысли. Журналистом стал случайно: сначала – местная пресса, затем был проект на «Радио России», куда Мурата вовлёк приятель чуть ли не против воли, соблазнив банкой бесплатного кофе (это был первый гонорар). Потом – правозащитная работа в горячих точках, материалы для радио «Свобода», переезд в Прагу на редакторскую работу.

новые приёмники. Итог – ноль слушателей, ноль интереса, нулевой рейтинг программ...

Увы, не гневные ультиматумы российского МИДа, протестовавшего 10 лет назад в связи с открытием американского вещания на Северный Кавказ, не происки спецслужб, а собственная глупость, склоки и заскорузлое невежество подвели печальный итог короткой и тусклой истории северокавказской «Свободы». Да, наверное, не с таким счастьем имать самостоятельное международное вещание.

Покойся с миром, дорогое Эркенлэи – Маршо – Хуитыныгъэ радио.

И да будет эфир тебе пухом...

Фантом Атакуев-Рыльский

27 февраля 2012 г.

<https://aheku.net/news/society/2883>

Как черкесы, чеченцы и аварцы американский пирог (эфир) не поделили?

Не думал, что эта история будет иметь продолжение. Но как любая плохая история, данная тоже имеет множество ложных финалов, пока не завершится грохочущей многоголосой кодой.

Мой предыдущий сатирический очерк на эту тему, хотя и опередил события на пять с лишним лет, ни в чём не потерял актуальности. Но пожалуй, пора добавить фактологии, дабы читатель совсем не запутался в особенностях национальной журналистики, буйно расцветшей на тучной американской почве.

Северкавказская служба радиостанции «Свобода/Свободная Европа» была образована специальным биллем конгресса США и начала вещание 2 апреля 2002 года. Бюджет службы был определён приблизительно в 1 млн долларов/год (без учёта затрат на распространение сигнала), штатный состав – 9 редакторов/ведущих («бродкастеров», по местной классификации) с окладом 3 тыс. долл./мес. плюс ежемесячное возмещение на жильё в размере до половины оклада (в многодетных семьях эта сумма была больше). Объём вещания – 1 час эфира вечером и повтор в записи утром. Штатный состав и объём вещания должен был быть разделён поровну между черкесами, чеченцами и аварцами. Но – это часто бывает у американцев, да и не только – всё было красиво только в планах. Началась суровая «бродкастерская» жизнь, и очень скоро стало ясно, что жизнь эта отнюдь не благоухающая клумба с настурциями, а жестокая борьба за выживание: когда речь идёт не о темах умозрительных и отвлечённых, вроде прав и свобод человека, а о вещах насущных – трудоустройстве или зарплате, журналисты часто не столь щепетильны и совсем не разборчивы в методах. По точному выражению писателя М. Веллера, «журналистам быстро дали понять, что свобода – это осознанная необходимость жрать и иметь работу». Тут слово «свобода»

вполне можно поставить в кавычки и понимать во всех смыслах, в том числе как название легендарной радиостанции.

Директором назначили чеченского лингвиста и англомана Аслана Дукаева: вероятно, это должно было задать тематическую направленность вещания. Данное решение, как это часто бывает с ошибочными управленческими решениями, предопределило дальнейшую злосчастную судьбу северокавказской службы.

Как всякий дилетант, Дукаев был вынужден возмещать некомпетентность лихорадочно-бесплодной деятельностью. Прежде всего, нужно было кого-нибудь уволить для укрепления авторитета, и выбор пал на черкесов: потом это вошло в привычку, а черкесы стали для Дукаева usual victims, удобной жертвой. Кроме того, даже в этой не слишком пуританской и не весьма высокоморальной среде он отличился чрезвычайным сластолюбием, смешанным с властолюбием, благо служебное положение позволяло эти инстинкты сполна реализовать.

Но главной целью директора было, чтобы черкесский эфир, как и аварский, и чеченский, использовался только для продвижения «ичкерийской» повестки. Речь в данном случае не о чеченцах, не о национальности, а о вполне определённой идеологии, постулирующей насильственные методы для достижения своих целей. В этой связи, разумеется, часть программ имела экстремистский оттенок ввиду участия в них соответствующих персонажей, находящихся в розыске или даже заочно осуждённых. Спрашивается, было ли это на пользу черкесскому делу? Черкесская проблема гораздо масштабнее и содержит международно-правовой аспект, не имея ничего общего при этом с примитивным лесным бандитизмом. Усилия по дискредитации и вытеснению черкесского вопроса из политического поля в криминальное, как и его смешение с «ичкерийской», то есть экстремистской тематикой, предпринимаются давно разными враждебными силами, и Дукаев немало в этом преуспел при пособничестве, сознательном или подневольном, черкесских редакторов АминатКардановой и МариетШхалаховой.

Карданова, проработавшая здесь дольше всех (13 лет), компенсировала профессиональное убожество служебным рвением, что выражалось в наущничанье и доноситечестве. Конечно, в организации, где сотрудничали откровенные коллаборационисты вроде Нижнянского или Теодора Оберлендера, разыскивавшегося за нацистские преступления, таким поведением никого не удивишь, но от черкесской девушки подобного сверхусердия трудно было ожидать. Шхалахова вышла на почётное второе место по «долгожительству» среди черкесских редакторов (9 лет чистого стажа), просто демонстрируя полное творческое бессилие. Все другие сотрудники черкесской секции, а уволенных было пятеро (для сравнения – за всё время существования северокавказской службы был уво-

лен один аварский сотрудник, и один чеченский отправлен на почётную пенсию по состоянию здоровья), были вынуждены покинуть «Свободу» из-за несогласия с «ичкерийской» редакционной политикой Дукаева и личного конфликта с ним.

Можно много рассуждать, почему и зачем заменили северокавказское вещание «ичкерийским». Возможно, данное решение приурочено к грядущей в ноябре смене американской администрации, в этом случае его авторы рассчитывают на победу в выборах «партии войны», т. е. госдеп возглавит поборник агрессивной внешней политики. Это потребует перенастройки пропагандистской доктрины, а свободовские менеджеры, так сказать, «навстречу решениям ноябрьского пленума» предвосхитив смену курса, представят новой администрации готовую к бою «ичкерийскую» службу. Имелись и внутренние предпосылки. Открытая через 7 лет после северокавказской редакция «Эхо Кавказа» (в составе грузинской службы, вещание и сайт на русском языке, тематически охватывает весь Кавказ от Каспия до Чёрного моря) демонстрировала впечатляющие успехи, вторгаясь даже на «каноническую» территорию северокавказской службы – Дагестан, Чечню, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию и Адыгею. На фоне новичков северокавказцы выглядели довольно бледно, и было решено сосредоточить «Эхо Кавказа» на этом направлении, где они уже проявили результат, а ресурсы северокавказцев передать «ичкерийцам» (опять же в контексте предполагаемых после ноябрьских выборов в США политических метаморфоз). Нельзя исключать и личные мотивы: Дукаев, как и все «ичкерийцы» (речь, как уже говорилось, не о чеченцах, а о носителях определённой идеологии), отличается крайним этноцентризмом и нетерпим к «чужакам», вот и воспользовался подходящим стечением обстоятельств, чтобы избавиться от, по его мнению, «попутчиков», черкесов и аварцев. Наверное, имел место комплекс причин и факторов.

Подводя итог, необходимо прежде всего понять: чем действительно для черкесов являлось это вещание, какое значение имело или могло иметь, и какую роль сыграло? Мне выпало наблюдать за деятельностью северокавказской службы как изнутри, так и на очень близкой дистанции извне. Мой вывод – она не имела шансов стать единой культурной и коммуникационной площадкой нашего разделённого народа, или создать галерею героев прошлого и современности, или написать летопись эпохи. Черкесскому вещанию было назначено транслировать чужую повестку на родном языке, и в этой неблагодарной роли оно, конечно, сполна проявило себя. Так и поделом, что закрыли: по сему, как говорится, всходы.

**М. Темиров, директор Школы журналистики
в Праге, 14 июня 2016 г.
<https://aheku.net/news/society/kak-cherkesyichechenczyi-i-avarczyi-amerikanskij-pirog-efir-nepodelili>**

Со «Свободы» с чистой совестью, или медийный оффшор

Радиостанция «Свободная Европа/Свобода» существует в различных формах уже без малого 70 лет, и за это время смогла занять свою уникальную нишу на мировом медиарынке. Уникальность её состоит в том, что она не просто должна доносить точку зрения правительства США до аудитории в странах, не являющихся частью *Rax Americana*, с этим справляется государственное СМИ – «Голос Америки». «Свобода» была призвана заниматься не пропагандой, а скорее наоборот – разоблачением, критикой, подрывом основ государственного строя, даже разложением своей аудитории. Так что исследователи часто ошибаются, называя эту радиостанцию «пропагандистской», изначально перед ней ставились совсем другие цели, нежели банальная пропаганда.

Для достижения этих целей лучше всего подходит экстерриториальный правовой статус. Ведь почему «Свобода», в отличие от, например, «Голоса Америки» или других протокольных иновещательных медиа, вроде BBC, «Дойче велле» или «Россия сегодня», всегда располагалась за границей? Именно для того, чтобы обойти все ограничения по вещательной политике и контенту, применяемые во всех без исключения государствах регуляторами информационного рынка.

Поясню на примере. Не очень давно один из именитых авторов «Свободы», бывший директор её русской службы – Ефим Фиштейн – обозначил статью под названием «С улыбкой идиота» на тему мигрантов, крайне сложную, болезненную и комплексную проблему. Данная статья могла бы стать украшением какого-нибудь «Фёлькишер беобахтер» в его лучшие времена, года например 1935: мигрантов автор только разве «генетическим мусором» не назвал, обобщённый же Запад выступает в качестве «народа жестоковейного» (это прямая цитата из Библии об избранном народе, всем остальным предназначено, видимо, оставаться «народами бесчребетными»). За такое творчество как автора, так и медиа, его распространившее, в США размазали бы различные надзорные органы, навсегда лишив профессиональных перспектив. В любой европейской стране их бы ожидали судебные иски, в России лишили бы лицензии вещателя. Но в силу экстерриториального статуса «Свободы» и автора Фиштейна нельзя привлечь в России за разжигание межнациональной или расовой розни, так как это медиа территориально находится за пределами российской юрисдикции, т. е. тут отсутствует субъективная сторона правонарушения. В Чехии нельзя привлечь, поскольку текст на русском языке, и его аудитория территориально находится за пределами юрисдикции на этот раз чешской, т. е. тут проблемы с объективной стороной. И наконец, в США невозможно привлечь ввиду отсутствия как субъективной, так и объективной стороны правонарушения.

Вот что означает экстерриториальный статус медиаорганизации: по сути можно говорить или писать что угодно, не опасаясь ответственности. Что, собственно, и происходит. В правовом смысле «Свобода» – это своего рода медийный оффшор.

Это, кстати, не относится к «Голосу Америки»: ему приходится соответствовать всем стандартам, предъявляемым к СМИ, поскольку спрос заразного рода нарушения, фактологическую небрежность и прочие вольности будет по всей строгости, так как «Голос» является государственной структурой. «Свобода» же зарегистрирована как общество с ограниченной ответственностью в одном месте (штат Делавэр, США), располагается в другом (Прага, Чешская республика), и вещает на регионы, географически отдалённые как от места юридической регистрации, так и от места фактической дислокации.

Поэтому же в соответствии с законом Смита-Мундта от 1948 г., регулирующим американское ино вещание, «Свободе» и ей подобным всегда было запрещено вещать на территории США. Недавно закон в этой части собирались редактировать в связи с возросшей ролью онлайн-компоненты в распространении информации, ибо одно дело не разрешать ретрансляцию радиосигнала на своей территории, и совсем другое – заблокировать интернет-страницу, тем более имеющую отношение к собственной информационной политике: понятно, что блокировка сайта негативно скажется на репутации страны – главного поборника свободы слова. Однако пока закон остаётся без изменений, новые редакции проходят процедуру проработки в профильных комиссиях и комитетах конгресса США.

Несколько слов о коллективе радиостанции. Нужно отметить, в нулевые его состав кардинально изменился. От начала деятельности «Свободе» был присущ свой особенный, «рассуждательский» формат, чем она отличалась от остальных подобных медиа. Происходило это так: ведущий программы приглашал коллегу из соседней редакции обсудить какое-либо событие, относящееся к данному региону, благо вещание велось на многих языках, и журналисты из разных стран работали бок о бок в историческом здании, расположенном в мюнхенском Инглише гартене – английском парке. После записи или эфира программы её участники шли в кассу за комментаторским гонораром, который дружно расходовался в многочисленных окрестных «бирштубе» – пивных. Именно системой перекрёстных комментаторских гонораров объясняется расцвет этого жанра на «Свободе». Однако времена менялись, радиостанция переехала в Прагу, и систему оплаты тоже изменили. К тому же появился новый тренд – интернет, требующий совсем другой «упаковки» информационного продукта, других скоростей при обработке информации. Новость теперь доставляется потребителю почти мгновенно, и пространные рассуждения комментаторов его мало интересуют. К тому же целевая аудитория

«Свободы» сильно помолодела, что также требовало новых подходов и решений. В итоге в течение нулевых на радиостанции (это название теперь оставалось данью славному прошлому и роли в холодной войне) почти полностью сменился штатный состав, причём предпочтение отдавалось соискателям без опыта работы, или с весьма скромным стажем: например, в черкесской редакции приняли на позиции ведущих бывшую машинистку одной из национальных газет и ассистента преподавателя педагогического института, не имевших никакой журналистской практики (как сказал после своего увольнения бывший директор русской службы «Свободы» Марио Корти, «отсюда ушёл интеллект», имея в виду, видимо, себя и своих изгнанных коллег). И это было не исключение, а именно правило при наборе новых сотрудников, требовалось лишь более-менее сносное владение родным языком. Ведь теперь главной задачей ведущего и редактора программ стал перевод на родной язык рассылаемых по утрам материалов по основным мировым проблемам и событиям, для удобства усвоения разбавляемых некоторыми локальными новостями от стрингеров. Англоязычные исходники продуцируются в Ньюсрум, чей штат в основном состоит из американцев. Естественно, при таком подходе рассуждения и личные мнения редакторов и ведущих становятся никому не нужными и даже вредными, за них можно поплатиться работой. Нетрудно вообразить, что для людей с указанной выше журналистской «квалификацией» трудоустройство на «Свободе» является вершиной карьеры, и лишиться этой работы такие сотрудники смертельно боятся. Кстати, по новым «пражским» контрактам (раньше, до переезда радиостанции из Мюнхена в Прагу, их условия защищали права работников в полном соответствии с трудовым законодательством ФРГ) работодатель может его расторгнуть в любой момент без объяснения причин и без каких-либо последствий для себя, указывая арбитражной инстанцией комиссию по трудовым спорам в Вашингтоне, округ Колумбия (напомню – сейчас радиостанция расположена в столице Чехии Праге и по принципу территориальности должна подчиняться чешскому трудовому кодексу; однако и здесь лукавыми юристами «Свободы» используется экстерриториальный статус организации, и чешские суды не принимают к рассмотрению иски по трудовым спорам со «Свободой» именно из-за этого пункта в контракте). Т. е. сотруднику, или бывшему сотруднику, вступать в конфликт со «Свободой» бессмысленно, так как это не имеет юридических перспектив. Таким образом, журналисты организации находятся в полной зависимости от работодателя, что неизбежно сказывается на производимом ими информационном продукте, так что самоцензура здесь явление обыденное и неизбежное.

Моральный облик сотрудников – тема отдельного разговора. Разумеется, промискуитетное поведение, или различного рода девиации – обычное

дело в этой среде, в этом смысле «Свобода» мало отличается от аналогичных организаций; отличие в том, что данное СМИ со дня своего основания претендует на роль морально-нравственного ментора, и культуртрегерство является частью медиастилия. И в этой связи распутство и разные «нетрадиционные» отклонения неизбежно влияют на тематику, контент и, разумеется, на климат в коллективе. Например, женолюбие чеченского директора давно стало присловьем – ещё и потому, что он совсем не гнушается пользоваться служебным положением для утоления своих страстей. Всем известна противоестественная связь белорусского директора с одним из американских менеджеров, как и внебрачные отношения грузинского и румынской директоров, людей в солидных годах и семейных...

Во всех официальных документах «Свобода» определяется как *surrogate media* – суррогатное СМИ, в английском значении этого эпитета: «замещающий, вытесняющий». Однако в русском языке у слова «суррогат» другие коннотации – «имитирующий, не подлинный, неполноценный, подделанный». Так что язык не обманешь.

Мурат Темиров, директор Школы журналистики в Праге 2016 г.

Прощай, единая Европа?..

Недавние события в Париже и Брюсселе не оставили сомнений, что мы живём в новой реальности: пражане и гости столицы пока ещё привыкают к совместным патрулям полиции и военных, но уже очевидно, что атаки и нападения будут продолжаться, «временный» контроль на внутренних границах ЕС начнут вводить всё чаще, а Европа перестает быть тихой комфортной гаванью в бушующем океане.

Спросим, однако, себя: всегда ли эта часть света слыла обителью покоя? Напротив, от века она была землёй вражды, континентом войн. Два наиболее длительных мирных периода в истории Европы – время после Наполеона до первой мировой войны и от окончания второй мировой войны до наших дней. Причём хотя в XIX веке система, созданная Венским конгрессом, позволяла урегулировать разногласия, мир прерывался крымской, франко-прусской, русско-турецкими и балканскими войнами, а становой хребет европейской стабильности в двадцатом веке – Ялтинские протоколы – не смогли предотвратить ужасов, сопровождавших распад Югославии. Увы, как поётся в одной известной песне, «всё когда-нибудь кончается». На наших глазах эта территория вновь становится ареной битвы, как это происходило на протяжении столетий.

В Европе диалектически и драматически сосуществуют две противоположные тенденции – центристская и центробежная. Эффективный период существования единой Европы в форме империи Наполеона или третьего рейха был не-

долг, и хотя причины распада были каждый раз разные, общую закономерность заметить несложно. Внешние факторы (перманентные конфликты скелетами, а затем англосаксами на западе, малоазиатскими и североафриканскими царствами, а затем халифатом – на юге, и «Великой степью», а затем Россией – на востоке: всем им был чужд «европоцентризм», и каждый из них не без оснований считал эту территорию своей периферией, ну или просто – своей) и внутренние противоречия остаются непреходящими и неизбывными в силу своей объективности. Ещё В. Ленин критически отзывался о перспективах единой Европы в известной статье «О лозунге Соединённых штатов Европы», полагая этот формат не только нежизнеспособным в конкуренции с растущими экономиками других макрорегионов, но и вредным, поскольку «при капитализме [Соединённые штаты Европы] равняются соглашению о дележе колоний».

Что же касается нашей маленькой и, казалось бы, провинциальной Чехии, то Вацлав Гавел, например, утверждал, что якобы «все мировые войны начинались отсюда». При преувеличении это утверждение верно: по крайней мере, Чехия была вовлечена прямо или косвенно в начало крупнейших региональных конфликтов. Так, вторая пражская дефенестрация стала формальным поводом к тридцатилетней войне, убийство эрцгерцога Фердинанда и его чешской супруги Софии Хотек явилось «казус белли» первой мировой, и ликвидация Чехословакии в соответствии с Мюнхенскими соглашениями стала прологом ко второй мировой войне.

Нам интересно рассмотреть роль Чехии в развязывании первой мировой войны: есть версия, что эта роль была более активной, чем просто принесение в жертву несчастной Софии Хотек. К тому же габсбургскую империю с определёнными допущениями можно считать прообразом современного ЕС – конгломерата стран и народов разного уровня развития, раздираемого противоречиями и скреплённого рыхлой системой обязательств и уступок. Возможно, будущие историки взрывы в Брюсселе будут рассматривать наравне с выстрелами в Сараево в качестве «точек бифуркации» европейской истории.

Борьба за власть в Австро-Венгрии не прекращалась никогда – достаточно вспомнить смерть единственного прямого наследника Франца Иосифа – кронпринца Рудольфа – в результате загадочного самоубийства. Остальным претендентам на престол тоже не слишком везло – погибали либо умирали. Настал черёд и злосчастного Франца Фердинанда.

Движимый не только государственными интересами, но и желая обеспечить династические права своим детям, эрцгерцог стал апологетом концепции «триализма» – преобразования старейшей в Европе монархии в австро-венгро-славянскую федерацию. Таким образом, Фердинанд надеялся сохранить империю, а его потомство от брака с Со-

фией (считавшегося морганатическим, вследствие чего дети не могли претендовать на корону) получило бы право престолонаследия. Но такой план имел немало противников – как внутри страны, так и вне её. Внутренними оппонентами выступили прежде всего венгры, т. к. их права оказались бы урезаны в процессе эмансипации других народов, населявших Австро-Венгрию, и, как ни странно, чехи, хотя их уравнили бы в правах с главными народами страны, австрийцами и венграми. Но среди чешских активистов всё более популярной становилась идея отделения Чехии (тогда Богемского королевства) и создания собственного независимого государства, и такие настроения чешской элиты нашли поддержку за рубежом: большую работу в этом направлении проводил в странах Антанты и США будущий президент первой Чехословацкой республики Т. Масарик. Поэтому версия о причастности личного водителя эрцгерцога – чеха Леопольда Лойки – к покушению, хотя и не имеет официального подтверждения, представляется по крайней мере заслуживающей внимания.

При пристальном рассмотрении, обстоятельства этого покушения настолько невероятны, что дали повод Генри Киссинджеру назвать его «нелепешим курьёзом в истории».

Но начнём сначала: почему именно Сараево? За несколько лет до трагического визита Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, отторгнутую у Османской империи в результате последней русско-турецкой войны. Естественно, Россия не признала аннексии, как и её союзница в регионе Сербия, сама рассчитывавшая получить эту богатую провинцию. Болгария, взлелеянная Россией в качестве плацдарма в регионе, на этот раз приняла австрийскую сторону. Визит наследника должен был подтвердить права Австро-Венгрии на недавно присоединённую область, формально же поездка была инспекцией расквартированных там военных гарнизонов.

Первое покушение по приезду четы оказалось, как известно, неудачным: граната Неделько Чабриновича отскочила от сложенного верха эрцгерцогского ландо и поразила пассажиров ехавшей следом машины – её водитель скончался на месте. Автомобиль эрцгерцога прибыл в ратушу, где было решено изменить дальнейшую программу и проведать раненных в покушении, для чего следовало ехать в госпиталь. Весь кортеж направился туда по одной дороге, и только машина с эрцгерцогом и его супругой последовала по старому маршруту, так как водителя Леопольда Лойку вроде бы «забыли предупредить». И он, по ещё одному удивительному совпадению, которых и без того немало в этой драме, в попытке исправить ошибку остановился и начал маневрировать прямо у того места, где ко-

ротал время в ожидании своего часа тщедушный царевич Гаврило Принцип...

Некоторые исследователи вообще считают, что эскалацию конфликта вызвала цепь трагических, даже досадных для такого масштабного события, как мировая война, случайностей. Например, тот же Киссинджер полагал, что ситуацию усугубил факт морганатического брака Франца Фердинанда: это лишило его похороны монаршего статуса, что не позволило прибыть в Вену главам государств, а ведь обсуждение кризиса самими венценосными особами могло бы снизить градус напряжённости. Но «машина страшного суда», как называли систему взаимных гарантий европейских стран, обеспечивавшую баланс интересов на протяжении столетий, уже была запущена, и катастрофа оказалась неотвратимой.

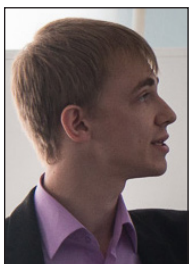
Так интригующий сюжет, развиваясь то стремительно, то неспешно, завершился макабрической бойней на пространстве от снегов Арарата до верденских полей. Но тем временем за океаном уже планировали послевоенное обустройство Европы по образцу, наиболее выгодному для трансатлантической торговли и формирования новых финансовых рынков. Оттуда пришла и овладела умами доктрина американского президента Вильсона о «праве народов на самоопределение как принципа международного права». Ей было суждено разрушить все старые империи на континенте, одни раньше, другие позже: от Великобритании, например, демонтажа колониальной системы добился другой американский президент – Ф. Рузвельт – в критический период «битвы за Британию» в обмен на союзническую помощь только спустя четверть века, осенью 1940 г. Большевикам титаническими усилиями и всевозможными уловками пришлось «сшивать» развалившуюся российскую империю грубыми стежками советской конституции, в которую, тем не менее, крайне неохотно вписали это самое право. Правда, Сталин нашёл казуистический выход, не прописав механизма выхода из состава союза, но ведь британцам пришлось ещё горше, они довольствовались куцым форматом «содружества наций».

На обломках же Австро-Венгрии возникла новая Европа – Европа национальных государств.

Вот и сегодня мы, возможно, наблюдаем, как конгломерат из более полумиллиарда человек, объединённых в зыбкий союз народов, нередко веками враждовавших друг с другом, на наших глазах прекращает своё недолгое существование.

А жаль. Всё-таки это была прекрасная эпоха!

**Мурат Темиров, директор Школы журналистики в Праге
2016 г.**

Роман Корнет Трансформация образа журналиста в американском игровом кино XXI в.

Аннотация: в статье рассматривается эволюция образа журналиста в современном американском кинематографе.

Скандалы в журналистской среде, разоблачения, усиление контроля и активное вмешательство различных спецслужб в деятельность журналистов серьёзно подорвали доверие американского народа к представителям этой профессии. Упадок престижа профессии в самом разгаре. Сами журналисты, впрочем, частенько грешат на что угодно, только не на самих себя, в данном конкретном случае на кино, которое с середины XX в. ввело образ журналиста в обязательный набор героев, придающих динамику и интригу киноповествованию. В медиа звучали обиды, что именно кино зачастую безосновательно насаждает в сознании людей негативные, отрицательные образы журналистов. Таким образом, выяснить, кто же кому портит репутацию, весьма полезно, тем более, что можно легко провести параллели между различными национальными культурными традициями. К тому же, являясь самым массовым видом искусства, кино сегодня стремится не только говорить с обществом, а подчас говорить за и общество. Чтобы отметить наличие трансформации, необходимо обратить взгляд в сторону прошлого.

Вторая половина XX века была непростым временем для американской журналистики. Послевоенный период характеризуется кризисом всех средств массовой информации, но для прессы он был наиболее ощутимым. Американские медиа все же так и приняли участие в знаменитой «охоте на ведьм», устроенной сенатором Маккарти за левой политической оппозицией в стране. Повсеместный алармизм, искажение правды или наличие полностью лживых новостей – всё это тогда крайне отрицательным образом сказалось на отношении простого народа к представителям профессии. Общее впечатление не смог выправить даже Эдвард Марроу, решительные действия которого смогли прекратить «эпоху маккартизма» в стране. Тем не менее всего лишь через пару десятилетий в 1970-е в США наступит настоящий ренессанс для журналистского сообщества.

Такое преображение во многом обеспечили общественные и политические реалии, сложившиеся ещё в 1960-е гг. Во-первых, это война во Вьет-

наме и расовая сегрегация, взорвавшие гражданскую пассивность общества. Первой ласточкой на пути к возвращению утраченных позиций становится дело о бумагах Пентагона, когда в июле 1971 года «Нью-Йорк таймс / New York Times» частично опубликовал материалы из сборника «Американо-вьетнамские отношения, 1945-1967: Исследование». Ключевым же событием станет «Уотергейтский скандал» (1972-1974 гг.). Самое интересное, что в начале в течение всего 1972 г. СМИ не придавало должного значения случившемуся в штабе демократов, расценивая произошедшее не более чем невинное политическое баловство. Однако журналистов Карла Бернштейна и Боба Вудворда скептицизм начальства и коллег нисколько не смутил, и они продолжали раскапывать проступок президентской команды. Превозмогая тайное и сильнейшее сопротивление Белого дома, журналисты, приложив громадные усилия, сумели выяснить имена всех участников политического сговора, найдя главного кукловода в лице президента США Ричарда Никсона. И, когда уже в 1977 г. в интеллектуальной дуэли между британским журналистом Дэвидом Фростом и уже экс-президентом Никсоном будет сделано то, чего не удалось добиться во время «Уотергейта», а именно признание Никсоном вины и его принятие извинений американскому народу – это станет красивым финальным дополнением к новому героическому образу журналистики, сложившемуся за прошедшее десятилетие.

Исправлению общей репутации и популяризации СМИ, кроме вышеперечисленных событий, послужило также зарождение двух совершенно новых направлений – «новый журнализм» и «прецизионная журналистика». Это были непримиримые соперники на фундаментальном уровне, исключавшие друг друга, однако вынужденные существовать в один временной промежуток. «Новый журнализм» и его сторонники отрицали всё рутинное и застарелое в традиционной журналистике. Новое направление старалось открыть второе дыхание в ней, пользуясь всеми благами художественной литературы. Считалось, что только через приёмы, которыми наделена художественная литература, только через создание художественного вымысла можно показать реалии своего времени. Яркими представителями этой школы, без сомнения, являлись Трумэн Капотэ со своим культовым произведением «Обыкновенное убийство», написанным в романо-репортажной манере, и Хантер Томпсон

Об авторе: Роман Корнет – выпускник кафедры журналистики Тольяттинского государственного университета 2016 г.

со своими многочисленными публицистическими статьями в жанре «гонзо-журналистики». Совсем другой подход к освещаемым событиям пропагандировала «прецизионная журналистика». В её основе лежит теория объективной журналистики Уильяма Риверса, но основоположником направления стал бывший военный корреспондент Ф. Мейер. Он и его сторонники говорили о том, чтобы использовать в сборе и анализе информации методы других наук, дабы получить полную, точную и правильную картину действительности.

Случившийся ренессанс помог американским СМИ окончательно сформироваться в «четвёртую ветку власти». Вудворд и Бернштейн были провозглашены настоящими героями нации, а их успехи на ниве расследовательской журналистики породили вокруг профессии романтическую ауру, что не могло не вызвать бурной всплеск популярности журналистского ремесла у молодёжи. Тенденцию к героизации образа журналиста незамедлительно подхватила массовая культура и, в частности, кино. Это очень хорошо видно на примере фильмов «Вся президентская рать» и «Телесеть», вышедших в 1976 году, буквально через два года после окончания «Уотергейтского скандала». Первый фильм – это собственно и есть экранизация одноименной книги Вудворда и Бернштейна, где они описали события тех лет. Оба фильма поучаствовали в «оскаровской» гонке 1977 г. и получили по четыре статуэтки. Можно предположить, что награждены они были, скорее, благодаря возросшему престижу журналистов и общественному признанию их заслуг перед американским народом. Наверное, поэтому до сих пор «Вся президентская рать» остается главным фильмом для всего журналистского сообщества, основоположником жанра, так сказать, «журналистского детектива». Большинство лент, главными персонажами которых являются журналисты, постоянно делают либо отсылки, либо зачастую перенимают операторский стиль и режиссёрские приёмы, использовавшиеся в ставшей классикой ленте. Для нас важно то, что и во «Всей президентской рати», и в большинстве последовавших за ней картин о журналистах, вплоть до фильма «Доброе утро, Вьетнам», вышедшего через 11 лет в 1987 г., сохранялась намеренная идеализация главного героя. Образ журналиста был подобен самому известному американскому супергерою «Супермену» из ранней эпохи комиксов: непогрешимый, неутомимый борец за правду и справедливость, защитник обиженных и угнетённых. Не имело значения, лежат ли в основе фильма реальные события или вымышленные, тенденция к намеренной идеализации была долгое время непоколебима: только абсолютные герои и абсолютные злодеи, отсутствие каких-либо оттенков серого, всё только чёрное или белое. Есть только то, как должно быть и чего быть не должно, есть то, за что можно, нужно, необходимо бороться. Всё это было характерно для американского кино вплоть до последнего десятилетия XX века.

За любым ренессансом следует декаданс, и с течением времени всеобщая эйфория сменяется разочарованием. Коммерциализация масс-медиа и сосредоточие контроля узкой группой лиц, возвращение госаппаратом рычагов управления, технологический прогресс – всё это вновь привело к наиболее страшному и затянувшемуся кризису, особенно обострившемуся в конце 1990-х годов. Однако стоит обратить внимание на ряд людей и обстоятельств, непосредственно оказавших влияние на сложившуюся ситуацию. 1998 г. сделал популярным такого человека, как Мэтт Драддж, хозяин и единственный автор сетевого издания «Доклад Драдджа». Пока журналистское сообщество догадывалось о связи Клинтона с Моникой Левински, но боялось публиковать материалы из-за возможной мести президентской администрации, Драддж узнал, что как минимум в одной редакции лежит материал об этой связи («Newsweek»), достал его и выложил на своём сайте. Клинтон сумел избежать импичмента и ухода в отставку, однако очистить свою репутацию не может до сих пор. Драддж позже в своей книге скажет, что «традиционная журналистика мертва»¹, чем разделит журналистское сообщество на два лагеря. Одни будут утверждать, что Драддж не имеет права называться журналистом, другие же, наоборот, будут утверждать, что именно таков новый журналист – «техногончая», и что журналистике придётся принять правила игры информационной эпохи.

Второй скандал, ещё раз напомнивший о том, что журналисты живут в информационную эпоху, случился, когда вскрылся обман журналиста «The New Republic» Стивена Гласса. Обман Гласса, выдумавшего более половины своих статей, что вскрылось во многом благодаря развитию Интернета, ударил по престижу журналистов как небывалой силой и стал своеобразным «Уотергейтом» теперь уже для журналистики. Этот случай чуть позже ляжет в основу фильма «Афера Стивена Гласса» 2003 г., и это будет один из первых фильмов XXI века, где можно проследить изменения в отражаемом кино образе журналиста.

Другим показателем станет один из самых трагических случаев в истории журналистики, который случился в 1996 году. Репортёр «San Jose Mercury» Гэри Уэбб выпустил материал под общим названием «Тёмный альянс». В материале сообщалось о том, что в США в конце 1980-х ввозился кокаин с молчаливого согласия ЦРУ, дабы вырученные от его продажи деньги шли на содержание повстанческой группировки «Контрас», которая боролась с неудобным американскому правительству социалистическим режимом, установившимся в Никарагуа. Расследование Уэбба, вызвавшее широкий общественный резонанс, некоторое время никак не комментировалось другими американскими СМИ. Однако несколько позже, «Los Angeles Times», «New York Times» и «Washington Post», крупней-

¹ Drudge Matt. Drudge Manifesto. New American Library, 2000.

шие газеты страны, открыли настоящую травлю Уэбба, придирались к любой мелочи в материале, приписывая репортеру утверждения, которые им не были высказаны. Всё это окончилось тем, что редактор «San Jose Mercury», поначалу поддерживавший своего сотрудника, вскоре от него отвернулся и даже опубликовал письмо с извинениями за содержание расследования. В 1998 г. были проведены внутренние проверки в ЦРУ, их результат подтвердил всё сказанное Уэббом, однако вернуть журналисту подорванную репутацию это не помогло, как не помогли и награды, и признание его заслуг различными профессиональными организациями. В 2004 г. знаменитого корреспондента, перешедшего в неприязнительный журнал «Sacramento News & Review», нашли мёртвым в его собственной квартире с двумя пулевыми ранениями в голову. Официальное расследование признало эту загадочную смерть самоубийством. История знает случаи, когда два выстрела случаются при самоубийстве, однако официальная версия все же выглядела весьма сомнительно.

Таким образом, моральное наследие, оставленное Вудвордом и Бернстейном, сторонниками «нового журнализма» и «прецизионной журналистики», а именно образ журналиста-героя, было планомерно уничтожено в течение всего последнего десятилетия XX века. Исследователь Роберт Мак Чесны в конце XX в. скажет о том, что ныне американские СМИ находятся в условиях жесточайшей несвободы и самоцензуры и что независимыми их считать больше нельзя². Массовая культура незамедлительно отреагировала на это, выпустив за первые 15 лет XXI века более 20 кинокартин, отразив изменения в современном кинообразе журналиста.

Несмотря на то, что не «Афера Стивена Гласса» был формально первым фильмом, демонстрирующим трансформацию образа журналиста и журналистики вообще, потому как Б. Левинсон со своим «Плутовством» (1997 г.) одним из первых уловил настроения в обществе, а Дж. Клуни вышел на год раньше с «Признанием опасного человека», в 2002 г. И всё же именно от «Гласса» стоит начать отсчёт, потому как «Плутовство» ни на чем реальном не основано, и фильм получился одновременно и иронический, и пророческий, а «Признания...» отсылают нас к событиям 60-х годов. Именно «Афера Стивена Гласса» становится катализатором нового понимания журналистики, потому что в основе своей имеет один из поворотных моментов для журналистского сообщества, как американского, так и мирового. И поэтому «Голливуд» так быстро отреагировал на ситуацию, не дожидаясь, как это принято, выхода мемуаров, а буквально по горячим следам представил на суд общественности свой взгляд на журналистский мир новой формации.

² Herman Ed, McChesney, Robert. The global media. Cassel, 1998. Van Ginneken, Jaap. Understanding Global News. London-Thousand Oaks-New Dely, 2000.

Режиссёр Билли Рэй в своей картине не выявляет причины кризиса современной журналистской системы, а просто показывает всё как есть. Сам по себе Гласс не есть корень проблемы, он просто её порождение. Журналистика – это бизнес. Продукт, который она производит в виде, например, теленовостей или газеты, необходимо продавать. Гораздо проще что-либо продать, если это «что-то» обернуто в яркую красивую упаковку. Речь идёт даже не просто о засилии «желтизны» или чернухи на страницах и экранах, зачастую речь о том, чтобы создать правдоподобную иллюзию, которую можно выгодно сбыть. В результате происходит полная подмена реальности – и многие (и политики, и бизнес) за это готовы платить. Создание новой «истины» – это тренд, который прямо сейчас можно наблюдать на многих телеканалах.

Гласс одним из первых смог его уловить в 1990-е гг. Созданный режиссёром образ человека, безусловно, тщеславного и амбициозного, но не злодея, являющегося продуктом извращённой медиасистемы, закономерно стал её жертвой. Гласс, несомненно, преследуя и личную выгоду, своими красочными, сенсационными статьями все же радовал и читателя, и продавал журнал. Поначалу частично приукрашая детали, а под конец полностью выдумывая свои статьи, он и сам стал верить в ту реальность, которую создал, и до последнего пытался её защитить, в чем проявилась его чрезмерная увлечённость и свалившийся на голову корреспондента успех, опьянивший его. Весь трагизм этой ситуации раскрывается в названии ленты, смысл которой русский вариант не передаёт должным образом. В оригинале «Shattered Glass» – игра слов, в переводе – разбитое стекло или разбитое изображение. Иллюзия, с такой любовью выстраиваемая Глассом, лопнула, нанеся урон, как репутации журнала, так и престижу профессии в целом. Но этот печальный опыт не пошёл на пользу для исправления системы, а только усовершенствовал методы манипуляции информацией, а «создатели истины» многочисленны и в почёте, как показывают последующая фильмография.

Тема коммерциализации журналистики, как одной из основополагающих причин упадка престижа профессии, прослеживается в подавляющем большинстве всех вышедших в XXI веке картин, где главным героем был журналист. Иногда коммерциализация показана просто как факт и никакого откровенно отрицательного характера не имеет, как в фильме «Доброе утро». Там герои пытаются создать качественный развлекательный продукт в виде утреннего шоу. Его судьба напрямую будет зависеть от рейтингов, и люди просто занимаются своей работой, пытаясь сделать так, чтобы зрители смотрели это шоу, тем самым принося прибыль каналу. Но такой подход – это единичные случаи. В основном превращение журналистики в бизнес носит в кинолентах негативный аспект. В частности, сделан акцент на изменение в связи с этой проблемой роли редакторов и журналиста. Вспом-

ним, как редактор из «Всей президентской рати», защитник своих работников, ярый последователь профессионального долга журналиста, заставлял «своих парней» искать по несколько источников сразу, лишь бы быть до конца уверенным в правдивости материала. Совсем другой позиции придерживается редактор из фильма «Большая игра» (2009 г.) Кевина Макдональда. Там редактор показан как проводник идей своих корпоративных хозяев, он не стесняется капать грязью и домыслами, готов печатать то, что выгодно, то, что принесёт высокие рейтинги, готов напечатать откровенную ложь – всё, что может быть успешно продано. «И почему это было не напечатать, она признаётся, он опровергает, она говорит, что лгала, и мы снова делаем статью. Люди хотят это читать, хотят читать это в нашей газете, потому что мы были первыми, так почему это не напечатать?» – такова сущность современной журналистики, которую отлично выразила героиня фильма.

Развитие технического прогресса, а также рост спроса на весьма специфический контент привели к появлению стрингеров. Порочная система в итоге не только изменила функции штатных журналистов, как в случае с Глассом, но и породила новое, априори этически и нравственно регрессивное направление. Аморальность редактора новой эры и приверженца этого направления возведена в абсолют в фильме «Стрингер» (2013 г.). Главный герой Луи Блум, – это эрзац «американского психопата» от мира журналистики. То же хладнокровие, схожие рассуждения, что у героя одноименного романа, и извращённый взгляд на мир, к которому волей неволей начинаешь прислушиваться. Блум не такой фанат убийств, как Бейтман, но если надо подвести кого-то под пулю или просто банально перетащить труп для более удачного кадра, то он не усомнится. Телеканалы добровольно потворствуют таким персонажам, так как очень зависимы от контента, предлагаемого стрингерами. Ведь любые криминальные, кровавые происшествия привлекают к экранам телевизоров многочисленную аудиторию, тем самым поднимая рейтинги, принося огромную прибыль. Апогей трагичности данной ситуации достигается в одной из финальных сцен фильма. Редактор телеканала Нина и Блум, находясь в предвкушении поцелуя, говорят о какой-то ерунде, что типично для романтических лент, с той лишь разницей, что в это время зрители созерцают не только лица персонажей, а ещё фотографию убитого коллеги Блума, стоящую между ними. Бесконечно красивая в своей порочности сцена является олицетворением отношений, в которых находится тележурналистика с её зависимостью от рейтинговых сюжетов.

В мире, полностью подчинённом законам бизнеса и интересам сильных мира сего, пока еще некую свободу слова и мысли сохраняют провинциальные газеты, не входящие в состав какого-либо медиа-холдинга. Однако при попытке сыграть на поле крупных игроков они обречены на травлю

от своих же коллег. Носители ценностей традиционной журналистики, рьяные продолжатели дела Вудворда и Бернштейна, за отказ адаптироваться к новому положению дел обречены на уничтожение, если не прямое, то моральное, как это показано в фильме «Убить гонца» (2014 г.), в основу которого легли события случившиеся с Гэри Уэббом.

Отказ от намеренно идеализированного образа не всегда является демонстрацией реального положения дел, иногда это всего лишь дань моде в современном кино, когда даже непогрешимые и неуязвимые супергерои показаны как обычные люди, ошибающиеся и имеющие свои слабые стороны. Однако зачастую «дегероизация» осуществляется за счет нагнетания отрицательных черт: алкоголизм, бесчестие, грязные методы работы, пренебрежение профессиональным и моральным долгом («Большая игра» 2009 г., «Ромовый дневник» 2010 г., «Зодиак» 2007 г.). Некоторые из них способны проявить человечность, как показатель своей хорошей природы («Почти знаменит» 2000 г., «Конец тура» 2015 г.), а иногда именно из желания сделать что-то выгодное для себя выходит польза для остальных. Уильям Миллер из «Почти знаменит» стал частичкой светлого и настоящего мира для людей, живущих в фальшивом гламурном мире богемы. Липски и Уоллес в «Конце тура», проведя некое время вместе в бесконечных разговорах, заставили друг друга взглянуть на себя с другой стороны, что-то переосмыслить, а то, что ещё недавно отрицали или ненавидели, принять в себе и в других. Иногда лишь амбиции и здоровый эгоизм подталкивают людей к тому, чтобы выбраться из системы конформистских условностей и взглядов, ещё недавно бывших твоими собственными.

Не обошли вниманием режиссеры и усилившиеся позиции государства, которое, по сути, подмало под себя всё СМИ, превратив их в сильнейшее манипулятивное оружие («Признание опасного человека» 2002 г., «Убить гонца» 2014 г.). Чудовищное влияние, которым располагает власть, показано в фильмах, в основу которых легли реальные события («Убить гонца» 2014 г., «Ничего кроме правды» 2007 г.). Хотя последний основан на жизненной истории лишь частично, на случае, имевшем место в конце 2005 г., когда журналистку «Нью-Йорк таймс» заключили под стражу сроком на два месяца за отказ раскритиковать свой источник информации – это не мешает фильму содержать признаки пророчества и во всей полноте демонстрировать серьёзность ситуации. Несмотря на то, что фильм выполнен «в оттенках серого», и, возможно, зритель захочет разделить позицию государства, обеспечивающего безопасность, но эпизод, в котором прокурор в сотый раз с наглой ухмылкой на лощёном лице пытается сломить волю журналистки, явственно расставляет акценты, подчеркнутые режиссером в этом противостоянии власти и прессы. Как минимум, режиссёр показывает, что бесчестные методы не могут служить правому делу, а только очерняют его.

Особое место в нашем перечне занимает фильм «В центре внимания» (2015 г.). Являясь по смыслу некой реинкарнацией «Всей президентской рати», он пытается прекратить очернение, истерию и фарсовость в показе профессии журналиста, а намеренно возвращает в обиход образ журналиста-героя, чуть более приземленного, но всё равно идеального. Конечно, режиссёр Том Маккарти делает правильный посыл, настолько всё-таки важна роль журналиста в обществе, предполагая, что не может «всё стадо быть паршивым». Однако, позволим заметить, что борьба в фильме происходит с церковной иерархией, хоть и имеющей серьёзный вес и влияние, но не обладающей таким могущественным административным ресурсом, как государство.

Репутация журналистов настолько пошатнулась, что приходится обращаться в прошлое, дабы с горьким сожалением взглянуть на то время, когда отсутствие коммерции и необходимость аналитики были неотъемлемым атрибутом любого телеканала («Доброй ночи и удачи» 2005 г.). Попутно, приводя в фильме монолог Марроу, с горькой иронией на устах режиссёр Джордж Клуни показывает, что уже пришло всё, о чём ранее предупреждали, но как это часто и бывает – никто не внял этому. А Рон Ховард пошёл ещё дальше, осмелившись подставить под сомнение крайне значимый момент

для журналистского сообщества. В своём «Фросте против Никсона» (2008 г.), Ховард повествует об известнейшей интеллектуальной дуэли прошлого века между британским шоуменом Дэвидом Фростом и экс-президентом, печально известным Ричардом Никсоном. Режиссер создал образ Фроста как предприимчивого человека, но посредственного журналиста, победой обязанного не своим талантам, а Никсону, который сам добровольно сдался под бременем вины.

«Голливуд» в сравнении с представителями журналистского сообщества гораздо в более яркой и зачастую экспрессивной форме выражает своё недовольство сложившимся положением вещей в медиа, позволяя себе выразить мнение американского общества. Невзирая на подобное отношение, поменять ситуацию никто не способен. Кино, вероятно, наиболее популярное средство массовой коммуникации, является сильным инструментом социальной коммуникации. Тем обиднее, что в силу своего преобладающего развлекательного характера оно не способно спродуцировать необходимый отклик и реакцию общества, чтобы то само попыталось внести перемены в современную форму журналистской системы.

2. Тольятти

«Калачеевские зори»

Районная общественно-политическая газета «Калачеевские зори» – периодическое печатное издание, выходящее по вторникам и пятницам тиражом 7350 экземпляров (при численности населения 53 тысячи человек это высокий показатель).

Газета имеет богатый опыт реализации акций и социальных проектов разной направленности. В год проводится до десяти акций, призванных помочь наименее социально защищенным группам – детям, пожилым.

Так, в честь 70-летия победы в Великой Отечественной войне «Калачеевские зори» провели акции «Спасибо» и «Помним их поименно». В течение нескольких месяцев публиковались письма наших читателей, где те рассказывали о своих родных, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. Редакция получила около 100 писем с историями о близких и фотографиями от читателей разных возрастов, от дошкольников и до пенсионеров.

Редакция также выступила в районе организатором движения «Бессмертный полк». Первый раз это было в 2014 г. Тогда удалось собрать около 50 участников «полка», но резонанс был большой. 9 мая 2015 г. в ряды «Бессмертного полка» в районе стало около 3000 человек, из них в райцентре – около 1500.

Большое значение придается связи с аудиторией. Три года назад мы создали нашу группу (страницу с активной ссылкой на нее) в социальных сетях «Одноклассники» и «В контакте», затем – страничку и группу в социальной сети Facebook. Взаимодействуя с нашими читателями в интернете, мы находим новости и темы для обсуждения, отвечаем на вопросы и помогаем решить проблемы, проводим конкурсы и акции. Все это находит отражение в газете на ежемесячной тематической полосе «Сегодня в соцсети».

По данным на ноябрь 2015 г., в группе «Официальная группа райгазеты «Калачеевские зори»» в «Одноклассниках» – 5000 друзей (18,48 % от населения района). Всего для обсуждения предложено 1116 постов (записей). В октябре 2015 г. предложено 44 темы (записей); 429 фотографий; 30 ссылок на портал РИА «Воронеж»; среднее количество лайков по одному посту – 71, среднее количество комментариев – 18; количество публикаций в газетах по темам со страницы в соцсети (учитываются темы, присланные читателями, а также опросы, фотоконкурсы и т.п.) – 4. Также в 2015 г. в социальной сети «Одноклассники» нами была создана дополнительная группа «Наша приемная». В данной группе калачеевцы могут публиковать сообщения о событиях и новостях, рассказать о событии, актуальном для района, задать вопрос, который затем будет опубликован на страничках райгазеты. Здесь

же действует дискуссионная площадка – форум, где читатели публикуют свои материалы, объявления, задают актуальные вопросы.

В октябре 2015 г. в группе газеты в сети «В контакте» было 1216 друзей (4,6 % от населения района). Всего для обсуждения предложено 1110 постов (записей). В октябре 2015 г. предложено 44 темы (записей); 429 фотографий; 30 ссылок на портал РИА «Воронеж»; среднее количество лайков по одному посту – 3, среднее количество комментариев – 2; количество публикаций в газетах по темам со страницы в соцсети (учитываются темы, присланные читателями, а также опросы, фотоконкурсы и т.п.) – 4.

В октябре 2015 г. на страничке газеты в сети Facebook было 880 друзей (3,6 % от населения района). Всего для обсуждения предложено 1110 постов (записей). В октябре 2015 г. предложено 44 темы (записей); 429 фотографий; 30 ссылок на портал РИА «Воронеж»; среднее количество лайков по одному посту – 1, среднее количество комментариев – 2; количество публикаций в газетах по темам со страницы в соцсети (учитываются темы, присланные читателями, а также опросы, фотоконкурсы и т.п.) – 3.

Также мы общаемся с нашими читателями в онлайн-сервисе Twitter.

Повышение в 2014 г. стоимости почтовых услуг и опыт российских региональных изданий по созданию служб альтернативной доставки газет, отраженный в книге Владимира Касютина «Доставка с нуля», подтолкнули и редакционный коллектив «Калачеевских зорь» на ее создание. Мы пошли по нескольким направлениям. Прежде всего создали сеть розничной продажи газеты в районе. Правда, охватили не все села и поселки, что накладно и сложно, а город и пригородные населенные пункты. Точнее туда, куда можем оперативно и регулярно доставлять газету на служебном автомобиле, да и затраты ГСМ сравнительно невелики. Сегодня в нашей сети 32 магазина, реализуем в неделю около 230 экземпляров «КЗ». Кроме того, по 50 экземпляров в неделю продаем через почту и 20 – через МФЦ, то есть муниципальную службу одного окна.

Развиваем альтернативную почте редакционную подписку. В первую очередь с получением в самой редакции – сейчас у нас данной услугой пользуются 15 человек. С получением в пункте выдачи (магазины, офисы организаций) – 235. Еще подписка на ПДФ или электронную версию издания. На сегодня ею выписали 226 человек.

Перспективна форма редакционной подписки и доставки газеты к читателю. Иначе говоря, редакционный почты. Под пилотный проект для нее редакция выбрала два места в районе с компактно проживающим в многоквартирных домах населением. Причем там слабо работал почтамт. Одно – поселок Пригородный с населением 5000 человек

'39

«Кантемировский вестник»

Районная общественно-политическая газета «Кантемировский вестник» – периодическое печатное издание (два выхода в неделю – вторник и пятница), тираж – 3400 экземпляров, распространяется на территории Кантемировского муниципального района Воронежской области.

В начале 2014 г. редакция создала две группы в социальных сетях «Одноклассники» и «В контакте». Интернет-взаимодействие с читателями находит отражение в материалах ежемесячной тематической полосы «Газета – соцсети».

По данным на октябрь 2015 г., в группе «Кантемировский вестник» в «Одноклассниках» – 5000 друзей (14,1 % от населения района) и 4351 участник (12,3 %). Всего для обсуждения предложено 1670 постов (записей). В октябре 2015 г. предложено 119 тем (записей); 429 фотографий; 6 видео; 49 ссылок на портал РИА «Воронеж»; среднее количество лайков по одному посту – 100, среднее количество комментариев – 10; количество публикаций в газетах по темам со страницы в соцсети (учитываются темы, присланные читателями, а также опросы, фотоконкурсы и т. п.) – 9.

В октябре 2015 г. в группе газеты в сети «В контакте» было 2867 друзей (8,1 % от населения района) и 2301 участник (6,5 %). Всего для обсуждения предложено 1704 поста (записи). В октябре 2015 г. предложено 128 тем (записей); 251 фотография; 7 видео; 42 ссылки на портал РИА «Воронеж»; среднее количество лайков по одному посту – 15, среднее количество комментариев – 5; количество публикаций в газетах по темам со страницы в соцсети (учитываются темы, присланные читателями, а также опросы, фотоконкурсы и т. п.) – 7.

Газета имеет опыт реализации акций и социальных проектов разной направленности. Так, в 2015 году «КВ» провел акции «Напиши письмо Деду Морозу» и «Порадуй пожилого человека».

За месяц до празднования Нового года газета обратилась к юным читателям, чтобы те поделились в письмах Деду Морозу своими мечтами и желаниями. На призыв «Напиши письмо Деду Морозу» откликнулись почти сто детей, в редакцию ежедневно приходили письма с рассказами, рисунками, фотографиями, аппликациями. В последние дни старого года сотрудники газеты на редакционном автомобиле в костюмах Деда Мороза и Снегурочки объехали села района, поздравили авторов писем с праздником и преподнесли подарки. В этом нам помогли наши партнеры, которые предоставили футбольные мячи, игрушки и сладости. Столько радости и счастья было в детских глазах, ведь многие дети ещё по-настоящему верят в Деда Мороза и чудеса. Счастливы были и мы, потому что помогли осуществить ребячьи мечты.

Еще одна акция стартовала незадолго до празднования Дня пожилых людей. В селе Писаревка Кантемировского района расположен пансионат

«Кантемировский» для пожилых и инвалидов, который скоро отпразднует новоселье – по инициативе губернатора Воронежской области Алексея Гордеева в селе строится новое здание интерната для пожилых граждан и инвалидов. Чтобы подарить этим волею судьбы оказавшимся без поддержки близких людям частичку тепла, напомнить им, что о них не забыли, редакция и провела с 15 сентября по 31 октября 2015 года акцию «Порадуй пожилого человека» в помощь постояльцам пансионата «Кантемировский».

Пожилых людей порадовали 132 неравнодушных человека, которые передали 325 подарков и показали концерт.

Первыми открыли акцию сами сотрудники редакции районной газеты, которые собрали тысячу порций (19 кг) шиповника для полезного напитка с витамином С и отвезли бабушкам и дедушкам. После объявления в газете начала акции (15 сентября) первыми откликнулись дети из социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних, которые смастерили панно и открытки для пожилых людей.

Затем в редакцию обратились культработники Охрозаводского Дома культуры и сказали, что готовят для постояльцев пансионата концерт. Позвонила журналистам 89-летняя жительница Кантемировки Вера Андреевна Олейникова и сказала, что хочет поучаствовать в акции. Она передала постояльцам пансионата 20 головных платков.

Кантемировские лицеисты сшили платочки и смастерили открытки, которые через журналистов передали для пожилых людей.

Ученики и учителя Митрофановской школы тоже откликнулись и собрали 127 подарков, которые привезли в пансионат и вручили пенсионерам 30 сентября. В этот же день участники художественной самодеятельности Охрозаводского Дома культуры порадовали постояльцев пансионата двухчасовым концертом.

В середине октября в редакцию передали поделки из Кантемировского детского сада Кантемировской школы № 2. А 3 ноября из Митрофановского детского сада в редакцию передали три больших пакета с подарками для постояльцев пансионата «Кантемировский». Сотрудники детского сада решили передать тепло своих сердец пожилым людям через теплые носки, шарфики, кофту, связанные своими руками. Под руководством воспитателей 16 детей смастерили панно и другие подарки из природного материала, которые украсят интерьер пансионата и порадуют пожилых людей.

Поделилась урожаем тыкв наша читательница Евгения Молочаева, которая привезла шесть больших оранжевых «красавиц» для пожилых людей.

Депутат Воронежской областной думы Александр Пешиков выделил средства на приобретение живых цветов в новое здание пансионата. 5 ноября

«Сельский восход»

Живи, «Раионка»!

Для любого муниципального образования местная газета во все времена играла и будет играть важную роль очевидца социально значимых событий, пишущего подлинную историю в лицах — непредвзято, подробно, кропотливо. На страницах «районки» живут герои публикаций разных времён. Живут десятилетиями: молодые, полные надежд на светлое будущее; деятельные, трудом своим подающие добрый пример для подражания; зрелые и состоявшиеся, внесшие свою лепту в развитие и процветание малой родины. В Липецкой области зарегистрировано 18 районных газет. Нынешний год для большинства из них юбилейный. Не стал он исключением и для нашего издания: 85 лет назад, 28 мая 1931 года, вышел в свет самый первый номер Измалковской общественно-политической газеты.

Называлась она тогда «Колхозная правда», что вполне соответствовало духу времени – коллективизации сельского хозяйства. В Липецком областном государственном архиве сохранились экземпляры «Колхозной правды» за 1936 год. Уникален и бесценен с точки зрения истории 35-й номер газеты от 10 мая 1945 года. На первой полосе под общим заголовком «Красная Армия победоносно завершила Великую Отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков» разместились пронизанные чувствами высокого патриотизма и гордости материалы об установлении в СССР всенародного праздника – Дня Победы, о необходимости и оправданности государственных военных займов, о хорошей подписке на заём в Глотовском сельсовете. На самом почётном месте – центр и верх полосы – Акт о военной капитуляции германских вооружённых сил и фотография одной из берлинских улиц, занятых войсками Красной Армии. Публикация на второй полосе под заголовком «Будьте достойны своих земляков» повествует о награждении правительственными наградами измалковцев: ефрейтора Воропаева, младшего сержанта Богдашова и младшего сержанта Бельских – за доблесть и мужество в боях за крепость и главный город Восточной Пруссии Кенигсберг.

Стоит ли говорить о том, как сжимается сердце от соприкосновения с прошлым, когда держишь в руках пожелтевшие от времени номера «районки», когда листаешь подшивки давно ушедших лет... В 1961 году наша газета была переименована в «Знамя коммунизма», а через несколько лет стала называться «Восходом» в честь полёта одноимённого космического корабля нового поколения. В те годы журналисты писали о планах пятилеток, о славных достижениях советских людей, о социалистических соревнованиях, о человеке труда, что звучало, действительно, гордо. Двухтысячные принесли значительные перемены, расставили другие акценты, и «Восход», оставаясь верным избранному курсу к новым свершениям, получил но-

вое имя – «Сельский Восход». Возродить село, поддержать в нелёгкие времена российскую глубинку, верить в неё и в её будущее! Эти слова и сегодня служат девизом для жителей Измалковского района, а значит, и для районной газеты. Именно поэтому творческие сотрудники «СВ» большое значение придают подготовке материалов о простых людях из сёл-деревень, хлеборобах и доярках, фермерах и первопроходцах малого бизнеса, а также о возрождающейся в Липецком регионе кооперации и о роли местного самоуправления. Кроме того, коллектив старается идти в ногу со временем. Сегодня у нашей газеты есть свой электронный сайт, есть и группы в социальных сетях, есть и кадровый резерв, что особенно важно в реалиях дня сегодняшнего. Творческий труд в редакции, как показывает практика, под силу далеко не каждому, и чтобы в будущем было кому продолжать лучшие традиции газеты, на базе Измалковского Центра дополнительного образования при активном участии «Сельского Восхода» осуществляет свою деятельность детская студия «Юный журналист». Ежемесячно ребята готовят актуальные материалы, которые публикуются в рубрике «Растим журналистов». Наши юные авторы рассказывают о школьной жизни, достижениях ровесников, подводят итоги экологических акций. Для них это первые шаги в мир журналистики, ранняя проба пера, и нам, «восходцам», нравится вести мальчишек и девчонок за собой.

Говоря о будущем, нельзя забывать прошлое. Газету делают люди, и во все времена в редакции нашей районки работали талантливые, ответственные, неравнодушные сотрудники: Иван Вобликов (первый редактор), Матвей Трофимов, Николай Гладких, Николай Мацков, Анатолий Мерлев, Дина Ачкасова, Анатолий Дорогов, Валентин Михайлов, Александра Галинская, Лидия Каверина, Николай Воропаев, Нина Тюрина и другие наши предшественники. Первые профессиональные шаги в измалковской газете делали известный липецкий публицист Александр Косякин, писатель Михаил Глазков, поэтесса Валентина Купавых, фотокорреспондент Андрей Заика, бывший начальник управления по делам печати, телерадиовещания и связи Липецкой области Дмитрий Белокопытов. Всегда были у газеты, много их и сегодня, внештатные авторы, самый активный из которых Юрий Машкарин из д. Сахаровка. Его краеведческие заметки любят и ждут читатели. Часто на страницах районки делится своими мыслями с земляками подполковник в отставке, бывший райвоенком Анатолий Никитенко. Пишет замечательные стихи для литературной странички «Живой родник» Нина Шеларь — в недавнем прошлом учитель начальных классов школы №1 с. Из-

малково. Продолжают плодотворно сотрудничать с «Сельским Восходом» и главы сельских поселений района, которым не чужды самокритика и стремление не словом, а делом оправдать доверие своих избирателей-односельчан.

Думаю, не ошибусь, если выражу мнение многих своих коллег по журналистскому цеху: только печатное слово должно и может производить яркое впечатление даже на сегодняшнего торопливого молодого читателя. Вряд ли Интернет в силах заменить публикацию в местной газете с её неизменной проекцией на судьбу и чаяния простого человека и просветительским предназначением. А потому жизнь газет, в том числе и нашего «Сельского Восхода», продолжается. Есть у нас постоянные, преданные подписчики, и очень хочется верить, что ещё много-много лет районка будет писать летопись Измалковского края.

Историю же становления нашей газеты отследить и обобщить было нелегко. Коллектив собирал её по крупицам, радуясь каждому, даже незначительному, открытию. Слово из пазлов составляли мы единое целое, упорядочивали имена, даты и события. Эта работа проводилась в рамках подготовки к празднованию 85-летия со дня выхода первого номера. Кроме запросов в государственные архивы Липецкой и Орловской областей, встреч с ветеранами журналистики и круглых столов с проверенными временем подписчиками «восходовцам» предстояло придумать нечто такое, что произвело бы большое впечатление на читателей, что удивило бы и осталось в памяти надолго. Подходящая идея родилась не сразу, но она родилась! Уже в январе увидел свет первый выпуск тематической страницы «Газета времени». В обращении к читателям мы пригласили всех желающих совершить вместе с нами путешествие во времени и отправиться в далёкие сороковые, пятидесятые, шестидесятые и так далее годы прошлого века. Остановами в пути служили публикации прошлых лет. Вот портретный очерк о первом руководителе районной дорожно-строительной организации Юрии Вобликове, а слева – заметка о собранном урожае зерновых. В верхнем правом углу разместился репортаж с одного из передовых колхозов района, а ниже – письмо в редакцию от жителей с просьбой повлиять на недобросовестного продавца одного из сельских магазинов. Здесь же опубликованы фотографии двух передовиков производства, комбайнёра Николая Гладких и свекловичницы Марии Ворпаевой, с подписями к ним. Уже на следующее утро в редакцию звонили наши читатели с добрыми отзывами о новой идее, со словами благодарности за то, что память о выдающихся земляках не канула в Лету, и с просьбой выпускать такую страницу не один раз в месяц, а чаще. Слово наше отошло самым лучшим образом, что вдохновляло на новые поиски. В каждом выпуске «Газеты времени» мы вспоминали не только имена Героев труда и тех земляков, что работали на благо района, но и помогали читателям проникнуться атмосферой

беспримерного энтузиазма советского времени, трудовых соперничеств и прочих идейных характерных черт XX века. А в канун 71-й годовщины Великой Победы «восходовцы» преподнесли своим читателям без преувеличения бесценный подарок – точную копию 1-й полосы «районки» от 10 мая 1945 года.

Кроме того, с января и до самого Дня рождения газеты у читателей «СВ» была возможность стать участниками объявленного редакцией при поддержке Измалковской районной администрации творческого конкурса «Сельский Восход» – наша газета!». И дети, и взрослые присылали нам свои сочинения о ветеранах газеты, о её предназначении и истории: кто в прозе, а кто в стихах. А обладателями главных призов – планшетных компьютеров — стали те, кому удалось наиболее точно донести свою мысль. Награждение победителей прошло на сцене районного Дома культуры, где состоялось торжественное мероприятие в честь Большого Юбилея газеты. В этот день в зрительном зале не было свободных мест. Слова искренних поздравлений, добрых напутствий и пожеланий сказали «восходовцам» начальник управления печати, телерадиовещания и связи Липецкой области Наталья Демьянова, председатель Липецкого регионального отделения Союза журналистов России Петр Игнатов, руководство района, коллеги из других районных газет, и, конечно же, наши преданные читатели. Праздник получился ярким и трогательным, а его финальным аккордом стал подготовленный сотрудниками «СВ» видеофильм, рассказывающий о трудовых буднях редакции.

К сожалению, такие торжественные мероприятия, да ещё в доброжелательной и искренней атмосфере, в жизни журналистов случаются нечасто. В этом их несомненная, особенная прелесть. До следующего Юбилея «восходовцам», число которых на сегодняшний день равно двенадцати, шагатель целых 5 лет. Времени более чем достаточно для новых достижений и находок...

Юлия Мирошниченко,
главный редактор «СВ»

Вячеслав Запорожец

О «районках», которые не дышат

Или субъективные заметки бывшего сотрудника государственного медиахолдинга

Меня зовут Запорожец Вячеслав Петрович. Мне 48 лет. Выпускник факультета журналистики Воронежского государственного университета 1994 года. Творческую дипломную работу «Фельетон в газете» защитил на «5». Моя первая публикация появилась в прессе в теперь уже далеком 1985 году, потом были сюжеты на радио. Работал токарем на заводе, служил в Советской Армии. Официальную трудовую деятельность как журналист я начал в 1991 году, о чем в трудовой книжке есть соответствующая запись. С тех пор минуло 25 лет, и эту четверть века я провел в воронежской журналистике. Последние три года работал в районной газете «Новоусманская нива» – корреспондентом, заместителем редактора. Это были прекрасные три года. Почему были? Потому что развернуло свою энергичную деятельность Региональное информационное агентство «Воронеж», которое так крепко сжало в своих дружеских и профессиональных объятиях все районные газеты области, что стало трудно дышать. В общем, я уволился. И теперь могу спокойно рассказать о своих наблюдениях, поделиться некоторыми выводами, к которым пришел. И еще: зачем я написал эти заметки? Потому что уже завтра, быть может, нас спросят: «А что вы делали, когда на ваших глазах и вашими руками разваливали журналистику в отдельно взятом регионе, проводя натурный эксперимент?». Мне не хотелось бы на этот вопрос ответить: «Ничего».

ПРАВО НА МЕСТЕЧКОВОСТЬ

Районная газета является специфическим средством массовой информации. Ее особенность заключается в сравнительно малой аудитории, локально расположенной – на территории того или иного муниципального образования, причем сельского муниципального образования. Районная газета позволяет осуществлять массовую коммуникацию в пределах обозначенной территории, из чего следует появление у нее такого свойства, как консолидирование жителей по признаку единства места проживания. Говоря проще, районная газета помогает местным жителям ощутить себя некой общностью. Представляется, что это наиважнейшая функция маленькой газеты. Из этого следует и несколько отличающийся от более массовых изданий выбор тем публикаций. Если для жителей большого города информация об утреннике в детском саду не является значимой, то для жителей небольшого села – это событие. Можно назвать это «мелкотемьем», с точки зрения «серьезной» прессы. Но это не так. Сельскому укладу жизни присуща гиперлокальность – естественная гиперболиза-

ция небольших событий со всеми вытекающими из этого явления фактами. Районная газета как медийный оператор на территории с преимущественно сельским укладом естественным образом функционирует в рамках обозначенного дискурса. Вывод: нельзя к районной газете применять критерии деловых и популярных изданий в полном объеме. Превращение районных газет в подобия популярных еженедельников – первый шаг к разрушению местной общины. Поэтому на страницах районной газеты имеют право на появление лирика и проза местных авторов, и репортажи с детских утренников, и сюжеты о начале посевной или уборочной кампании.

МЕНТАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Что происходит на самом деле под видом реформирования районных газет? Происходит создание вертикально интегрированной компании, под которым подразумевается создание единого финансового центра (создан), единого стандарта подачи информации (внедряется), единого графического (визуального) стандарта (внедряется). Холдинг начинает работать как коммерческая компания, являясь, тем не менее, государственной. (Давайте вспомним 60 пунктов КРП, по которым должны отчитываться редакции и за которые им начисляются баллы-очки-«палочки»). Кстати, яркий пример такой реформы – это реформа ОАО «РЖД», реализовывавшаяся в течение многих лет с маниакальным упорством Владимиром Якуниным при полном неодобрении ее в том числе и железнодорожными «генералами», понимавшими ее губительность для отрасли. Кстати, концепция реформы РЖД была разработана американскими «специалистами». Но это к слову. РИА продолжит свою энергичную работу по реформе системы районной печати. Я пропущу предполагаемые мной промежуточные звенья и скажу, что будет в финале этой истории – уже через один или два года. Районных газет не будет вообще. Будет один многостраничный еженедельник, в котором в обязательном порядке будет присутствовать та или иная «новость-информашка» из каждого района. Таким образом, будет создана видимость информационной насыщенности региональной информацией. Кроме того, это будет сильный рекламоноситель. В финансовом плане это будет весьма успешное издание, а если добавить, что из штата выбросят примерно 260 «бездарей

и бездельников» из районных газет, то налицо – громкий коммерческий успех реформы. Упускается из виду важнейший момент, здесь я повторяюсь: районные газеты в первую очередь, независимо от качества контента и формы его подачи, выполняют важнейшую функцию – коммуникацию внутри административно обособленной территории – района, позволяют людям чувствовать себя не «населением», а общностью людей определенного края. Складывается впечатление, что развал этой коммуникации и есть конечная цель реформы районной печати. Своего рода тихий ментальный переворот. Нет сомнений в том, что «реформу» газет будет сопровождать энергичная капания по дискредитации сотрудников районных газет: их будут обвинять-уличать в непрофессионализме, нарушении «корпоративной» дисциплины, скудоумии и пр. и пр. Это необходимо как дополнительное обоснование реформы. Отсюда и нежелание РИА обучать-переобучать людей из районов по какой-то системе (например, такой, которая была предложена факультетом журналистики) – лучше устраивать череду по большей части бессмысленных и малоэффективных семинаров. А поскольку семинары к видимым результатам не приводят, это еще один из поводов обвинить «колхозников» из районов в ограниченности. А снобизм наших кураторов – он не личностный, это корпоративная установка. Она не обязательно озвучена, она вытекает из логики «реформаторской» деятельности РИА.

ОТУЧИТЬ ОТ ГАЗЕТЫ

Переход на еженедельный выпуск, на который старательно переводятся воронежские газеты («Воронежский курьер», районные издания). Это продолжение темы. Еженедельник – специфическое издание, и его особенности не стоит объяснять, потому что они и так известны и профессионалам медиабизнеса, и читателям. О преимуществах, недостатках, особенностях еженедельного издания, в сравнении с ежедневным (или выходящим три-два раза в неделю), можно вести споры. Но дискуссия эта имеет смысл в отношении новых изданий, потому что если взглянуть на вопрос ретроспективно, то можно увидеть, что еженедельники появлялись как приложение к ежедневным газетам, становясь их органичным продолжением, предоставляющим дополнительные информационные и рекламные возможности издателю. Но это не отменяло и ежедневного выпуска. Массовое появление еженедельников на рынке в начале 90-х (эпохе избавления от тотального государственного регулирования сферы) было обусловлено стремлением новых независимых издателей попробовать свои силы на рынке медиа, создать быстро окупаемый бизнес. Причем сделать это с минимальными затратами, зачастую на голом энтузиазме. Что-то из этих попыток получилось, что-то нет. А вот переформатирование ежедневных изданий в еженедельники – это уже инновация, причем подкрепленная сомнительными аргументами об эконо-

мии средств. О какой экономии можно говорить, если издания лишаются возможности предоставлять рекламодателю гибкий график размещения платных материалов, то есть денег?! Но самое «ценное» в этой инновации то, что читатель начнет постепенно отвыкать от газеты.

ПОНУЖДЕНИЕ КАК МОТИВАЦИЯ

Об ошибках «реформы». Во-первых, все начинается с подмены понятий. Теперь в газете нет главного редактора как такового, есть «директор N-ского филиала РИА «Воронеж». У него отобраны возможности вести самостоятельно даже гонорарную политику, потому что правильность начисления гонораров теперь проверяют и корректируют «кураторы» газет. Им, судя по всему, виднее, какому сотруднику поставить повышающий коэффициент, а какому не поставить. Причем все многообразие жанров публицистики сведено, по мысли разработчиков гонорарной системы, до трех видов текстов, типология которых, мягко говоря, смущает: 1. Новость, 2. Расширенная новость, 3. Заметка (статья) – именно так – с пояснением в скобках. В процессе верстки газеты выпускающий редактор постоянно получает «рекомендации» куратора газеты: исправить заголовки, что-то изменить в композиции текста, заменить анонс материала, изменить макет (нередко ничего не понимая в принципах организации газетного пространства). Здесь надо объяснить: районные газеты отсылают все сверстанные полосы, включая полосы с телепрограммой, на сверку кураторам. Характерный пример: наш анонс на первой полосе «Супруги N прожили 60 лет вместе» по требованию куратора был заменен на «Бриллиантовая свадьба супругов N» (Объясню: наверное, не все точно знают, что такое «бриллиантовая свадьба», а «60 лет вместе» – привлекут внимание многих и могут побудить к спонтанной покупке газеты в рознице). А чего стоят настойчивые советы убрать с первой полосы анонс телепрограммы в пятничном выпуске, которые, если следовать им, снизят продажи газеты сразу процентов на 20? Откуда взяли в «кураторы» этого человека без специального образования и, как я понимаю, без минимального опыта работы в средствах массовой информации? Кто принял его на работу? И основной вопрос: «Зачем его приняли на работу?». Не внося фактически ничего конструктивного в процесс выпуска газеты, «кураторы» (с моей, теперь уже бывшей, газетой «работает» уже четвертый по счету) просто отнимают время и привносят в работу сумятицу. При этом не несут никакой ответственности за содержание газеты.

Еще один пример. На заработную плату штатного дизайнера теперь в первую очередь влияет авторитетное резюме специалистов РИА. Теперь дизайнеру не столько нужно выполнять требования зам. редактора, сколько следовать указаниям своих кураторов. И это естественная реакция нормального человека: я имею в виду дизайнера, который просто не понимает, кто и что от него требует.

Создание в рамках РИА «Главфинанса», «Главконтента», «Главдизайна», «Главмаркетинга», «Главрекламы» – это и есть упомянутая вертикально интегрированная компания, которая работает не на укрепление районных газет, а на их уничтожение. (См. унылый пример ОАО «РЖД»). Создание дублирующих схем управления процессом вместо оптимизации приводит к неразберихе и в итоге к снижению эффективности работы системы. В связи с этим любопытна информация о проведенном недавно в Воронеже семинаре-совещании по совершенствованию системы государственного управления регионом. Пресс-служба облправительства сообщила СМИ: «Основной акцент в ходе семинара-совещания был сделан на внедрении комплексной оценки эффективности деятельности руководителей исполнительных органов госвласти (ИОГВ) области и разработке и внедрении системы проектного управления». Это в общем, а в частности, на семинаре рассматривали, в том числе, и то, как с помощью внедрения системы проектного управления предполагается избежать «задваивания» управленческих процедур». (Цитата из открытых источников). Странно, да? Губернатор приглашает в регион специалистов по управлению, чтобы избежать «задваивания», а в РИА «Воронеж» устроили не то чтобы «задваивание», а переход к нелепой управленческой структуре. Судите сами: к оценке работы журналиста районной газеты так или иначе причастны зам. редактора, директор филиала (редактор), куратор газеты, редактор отдела выпуска районных газет, дизайнер РИА, бухгалтер РИА. Каждый может поставить коэффициент – повышающий или понижающий. Например, в марте 2016 года я насчитал себе определенную сумму гонораров (а таблицы в формате Excel теперь каждый журналист и дизайнер заполняет самостоятельно), а в расчетном листке увидел, что она занижена примерно на 5 000 рублей. Мне пришлось написать заявление на имя исполняющего обязанности директора АУ ВО «РИА «Воронеж» с требованием разобраться в ситуации с начислением гонораров. Гонорар пересчитали. В сторону увеличения. Ровно на 5 000 рублей. Позднее я узнал, что в других изданиях, входящих в холдинг РИА, занижение заработной платы (в гонорарной части) стало обычной практикой. Под предлогом того, что тексты «не соответствуют формату», у журналистов

изымают от 5000 до 8000 рублей в месяц. При этом фонд заработной платы РИА, надо полагать, не сокращается. Забавно, что вердикт «формат» или «неформат», так в некоторых случаях получается, нередко выносят мастера слова, которые в своей жизни не написали ни одной заметки, корреспонденции или репортажа, ни разу не нажавшие на кнопку спуска затвора фотокамеры, чтобы сделать не селфи, а снимок для газеты. В обязанности корреспондентов районных газет входит регулярная подготовка заметок для портала РИА «Воронеж». Установленный за них гонорар – 113 рублей. «Пи-

шите больше – зарабатывайте!», – такой нам дают совет. Сколько воды нужно в решете переносить, чтобы «заработать» на заметках, отвлекаясь при этом от основной работы? Суть в другом: если от районной газеты будет поступать мало заметок, то она не получит баллов-палочек для КРІ (ключевого показателя эффективности – по-русски), что снизит шансы на получение квартальной премии. Это называется не мотивация, а понуждение. В местном публичном пространстве звучали упреки в адрес РИА в неэффективном использовании бюджетных средств. Назывались суммы: «Районки тратят по миллиону в день!». Но, наверное, РИА тратило по миллиону в день не только на одни районки (в «деньги РИА», как выяснилось, засчитали и средства, в том числе, ассигнованные на размещение платной рекламы в частных СМИ региона). Тем не менее, во всех районных газетных области работают примерно 300 человек, журналистов из них – около 100, в РИА в целом – около 450 сотрудников. Получается весьма любопытный баланс: 300 человек – «в поле» и 150 – «на зерноскладе», заправляющих собранным зерном.

РЕГЛАМЕНТ ДЛЯ ИДИОТОВ

О Регламенте РИА. Регламент представляет собой, по сути, методичку по североамериканскому журнализму. Рекомендации просты: пишите простыми предложениями, не используйте заимствованные слова, придумывайте только информационные заголовки (желательно под хэштэг, который удобно продвигать в интернете). В общем, нужно быть ближе к народу. Но если взглянуть на происходящее с другого ракурса, то приходишь к несколько иным выводам. А именно: читатель (потребитель информации) намеренно оглупляется, в том числе и потому, что письменная речь старательно приближается к разговорной. И дело не столько в функциональной стилистике – из речи старательно устраняются абстрактные понятия. И поскольку требования становятся все менее взыскательными, одновременно профанируется и работа журналистов. Здесь будет уместна цитата. Наберитесь терпения, и оно будет вознаграждено: «В начале Второй мировой войны Тавистокские руководители разработали секретный лингвистический проект в рамках директивы британского правительства о подготовке психологической войны против противников. Однако объектом проекта были не противники, но английский язык и народы мира, говорящие на английском языке. Проект основывался на работах английского лингвиста Ч. Огдена, который создал упрощенную версию английского языка на основе 850 базовых слов (650 существительных и 200 глаголов), использующую упрощенные правила их употребления. Куда большекам с их аббревиатурами и исколеченными из алфавита тремя буквами до Огдена! Получился «базовый английский» или сокращенно «Бейсик», принятый в штыки английскими интеллектуалами. Дело в том, что авторы нового языка претендо-

вали на перевод всей великой английской литературы на этот язык, что равнозначно тому, как если бы мы стали переводить наследие русской классической литературы на язык рисованных комиксов или дайджестов, что, впрочем, не столь давно предлагалось американскими «ценителями» русской литературы. Упрощенный английский язык ограничивал возможности свободы выражения мысли, тем самым создавался концентрационный лагерь ума, а основные смысловые парадигмы выражались через метафоры. В результате создавалась новая языковая реальность, которую легко было транслировать массам и апеллировать к их чувствам через метафорически-интонационный строй языка. Возникла возможность не просто глобальной идеологической диверсии, но складывалась универсальная смиренная рубашка для сознания. Британское министерство информации, которое в годы войны полностью контролировало и цензурировало распространение информации и циркуляцию новостей в стране и за рубежом, проводило активные эксперименты с Бейсиком по сети Би Би Си. Британская Радиовещательная Корпорация получила заказ на ряд передач на Бейсике в первую очередь по отделу Индии. Одним из активных операторов и творцов этих передач был Д. Оруэлл, автор «1984», который совместно со своим ближайшим другом Г. Бюрнессом был вовлечен в грандиозный послевоенный шпионский скандал». Д.ф.н., профессор Некрасов С. Н. («Тавистокская психологическая война против человека»). Прямая ссылка на статью: <http://t.umblr.com/redirect...>

Справка (Википедия): Тавистокский институт человеческих отношений (Tavistock Institute) — некоммерческая исследовательская организация Великобритании, занимающаяся психоаналитическим исследованием группового и организационного поведения. Институт зарегистрирован в Великобритании как благотворительная организация. Институт был создан на базе Тавистокской клиники (Лондон) группой терапевтов, исследователей и консультантов в 1946 году при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера. Среди основателей Института были Эллиот Джекс (Elliott Jaques), Генри Дикс (Henry Dicks), Леонард Браун (Leonard Browne), Рональд Харгривз (Ronald Hargreaves), Джон Ролингс-Рис (John Rawlings-Rees) Мэри Лафф (Mary Luff), Уилфред Р. Бион (Wilfred Bion). Другие известные имена, связанные с институтом: Джон Сазерленд (John D. Sutherland), Джон Боулби, Эрик Трист (Eric Trist), Фред Эмери (Fred Emery). Основатели стремились поставить на службу обществу психологические и социальные знания. В 1948 году, когда Тавистокская клиника стала частью Государственной службы здравоохранения Великобритании, институт выделился в самостоятельную организацию.

Пожалуй, здесь будет уместна еще одна цитата: «Спокойствие, Монтэг, превыше всего! Устраивайте разные конкурсы, например: кто лучше помнит

слова популярных песенок, кто может назвать все главные города штатов или кто знает, сколько собрали зерна в штате Айова в прошлом году. Набивайте людям головы цифрами, начинайте их безобидными фактами, пока их не затошнит, ничего, зато им будет казаться, что они очень образованные. У них даже будет впечатление, что они мыслят, что они движутся вперед, хоть на самом деле они стоят на месте. И люди будут счастливы, ибо «факты», которыми они напичканы, это нечто неизменное». Рей Бредбери, «451 градус по Фаренгейту».

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

И, так сказать, своеобразная точка над «i» — один из образцов продукта интеллектуальной деятельности медиаменеджеров и медиааналитиков из РИА. Ниже — циркулярная рассылка по редакциям районных газет (да, периодически РИА снабжает газеты методическими материалами).

«Уважаемые коллеги! Предлагаем вам очередную подборку тем и идей для отработки и публикации в газете в ближайшее время.

1. 23 февраля. Как можно и нужно отработать этот праздник: сделать дембельский альбом с первыми лицами района (взять у них фотки времен службы, порасспрашивать на предмет интересных историй, можно забавных). Если уже делали такое в прошлом году, то возьмите просто известных в районе людей — врача, краеведа, учителя, МЧСника, начальника пожарной дружины....

б) найти тех, кто служит сейчас (или их родных) в интересных местах или особенных родах войск и узнать, как им служит.

Как не нужно отрабатывать этот праздник: а) писать мини- или максирепортажи с возложения венков и цветов к памятнику воинов,

б) подробно писать про воспоминания воинов-афганцев,

в) по возможности не трогать уже ветеранов ВОВ,

г) не освещать мероприятия к празднику в библиотеке, школе, обществе ветеранов и инвалидов, встречи школьников с воинами-афганцами,

д) не писать пространные общие суждения кого бы то ни было (особенно краеведов, чиновников, учителей и библиотекарей) о том, как это хорошо — патриотизм, и что каждый должен знать свою историю и гордиться ею.

2. Несанкционированные парковки. Пройдите и посмотрите, есть ли у вас такое, что машины перегораживают тротуары, подходы и подъезды к общественным местам, улицы, мешают прохожим.

3. Разрушенные после мороза дороги, размытые просёлки, обрушившиеся берега вместе со сходом снега — если такие вещи есть, надо об этом писать, спрашивать у руководителей, что будут делать и когда.

4. Самые аварийные места районов (где, почему, комментарии водителей и ГИБДДшников). Можно сделать карту таких мест с выносками и описанием.

5. Сделать что-то типа инструкции по какой-то теме: как сделать то-то и то-то, например, пошаговая инструкция, как зарегистрироваться на сайте госуслуг или оформить ОСАГО через интернет, как разобраться, что делать с налогами, как получить налоговые льготы, как приватизировать дом, как не попасться на удочку мошенников с банковскими картами. Можно плотно взаимодействовать с теми, кто обычно присылает вам пресс-релизы, и задать им конкретные вопросы.

6. Традиции района или отдельных его сёл. Как жили, что ели, как справляли свадьбы, как назывались и почему так улицы и места. Можно работать не только с краеведами и историками, но и со старожилами – пусть расскажут не только факты, но и байки, мифы, легенды, предания, анекдоты (то, что помнят. Это будет живая история).

7. Проверить, в каком состоянии люки, тепло-трассы, другие объекты повышенной опасности. Пройти и посмотреть, сфотографировать, если есть опасные места в поселениях.

8. В области третий год действует программа поддержки селян – выдаются субсидии на покупку КРС. Сколько жителей района в прошлом году воспользовались этой субсидией? Может, еще есть какие-то субсидии у вас. Как крестьяне относятся к такой программе, многие ли держат в своем хозяйстве коров и т. д. Пример хорошей отработки – газета «Народное слово» (Хохол), 19 января 2016 г. «Как купить корову».

9. В Воронежской области проходит акция «Покормите птиц». Как она проходит у вас? Узнайте у школьников, в детских садах, у юннатов. У местных жителей. Можно объявить акцию для читателей: пусть присылают свои рассказы о том, как они кормят птиц, каких интересных птиц заметили – пусть пришлют фото. В Грибановском районе, например, поселились снежные воробьи из Арктики («Знамя труда», 15 января 2016 г.).

10. Скоро завершается сезон охоты. Узнайте, как он прошел в вашем районе. Били ли случаи браконьерства, охоты без документов?

Подпись».

(Стилистика, синтаксис подлинные).

Здесь прекрасно все: начиная с тем о «состоянии теплотрасс» и «несанкционированных парковках» (крайне актуальных, например, для Нижней Катуховки в Новоусманском районе) и заканчивая рекомендацией «не трогать уже ветеранов ВОВ».

ЭПИЛОГ

На одном из недавних семинаров РИА для журналистов районных газет один из кураторов-редакторов, выступавший в качестве тьютора, читал что-то вроде лекции о заголовках. Барышня настаивала на том, что заголовок в районной газете должен полностью передавать содержание материала. На естественное возражение одного из участников семинара: «Но ведь тогда никто не будет читать газету...» последовала мгновенная реакция тренера-наставника: «А это и есть наша цель!». Конечно, она

всего лишь оговорилась, и совсем не то подразумевала, и в несколько ином контексте следует ее слова истолковывать, и это не то, о чем вы подумали... Ну, в общем, вы поняли.

Вячеслав ЗАПОРОЖЕЦ, журналист, бывший сотрудник районной газеты «Новоусманская нива».

ПРИЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ ИННОВАЦИЯМИ В ЖУРНАЛИСТИКЕ (компендиум того самого Регламента)

«Требования к оформлению журналистского текста. Обязательные и неотъемлемые части любого текста: 1. Рубрика (или рубрика полосы, или рубрика заметки). 2. Заголовок (не надо делать длинные заголовки, 7-8 слов. В 3 строки не допускается. Запятые не надо в заголовке). 3. Подзаголовок. Заголовок и подзаголовок должны быть самостоятельными предложениями с подлежащим и сказуемым (местоимения в подзаге использовать нежелательно именно по этой причине). Не надо вываливать ВСЮ информацию в подзаг. Только самую суть. Детали – ниже, в тексте заметки. 4. Текст. Он должен быть написан по принципу перевернутой пирамиды. Самое главное – в начале заметки, затем подробности. Текст должен начинаться так, как будто заголовка нет, информация должна быть дана полностью (она по сути повторяет заголовок и подзаголовок, но другими словами). Сразу даем ответы на вопросы Что? Кто? Где? Когда? Почему? Как? Для новости ОБЯЗАТЕЛЕН информационный повод. Избегайте сложных конструкций, длинных придаточных предложений. – Предложения должны быть короткими. При возможности нужно разбивать длинное предложение на два. Стараться использовать только точки и запятые. Допустимо «–». Восклицательные знаки запрещены (кроме прямой речи). Многоточия допустимы только в случае сокращения цитаты из официального документа! – Из нескольких титулов чиновника выбирать один самый важный и подходящий по теме новости. – Названия госорганов тоже стараться по возможности не писать целиком, читателям эту груду терминов не переварить. – Заголовок и лид-абзац не должен содержать «трехэтажных» названий госорганов и регулирующих документов, а также длинных титулов действующих лиц. – Любые суждения или оценки должны быть обоснованными: подтверждены фактами, цифрами либо мнениями экспертов. При спорном вопросе комментарии должны быть получены из двух конфликтующих источников (даже если отказываются от комментариев, писать «отказались от комментариев»). – Информацию лида-абзаца нужно максимально заострить, вытащить туда самые интересные факты и подробности, но не нужно выливать на читателя их все сразу, иначе пропадет смысл читать текст дальше. Приберегите детали для текста (см. структуру новости). В общем, лид – это самое вкусное. Наживка, на которую мы ловим читателя. – Избегайте бессмысленных слов и выражений: «своего

рода», «своеобразный», «некоторый», «в значительной степени», «вместе с тем», «во многом», «судя по всему», «очевидно», «похоже», «очень» и т. д. Стоит заменять выражения «на сегодняшний день», «на данный момент» словами «сейчас» и «теперь». – Никаких бюрократизмов, канцеляризм! Допустимо их употребление только в прямом цитировании. – Избегайте вводных слов, в том числе, «во-первых», «во-вторых» и т. д. – Избегайте бессмысленной избыточности. Например, «мешок с различной одеждой». 5. Подпись автора материала и фото. 6. Добивки – если это нужно по фактуре материала (справка, полезные адреса и телефоны, история, прямая речь и т. д.). Добивки не должны превышать в совокупности 1/2 объема основной заметки. 7. ВСЕ фотографии необходимо подписывать: читатель не должен догадываться или сам додумывать, почему мы поставили это фото. Подпись не должна дублировать то, что изображено на фото. Если герой заметки снят вместе с другими людьми, в скобках указываем: вот он, второй справа (даже если нам кажется, что и так все понятно). Идеально, если подпись добавляет фактуру к информации заметки».

P.S. Не знаю, почему, но наваяло: Збигнев Бжезинский: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счёт России и на обломках России». Из книги «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (М., Международные отношения, 2010 г., стр. 127). А теперь изменяем несколько слов, и получается тоже красиво: «Новый информационный порядок при гегемонии РИА создается против региона, за счет районных газет и на обломках районных газет». И еще одна цитата напрашивается, из интервью с Захаром Прилепиным: «Они контролируют столько всего, сколько вам и не снилось, друзья мои».

Просто они, к их неудовольствию, не всегда могут позволить себе быть самими собой.

Но если им дадут хоть маленький шанс — вы увидите их всех в полной красе и всеоружии.

Они сидят и ждут. И копят, солят, перчат, кипятят тяжёлое, надёжное, непобедимое чувство по нашему поводу.

Дайте только шанс: выплеснут накопленное прямо на голову.

Впрочем, разве мы говорим только о медиа? Полноте».

<http://www.politgazetavrn.ru/2011-05-01-19-54-15/item/13020-0-районках-которые-не-дышат/13020-0-районках-которые-не-дышат>

Обсуждение в ФБ:

Владимир Тулупов Публикация, как сказал бы вождь, архисвоевременная: сегодня и завтра в Воронеже проходит очередной (4-й, кажется) медиафорум, посвященный региональной журналистике. Интересно, будут ли обсуждать эту статью?..

Алексей Синельников Вот это проняло))) Районная газета как медийный оператор на терри-

тории с преимущественно сельским укладом естественным образом функционирует в рамках обозначенного дискурса.

Алексей Синельников Вообще есть что обсуждать. Кстати, не могу сказать, что рекомендации идут от совсем уж бездари. Было бы интересно и РИА послушать. Слава показал ситуацию снизу, боюсь, сверху она выглядит по-другому. А если встать над ситуацией – по-третьему. Но совершенно очевидно, что путь тупиковый, тут Слава прав. но причины не только в вертикали

Виктор Перегудов Воронежская журналистика (журналистская школа) были в числе лучших по стране. Я говорю не только о «Молодом коммунаре», светлая ему память, но и об основательной «Коммуне», и, конечно, о районных газетах – близких человеку, родных, понятных, «домашних». Что там творят сейчас в Воронежской области эти шустрые и креативные? Пропали районки, исчез ценный социальный институт, журналисты районок лишились работы, читатели – своих газет. И эти убогие обязательные методички, от которых несёт дилетантизмом... Вы губите дело, чиновники. Дело, в котором ничего не понимаете.

Олег Шевцов У меня будет взгляд со стороны. Я на протяжении 15 лет регулярно бываю в Воронежской области. И всегда старался добывать районки. Никаких «животрепещущих районных тем», никакого «дыхания жизни» я на протяжении 12 лет там не замечал. Всё было, как почти везде: даже не пресс-релизы – отчёты ведомств на 10-15 тысяч знаков, чудовищное оформление, жуткие заголовки, снимки размером с почтовую марку. А вчера я на медиафоруме набрал «загубленные воронежскими чиновниками» районки и весь вечер их изучал. Потому что они красивые. Потому что в них – животрепещущие темы. Потому что там – достойные тексты и хорошая редактура, а не собрание канцеляризмов и банальностей, как это было раньше. Потому что в них Борисоглебск или Рамонь – живые, а в старых районках былидохлыми и депрессивными.

Владимир Тулупов Я слежу за воронежскими «районками» более четверти века, причем за всеми 32. Бывал во многих редакциях, проводил мастер-классы, делал для некоторых КГМ, многие местные журналисты имеют наши дипломы ВО или дипломы годичной переподготовки на базе ВО. Газеты, редакторы, журналисты были разными, но сказать, что никакого «дыхания» не было, что было «чудовищное оформление» и «жуткие заголовки» – значит, мягко говоря, обидеть целое поколение профессионалов. Осторожнее с оценками. И разговор намного серьезнее – он не о стандартах, а о стандартизации. И мнение высказывает не «человек со стороны», а находившийся в «кипучей буче».

Виктор Перегудов Стандартизация, да, Владимир, в этом корень. В страшном сне не мог представить, что дойдёт до столь механистичного регулирования журналистской работы. Или это уже

не журналистика, а что-то чуть ли не ей обратное, и слово-то подходящее трудно подобрать. Информационная услуга? Тоже нет. Род цензуры? Гораздо ближе. Имитация журналистики... Кстати, не называя фамилий, чтоб не «подставить» людей: знакомые районщики в бешенстве.

Владимир Тулупов Так замминистра открыто говорит, что с журналистикой, с журналистской профессией скоро будет покончено, что молодежной журналистики не бывает (литература, театр, кино для детей, юношества и молодежи нужны, а журналистика нет?). Придумывается ФГОС аморфного направления «Медиакоммуникации». Понятно, настоящая журналистика с ее социальной миссией не нужна, а имитирующая ее деятельность в глянцево-упаковке (о, дизайн!) – да. Находятся идеологи и рьяные исполнители, и – караван идет...

Алексей Синельников ну, собственно, в какой-то мере именно об этом Слава и написал.

Юлия Вислогузова Как же все правдиво и грустно...

Владимир Тулупов Перечитал в который раз текст Славы (в портфеле «Акцентов» материал давно лежит в ожидании авторского «добро») и подумал: если журналист честен, то разве он найдет что возразить автору?..

Юлия Вислогузова Вы абсолютно правы!

Айрат Еникеев В Башкирии то же самое, только хуже раз в 10

Владимир Сунгоркин по-моему, это последний шанс спасти для районных газет читателя – я имею в виду создание вертикали и процитированные (в целом нормальные) рекомендации из воронежского «центра». Везде, куда приезжаю, читаю местные газеты... ладно, не будем о грустном.

Алексей Синельников Поддержка районов в таком виде (не беру именно воронежские) – это некая уступка чиновников старшему консервативному поколению. Раз оно привыкло читать на бумаге и оно такое влиятельное на выборах, то вот вам – нате. Но помощь сильно условная. С кем из редакторов ни поговоришь – деньги от губернии примерно одна десятая часть годового бюджета, но управление – стопроцентное. Слова Волина можно расценивать как мнение чиновника, трактуящего некие события в условиях властной вертикали. С этой точки зрения влияние местного чиновника на фактически областную газету должно быть минимальным. По факту – не думаю. Нет такой прямой связи. Мне интересно, что было бы, если бы районки не поддерживали искусственно. Возможно, на их месте выросло бы что-то живое, не встроенное в вертикаль. Я сам из районки вышел, сочувственно отношусь к их положению, но вот государственные газеты – не очень жалую. Хотя не исключаю, что скоро все СМИ будут так или иначе государственными, просто само собой так произойдет. Мало какие СМИ сегодня могут жить на деньги, заработанные исключительно на рекламном рынке, так оно сложилось. Нет для них рекламного рынка. Почти нет.

Айрат Еникеев Возможно, на их месте выросло бы что-то живое, не встроенное в вертикаль. Соласен на 100%!

Айрат Еникеев Вертикальное управление районками и несколькими ведущими областными изданиями – это сбывшаяся голубая мечта медиачиновников, которые теперь и бюджет пилят, и контентом командуют. Редактор попробуй пикни – не продлят с тобой контракт и вся недолга. Пресса первой в начале 90-х перешла на рыночные рельсы, и сдается, как последний Севастопольский бастион. И про рекламный рынок, которого нет, Вы, Алексей, неправы. Он есть, просто в малотиражную серость идти не хочет. Довольно благополучная жизнь живых частных СМИ тому пример. Кстати, в развитых странах тиражи бумажных изданий не только не падают, а растут. Несмотря на «ужасный» интернет. У уважаемой публики там модно читать «бумагу», а не пялиться подслеповато в монитор.

Алексей Синельников Айрат, все крайне неоднородно от региона к региону и от газеты к газете. Не обобщается ситуация сегодня.

Айрат Еникеев Да, говорю на примере своей территории, где этот вертикально-управленческий ужас возведен в степень. Но тенденция-то общая, увы!

Владимир Тулупов Волин любит говорить про «дядю», забывая (?), что в случае с государственными СМИ «дядя» – это налогоплательщик. Понятно, что это – теория, а на практике рулит «бухгалтер»... Но когда мы, будучи на обучающем семинаре в Стокгольме, спросили главного редактора телевизионного госканала, вмешивается ли учредитель в редакционную политику, он даже не понял, о чем его спрашивают... Не знаю, насколько он был искренен, но, кажется, культура взаимоотношений там именно такова.

Алексей Синельников Это не кажется, а так и есть. Я там был несколько раз. Последний – чуть больше месяца назад. И кстати, рынок газетной рекламы удручающе нехорош. Я писал тут, что крупнейшие газеты стали скрывать тиражи, которыми года четыре назад гордились. И вообще заметно изменилась визуальная среда в Стокгольме, исчезли газеты из нее.

Айрат Еникеев Уважаемый Алексей. Дело в том, что шведские газеты до недавнего времени субсидировались государством почти на 50%, а сегодня только на 15%, но при этом началось субсидирование так называемых «вторых» газет в леннах, то есть поощряется конкуренция. Субсидия зависит от тиража, чем он меньше у нового издания, тем больше субсидия. Вот и все. Рычаги чисто экономические, а не цензурные. Конкурс на журфак шведского вуза – от 7 человек на место. Журналист там – профессия престижная, уважаемая и неплохо оплачиваемая. Коллективы редакций на 80% – мужские. Уровень грамотности – высочайший, ибо должность корректора там отмерла давно. И так во всем. Посему горевать о судьбах

шведской журналистики не стоит. Давайте о своей погорюем)

Алексей Синельников Я сильно сомневаюсь, что Афтонбладет кто-то содержит. А речь и о нем в том числе.

Айрат Еникеев Представьте себе, и Афтонбладет, и Экспрессен субсидируются. Не в той степени, как прежде, но таки да. Поэтому, видимо, они самостоятельны в выборе редакционной политики. Ибо с них спрашивают не за контент, а за разумное расходование выделенного. Вот бы у нас так!

Владимир Тулупов А вот примерно полгода назад прошла новость о том, что в Англии открылись 150 муниципальных газет, и в Норвегии решили вернуть принт, потому что СМИ стали резко терять аудиторию (не только читателей, но и слушателей, зрителей, интернет-пользователей). Говорят, поняли, что поспешили со свертыванием прессы...

Айрат Еникеев Ыманна!

Алексей Синельников Нам с Северной Европой равняться сложно, там коммунальное сознание, они другие. Куда нас занесет с деформированием рынка прессы – предсказать не берусь, да и никто не возьмется. Но история государственных газет – она тупиковая, даже если во главе движения на какое-то время окажется харизматичный человек. Гораздо действеннее было бы раздать все деньги, тратящиеся на свои медиа, частным изданиям. Результат интереснее бы получился.

Айрат Еникеев Алексей, а я о чем?!

Владимир Тулупов В середине 90-х тоже так думал, пока не поработал в участковых и частных газетах... Если в случае с госсми можно хоть заикаться об общественном мнении как о четвертой власти, о журналистике как ее инструменте, то с частником, по-своему понимающим предназначение СМИ (чаще всего – прибыль любой ценой!), спорить бесполезно. И сегодня я не знаю ни одного отечественного медиамагната, который бы понимал миссию журналистики как надо...

Алексей Синельников В 90-е много всякого было. Мало кто понимал, как оно – на свободном рынке

Владимир Тулупов Тогда-то еще частник с уважением относился к редактору и журналистам, но сейчас – увы...

Алексей Синельников Беда в том, что и журналисты по-разному относятся к профессии, сильно по-разному. Вообще, у меня есть версия, что мы до сих пор пожинаем плоды того, что Комсомолка в свое время стоила две копейки. То есть ничего не стоила. Есть в этом некий символизм. Комсомолка в данном случае просто к слову пришлась.

Владимир Тулупов И журналисты виноваты, но трудно соблюсти невинность, когда вокруг столько насильников – идеологических, политических, экономических. Что же касается двух копеек, то при миллионных тиражах доходы были огогого. Правда, поступали они в парткассу. Но на Дома печати, издательско-типографские комплексы хватало. Редакторы и журналисты занимались только творческими вопросами. А «Комсомолка» 60-80-х была и читаемой, и почитаемой.

Айрат Еникеев То есть швырять миллиарды частным российским банкам в кризис – это ничто так, а субсидировать прессу вредно? Шведы поддерживают свои газеты не для того, чтобы они хвалили государство, а для того, чтобы журналисты даже в сложной экономической ситуации чувствовали себя независимыми. В этом главное отличие их «вмешательства» в деятельность СМИ от российского чиновно-воровского жлобства.

Алексей Синельников Шведы не поддерживают прессу в сложную минуту, это заблуждение. Шведские власти доводят до сведения публики данные, которые необходимо донести.

Айрат Еникеев ... через свободную прессу!

Алексей Синельников да, конечно. И нагибая прессу за государственные деньги. чиновник рискует вылететь из своего кресла с волчьим билетом.

Айрат Еникеев +столицот!

Елена Вартанова: «Журналистика – общественный институт, который производит духовные и виртуальные ценности»

Дискуссия в МГУ «Медиапрофессии XXI века», подведение итогов конкурса «Стань журналистом!» и начало приема студентов в вузы – возобновили споры о месте СМИ в будущем. Несмотря на разговоры о кризисе журналистики, на ее функции генерации смыслов в интервью «РГ» настаивает декан факультета журналистики МГУ Елена Вартанова.

– Почему журналистика попала в «демографическую яму»: в профессию, за исключением телевидения, идут, как правило, девушки, а конкурс падает?

– Журфаки действительно до 80 % по стране стали «женскими». Тенденция связана не столько с демографией – девочек у нас всего на 2-3 % рождается больше, сколько коренится в образовании. Мы понимаем, что падает престиж профессии. И не потому, что журналистика «уже не та», а просто потому, что зарплаты маленькие, а мальчишки часто исходят из базовых экономических соображений. Но есть еще итоги ЕГЭ, они, как правило, связаны с возрастной психологией и показывают, что в целом менее усидчивые и собранные мальчишки ЕГЭ сдают хуже. Девочки показывают большие баллы, что служит непрерываемой основой для зачисления. Тут у факультета нет свободы маневра, кроме творческого конкурса.

– Прием студентов 2016 года способен переломить тенденцию?

– Нам легче, чем три-четыре года назад. Теперь абитуриенты несут свои школьные сочинения, что позволяет проследить динамику их развития. Мы открыли отделение спортивной журналистики и интернет-СМИ, чтобы привлечь мальчиков, но вмешалась конкуренция – спортивная журналистика привлекает и девочек.

– Во внутренней конкуренции что престижнее – телевидение, печать, Интернет или пиар и медиаресурсы?

– Конкуренция ослаблена тем, что по модулям мы распределяем студентов после второго курса. Сначала они получают общее представление о профессии. Каждый делает личный ТВ-проект, радиный, печатный, Интернет. Это делает выбор более осмысленным. Хотя популярность телевидения остается высокой. Еще создали два новых направления – медиабизнес и интернет-журналистика. И настаиваем на двух базовых специализациях: одна из них должна быть по выбору индустрии, вторая тематической – деловая, спортивная, музыкальная, социальная, международная, политическая, литературно-художественная критика

и лайфстайл (lifestyle). В итоге выпускник журфака может комбинировать. Например, он не просто телевизионщик, способный делать новости, а он еще умеет делать спортивные телерепортажи. Кстати, в спортивные комментаторы охотно идут девушки. Как вы думаете, какое тематическое направление у студентов самое популярное?

– Может, лайфстайл и деловая журналистика?

– Не поверите – международная. На нее нет спроса на рынке, зато есть спрос у студентов. Думаю, мы находимся на том этапе, когда этот спрос формируется у общества. Геополитика – Vsexit, футбольные чемпионаты вместе с санкциями работают на конструирование запроса на этот сегмент СМИ. Второй по популярности модуль – литературно-художественная критика, что и резонирует, и соответствует идущему спору западников и славянофилов. Третий в списке лидеров – деловая журналистика.

– Журфаки всегда упрекали в том, что они выпускают «сырье», а теперь эксперты утверждают, что профессия стала «сервисной» и «технологичной» настолько, что часть навыков журналиста отмирает и ему на смену идут роботы-новостники. Что вы им ответите?

– У журналистики есть сервисный компонент. Но она не может быть приравнена ни к химчистке, ни к ресторану. Они обслуживают определенную группу индивидуальных пользователей, а журналистика обслуживает общество в целом. Она входит не в те сегменты, которые производят материальные ценности, она – тот общественный институт, который производит духовные и виртуальные ценности. Это сервис особого рода, под который постиндустриальные ученые не разработали теорию. Хотя такая теория есть – теория общественного согласия.

...А роботы... Почему нет? Работа с сырьем может быть отдана на аутсорсинг. Изложить факт может, наверное, и робот. Но осмыслить новость, встроить ее в повестку дня и сделать ее частью общественной дискуссии может только живой профессионал.

– Как вы ищете баланс между овладением медиатехнологиями и умением встраивать их в контент информационного потока?

– Сначала мы учим думать. Баланс можно найти, включив интеллект, который опирается на фундаментальные знания. Но штука в том, что то, что было балансом двадцать лет назад, не будет им

сегодня. И тут я не согласна с теми, кто утверждает, будто журналистика – ремесло, лишенное теории. Главная теория журналистики – «gate keeping», или теория привратников. Привратник не всегда держит калитку закрытой, он выпускает, но не всех. Интеллектуальный смысл работы журналиста – в обилии информации найти те темы, которые нужны сегодня обществу, и открыть калитку им. А для других, создающих избыточность и информационный шум, ее прикрыть. Избыточности откроют путь блогеры или «френды» в социальных сетях, поскольку это интересует кого-то, но не является обязательным набором гражданина.

– Вечная проблема – поиск баланса между фундаментальным образованием и профессиональной практикой – почему опять обострилась?

– В 90-е даже на журфаке говорили студентам: «Нечего тут сидеть. Идите в редакции». А в «нулевые» пошли упреки – журналисты плохо пишут, не проверяют источники, у них неправильная речь... Это все в адрес студентов, которые в 90-е ушли в редакции. Это упрек редакциям, которые говорят: «Мы все равно вас переучим». Переучивать можно тех, у кого сформирован базовый запас знаний и умение ими оперировать. Их можно дотачивать до нужд конкретной редакции. Было бы что. Поэтому мы восстанавливаем и авторитет фундаментального знания, и разнообразим практику.

– Как вы относитесь к известному тезису замминистра связи и массовых коммуникаций РФ Алексея Волина о том, что «журналистики как таковой в XXI веке нет. Есть медиакommunikation, медиасфера, в которой есть журналистика»?

– Он любит такие провокации. Разумеется, с этим противоречием невозможно не согласиться. Это противоречие – суть идущих непростых перемен в профессии. Мы же не утверждаем, что реклама не есть часть СМИ. Она – неотъемлемая ее часть, и часть экономического механизма, и часть контента. Задам вам простой вопрос – что сегодня является самым популярным медийным форматом для аудитории?

– Пост-перепост?

– Сериал. То есть 70 % аудитории к СМИ относятся как к индустрии развлечений. Поэтому место журналистики в СМИ будущего – в радио, ТВ-программах, в глянцево-журналах. Увы, оно сужается и диктует спрос не только на журналистов, умеющих писать, но и других специалистов, которые могут сопровождать информационный поток. Это тоже сервис. Те же сериалы обслуживают наше свободное время, но если сериал сделан на основе качественного медиатекста, он не только развлекает, но и просвещает, и информирует.

– Конкурс «Стань журналистом!», организованный МГУ, «Российской газетой» и «Радио России», учит журналистике или азам медиакommunikation?

– Журналистике. Медиа контент хорош, когда человек имеет представление о мире. А многоуровневое представление о мире могут давать только журналисты, которые выступают привратниками и модераторами социально значимой дискуссии. Но и социум зависит от медиа как от посредника в понимании реальности. Полагаю, мы даже представляем новый вид человека – «человек медийный», чей личный опыт опосредован медиа, а журналистика – сердцевина медиа. Поэтому «Стань журналистом!» – конкурс о том, как дети нового поколения легко вписываются в медиаконтент, но не просто – в журналистику. Им не составляет труда выложить в сети пост, сделать видеосюжет. Им играючи удается мгновенный клик, но им нелегко осилить литературный текст. Иногда нет запроса на думание.

– На ваш взгляд, в каком направлении развивается медиаиндустрия – технологизации или все же генерирования мысли?

– Генерации смыслов, общих для социума понятий и площадок, а технологии – все же инструмент движения.

Владимир Емельяненко
<http://planetasmi.ru/upravlenie/45053-zhurnalistika-obshchestvennyj-institut-kotoryj-proizvodit-dukhovnye-i-virtualnye-tsennosti-elena-vartanova>

Алексей Волин: «Журналистика – это бизнес. Кто платит, тот заказывает музыку»

Накануне, 10 февраля, замминистра связи и массовых коммуникаций **Алексей Волин** в интервью газете «Известия» объяснил свое выступление на журфаке МГУ, в котором он назвал журналистику бизнесом, не имеющим никакой миссии. Он заявил, что представления академического сообщества о журналистике и медиабизнесе не соответствуют действительности, и призвал «быть честными перед студентами».

Ранее в выступлении на журфаке МГУ Волин заявил, что студентам следует учить тому, что по окончании учебы они «пойдут работать на дядю, и дядя будет говорить им, что писать и как писать, а что не писать о тех или иных вещах, и дядя имеет на это право, потому что он им платит».

Предлагаем читателям atc.ru ознакомиться с интервью замминистра связи и массовых коммуникаций.

– Вы готовились к конференции или это был экспромт?

– Правильно сказать, что подготовка к выступлению заняла около четверти века. Ровно столько времени я профессионально работал в областях, тесно связанных с журналистикой. Я был и корреспондентом, и руководителем информационного агентства и издательского дома, занимался самыми различными медийными проектами, медиа-консалтингом. Поэтому мне очень хорошо заметна та ужасающая разница между тем, какой представляется журналистика и медиабизнес нашему академическому сообществу, и что там происходит на самом деле. Именно поэтому я посчитал важным с столь резкой форме обратить внимание на этот разрыв. И сделать это так, чтобы игнорировать проблему было больше невозможно.

– Ваше выступление — это позиция Минкомсвязи или ваша личная?

– Послушайте. Это была научно-практическая конференция. Туда зовут экспертов и специалистов. И я рассказывал как эксперт (у которого опыт практической работы точно куда больше, чем у большинства сидевших в зале), какая сегодня реальная ситуация в СМИ. Потому что тем, кто учит студентов, надо знать, что происходит в жизни. Я не говорил про планы и политику министерства. Затем началась бурная реакция, связанная с обсуждением не того, что я говорил, не споров по поводу, соответствует это истине или нет, а с тем, какую должность я занимаю. А ведь от того, являюсь я замминистра или нет, ситуация никак не изменится. Это точно моя личная позиция. Высказанная, кстати, в выходной день.

– Давно ли вы придерживаетесь позиции: «Миссии у журналистики нет, журналистика

это бизнес»? Что вас привело к такому убеждению?

– К тому, что журналистика — это бизнес, меня привел весь мой опыт работы в журналистике. Он же говорит, что истинно независимое СМИ — это такое СМИ, которое коммерчески успешно. Если вы экономически не зависите от того, что вы профессионально делаете, то есть от своего бизнеса, то вы зависите от того, кто дает вам денег. А тот, кто платит, всегда имеет возможность заказывать музыку.

Я знаю, что есть коллеги, которые твердо уверены в том, что имеют право брать деньги и потом гадить на голову их дающему. С моей точки зрения, во-первых, это неэтично, а во-вторых, в такой ситуации рука дающего начинает очень быстро оскудевать. Можно ли говорить о том, что владелец не должен и не может влиять на редакционную политику? Говорить, конечно, можно все. Но он не может не влиять.

У меня был случай в моей практике, когда мы с владельцем разошлись во взглядах на развитие издательского дома. Я сказал ему, что не согласен, но это его собственность, созданная за его деньги. И поэтому у него есть право делать так, как он считает нужным. Я считаю это неправильным, и поэтому ухожу, чтобы не мешать ему. Мы пожали друг другу руки, обнялись и до сих пор остаемся друзьями.

– На ваш взгляд, что не так с нынешними студентами, будущими журналистами?

– Очень низкая готовность к реальной жизни. Я бы сказал про чрезмерно завышенные ожидания. А ведь для того, чтобы стать настоящими профессионалами, надо начинать с нуля, много работать, в том числе и занимаясь непрестижной работой, и на первых порах немного получать. Надо досконально знать, как работает механизм. Вторая проблема — это неумение и нежелание глубоко погрузиться в тему, о которой пишешь, говоришь или снимаешь репортаж. Иногда тебе звонит журналист, задает вопрос — и ты понимаешь, что человек вообще не в теме. Это не журналист. Это подставка под диктофон.

– Какие дисциплины должны преподавать в вузах будущим журналистам, чтобы они понимали, что «журналистика — это бизнес»?

– Здесь должно быть обязательное сочетание теории и практики. Практики работы в СМИ. А среди дисциплин — экономика медийного бизнеса с упором на конкретные кейсы, медиаизмерения, вопросы рекламы. Я бы назвал это курсом практического медиабизнеса. А самое главное, кто должен это преподавать. Здесь нужны люди, которые на кончиках пальцев понимают, о чем они говорят. Такие как Гусев, Сунгоркин, Габрелянов.

– Будет ли сделано что-то, чтобы студенты журфаков учились разбираться в медиабизнесе именно как в бизнесе?

– Мы начинаем сейчас обсуждение с Минобрзаования и рядом профильных вузов страны, каким должен быть образовательный стандарт. Понятно, что требуются перемены. И понятно, что любые перемены будут вызывать сопротивление. Но если мы хотим иметь профессиональные и востребованные индустрией кадры, то на это придется пойти. Или дело кончится тем, что индустрия сама начнет их себе готовить по собственным программам. Как в свое время это стали делать продюсеры, снимающие сериалы. Опыт есть.

– Сожалеете ли вы о том, что так жестко высказались? И перед правильной ли аудиторией,

– Жалею о том, что оппоненты перенесли спор с дискуссии по существу в бросание камней в министерство. Министерство здесь было точно ни при чем. Что касается меня лично, то как Алексей Волин, переживающий за ситуацию на медиарынке, я ни о чем не жалею. И аудиторию выбрал

правильную. Это именно те люди, которые формируют у студентов представление о той жизни, в которой они окажутся после студенческой скамьи. И если эта жизнь жесткая, то и говорить об этом надо честно. А слишком долго молчали и говорили про другое. Поэтому и выбрал столь резкий тон. Как говорил один китаец, «чтобы разогнать, надо перегнать».

– Хотите ли что-то добавить к сказанному на выступлении?

– Добавлю пожелание ко всем участникам развернувшейся дискуссии: давайте будем честными перед своими студентами, оппонентами и самими собой.

Ранее ИА «Амител» сообщало, что 7 февраля, на встрече с журналистами в Казани, Волин также критиковал систему подготовки журналистов и выступил за изменение стандартов образования, направленное на обучение «универсального» и «конкурентоспособного» специалиста.

<http://www.amic.ru/news/208268/>

Алексей Волин: «Журналистики как таковой в XXI веке больше не существует»

«Есть медиакommunikации, есть медиасфера, есть медиабизнес, одним из элементов которого является журналистика», – считает замминистра связи и массовых коммуникаций РФ

МОСКВА, 21 июня. /ТАСС/. Журналистики как таковой в XXI веке больше нет, теперь она является составным элементом медиабизнеса. Такое мнение выразил заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ Алексей Волин, выступая на форсайт-сессии «Медиапрофессии 21 века» на журфаке МГУ.

«Я бы не говорил про журналистику в системе медиапрофессий, потому что журналистики как таковой в XXI веке больше не существует», – сказал он. «Есть медиакommunikации, есть медиасфера, есть медиабизнес, одним из элементов которого является журналистика. И пытаться вычленивать журналистику во что-то самостоятельное, существующее вне большой индустрии, это бессмысленно», – считает Волин.

Он подчеркнул, что журналистика, являющаяся частью медиабизнеса, состоит из двух частей: из истории журналистики и из практической части. «Ей нигде, ни в одном вузе не научат, потому что в каждой редакции практическая журналистика своя», – добавил Волин, отметив, что только на

практике будущий журналист может обучиться непосредственно индустрии.

«Если человек, придя в институт, не будет изучать всю систему, связанную с медиакommunikациями, он на этом рынке окажется чужим, потому что он должен понимать, как работает реакция, он должен понимать историю журналистики и при этом он должен понимать и бизнес-процессы, и основы рекламного рынка, и работу новых медиа», – подчеркнул Волин.

Он отметил, что сегодня в России насчитывается 160 вузов, которые готовят журналистов, и около 220, которые учат пиару. «Люди, которые готовятся к пиару, не проходя курс практического журналистского обучения, это человек, который в состоянии по факсу отправить пресс-релиз. Никаких других функциональных знаний у этого человека нет», – заявил замминистра. «Хотелось бы сначала, чтобы люди поняли, как работает индустрия, и потом уже поднимались по каким-то другим ступеням развития», – заключил он.

О практике студентов

Продолжительность практики студентов в редакциях СМИ должна составлять не меньше четырех-шести месяцев, считает Волин.

По словам замминистра, один-два месяца – это недостаточное время для практики. «Продолжительность практики должна начинаться от четырех и от шести месяцев. Мы только полтора-два месяца потратим на то, чтобы человека чему-то обучить. Извините, после этого мы хотим вернуть свои деньги назад», – сказал Волин.

Кроме того, по его мнению, «студенты должны четко понимать, что эту практику они будут проходить бесплатно, потому что это на них тратятся силы, деньги и время».

Волин подчеркнул необходимость прохождения практики в реакциях СМИ. «Если студент хочет быть просто эрудированным, образованным человеком, то он может получать фундамента-

льные знания в стенах МГУ, журфака или других учебных заведений. Если же он хочет найти себе потом в жизни работу, то он должен сочетать учебу с практикой, и чем дольше он учится, тем больше времени он должен уделять практике», – считает замминистра.

Более того, как добавил Волин, «придет он (студент) в любую редакцию и начинать будет с самой простой черновой работы, потому что первое, что он должен будет доказать в редакции, что он вообще представляет интерес».

<http://tass.ru/obschestvo/3387041>

Классификация подходов к изучению социальных проблем в условиях возрастания роли PR в массовых коммуникациях

В современном мире социальными (или общественными) проблемами называются вопросы или ситуации, прямо или косвенно влияющие на гражданина с точки зрения значительного большого числа членов социума, а также имеющие достаточно серьёзное негативное воздействие и требующие коллективных усилий для своего преодоления. Перечень социальных проблем различался на всех исторических этапах многих государств – наравне с дискурсом восприятия, нравственными ориентирами и общественными взглядами.

Начиная с XX века, было внедрено несколько подходов к рассмотрению социальных проблем:

- 1) рассмотрение проблемы как социальной патологии;
- 2) традиционные социологические подходы к социальным проблемам:
 - а) подход социальной дезорганизации;
 - б) функционалистский подход.
- 3) альтернативные направления в социологии социальных проблем:
 - а) объективистский подход;
 - б) конструкционистский подход.

В соответствии с подходом социальной патологии, социальные проблемы определялись как «нежелательные ситуации, которые можно и нужно изменить». Как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так и социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенного знания болезни социальной. Однако, начиная с 1914 года, подход социальной патологии начинает переживать медленный, но неуклонный упадок, что обычно связывают с обстоятельствами, вызванными Первой мировой войной, в условиях которой данный подход начинал демонстрировать свою несостоятельность. Он не был объясним реальностью и сталкивался с невероятно мощной критикой, основные замечания которой заключались в его зависимости от ценностных суждений данного исторического этапа.

Ускоренные темпы миграции (и, как следствие, размытие культурных и религиозных ориентиров), урбанизация и индустриализация после Первой мировой войны повлияли на становление социологии как научной дисциплины – с предметом исследования и понятийным аппаратом. Так социальные проблемы стали классифицировать как следствия общественной дезорганизации.

Согласно определению Национальной энциклопедической службы (НЭС), социальная дезор-

ганизация (или аномия) есть кризисное состояние общества, для которого характерно отсутствие гармоничности и солидарности, с одной стороны, между отдельными гражданами, с другой – между обществом и государственными структурами. Аномия – состояние общества, при котором социальные механизмы, регулирующие поведение людей либо перестают функционировать вообще, либо функционируют неэффективно. Подход социальной дезорганизации лёг в основу многих научных исследований целого ряда социологов, таких как Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Маккензи, Р. Каван, К. Шоу и Г. Маккей. Задав новый вектор социологических исследований, они представили множество примеров подростковой деликвенции, самоубийств, умственных заболеваний, проституции, бездомности и т. д. Причём в их деятельности были впервые внедрены инновационные подходы к исследованиям – от идеи различия уровней социальной дезорганизации до географического зонирования изучаемых областей (что впоследствии переросло в «Теорию концентрических зон» Э. Берджесса).

В середине XX века доминирующим направлением в социологии социальных проблем становится функционализм. Функционалистский подход заключается в выявлении условий или видов поведения, мешающих реализации общественных целей, препятствующих его нормальному функционированию или приводящих к неустойчивым состояниям. Ключевое место среди концептуальных положений этого подхода занимает понятие дисфункции как следствия иррациональной социальной деятельности, вступающей в конфликт с требованиями системы и разрушающей институциональные связи.

Следовательно, функционалисты исследуют и объясняют происхождение дисфункциональных условий или видов поведения, определяя их как социальные проблемы. Поэтому функционализм определяется как методологический подход в социологии и социокультурной антропологии, состоящий в восприятии общества в виде социальной системы, имеющей свою структуру и механизмы взаимодействия структурных элементов, каждый из которых выполняет собственную функцию. Здесь социолог выступает в роли эксперта, стремящегося к обнаружению и изучению латентных социальных проблем.

Следующим вектором исследования социальных проблем становятся альтернативные направления в изучении социальных проблем,

подразделяемые на объективистский и конструкционистский подходы. Объективистский подход предполагает наличие объективных социальных условий, осознаваемых и понимаемых большинством. Эти условия – нежелательные, опасные, угрожающие и противопоставляемые природе «здорового» и «нормально функционирующего» общества; они рассматриваются как проявления социальной патологии, дезорганизации или дисфункции. Конструкционистский подход – это деятельность индивидов и групп по выражению недовольства и выдвижению утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий. Иными словами, констатация обществом социальных проблем означает, что оно требует устранения сложившейся негативной конъюнктуры.

На сегодняшний день конструкционистский подход является одним из самых эффективных

в построении и описании социальных проблем. Разумеется, и его слабые стороны не обошла критика (имеется ввиду апелляция к «подмене понятий», когда социальные «болезни» рассматриваются как условия, а не как проблемы). Однако сильной стороной конструкционизма, бесспорно, является факт наличия концепции рассмотрения социальных проблем как динамичной последовательности определённых событий, составляющих деятельность по выдвижению обществом «утверждений-требований». Поэтому уже со второй половины 1980-х годов XX века именно конструкционизм определяет направление развития современной социологии социальных проблем.

Владимир Дорохин,
г. Воронеж

Русская газета и некоторые особенности коммуникации на фоне развития парламентаризма

Параллельно с важными переменами в общественно-политической жизни России в газетной среде с 1905 г. проявились новые тенденции.

В этой связи представляется целесообразным выделить роль массовой внепартийной газеты. Еще в советский период была хорошо изучена «левая», социал-демократическая и большевистская печать. Немало новейших отечественных исследований посвящено деятельности такого мощного отряда газетной печати, как пресса либералов и консерваторов (работы Е. В. Ахмадулина и др. авторов). Однако бесспорно интересен тот факт, что после объявления гражданских свобод манифестом 17 октября 1905 года в газетной среде активно проявились такие тенденции, как, с одной стороны, развитие партийных, с другой – массовых внепартийных изданий. Примером последних стало хорошо известное «Русское слово», тиражи которого с этого времени резко пошли вверх. В то же время социально-политическая обстановка стала оказывать влияние на характер и содержание газет, которые прежде ассоциировались с «бульварной» пресой. Речь идет о «газетах-листочках», в частности, «Московском листке».

Развитие идей парламентаризма в печати ознаменовало переход к новому уровню социально-политической коммуникации.

Плюралистические, обличительные и общенациональные тенденции в газетах накануне легализации партий, а затем и открытия первого российского парламента стали мощным фактором взаимосвязи с аудиторией. Возникновение

института парламентских корреспондентов, информация, альтернативная правительственной, ускорение информационного обмена (введение новых средств связи, телефонных линий) – все это свидетельствовало о появлении новых газетных функций. Параллельно существовали тенденции, противодействующие общественно-политической коммуникации, в первую очередь в виде административного произвола в отношении средств информации, их деятельности и распространения, а также самоуправления местных властей на линиях связи (почта, телеграф) [1, 98-100]. Еще в преддверии выборной кампании стало очевидно, что населению не хватает элементарной общественно-политической информации. Потребности этой массы читателей инициировали перемены в облике ряда таких распространенных газет, как «листочек». Популярный журналист «Московского листка» А. М. Пазухин обратился к теме выборов, поставив задачу разъяснить читателям права и обязанности как избирателей, так и депутатов. Журналист констатировал действительную потребность «среднего» читателя в коммуникации: «Такие жадно вчитываются в каждую газетную строчку, трактовующую о Государственной Думе, расспрашивают сведущих людей и толкуют, горячо толкуют, иногда ошибаясь, но всегда пылко и искренно» [2]. Таким образом, разъяснительный курс, взятый рядом газет, стоявших в стороне от «партийности»¹, отвечал, с одной стороны, объективной коммуникационной задаче

¹ Например, «Московский листок» и «Нижегородский листок», сентябрь 1905 г.

момента, с другой – способствовал развитию качественных характеристик издания. Последнее дает возможность полагать, что сложившееся ранее представление о «листочках» как газетах поверхностного содержания начинает требовать корректировки в контексте нового исторического этапа.

Рассматривая роль популярных изданий как каналов коммуникации, стоит выделить такой фактор их успеха, как открытость информации.

«Злоба дня», как показывает практика русской газеты начала XX в., становилась фактором успешности издания не с точки зрения сенсационности, а с позиций социальной значимости. Разъяснительная работа, которую начали многие внепартийные газеты в период думской кампании, снискала им доверие читателей. Неудач же

правительственных изданий, придерживавшихся «непрозрачности», непопулярность официозов² в этой связи лишней раз подчеркнули значение открытой информации, достоверности и грамотного комментария, отвечающих ожиданиям аудитории.

**Татьяна Родионова,
г. Москва**

Литература

1. Родионова Т. С. Деятели печати и первая Государственная Дума России / Т. С. Родионова – Москва, 2007.
2. Избиратели // Московский листок. – № 245. – 1905. – 4 сент.

² «Россия», «Русское государство».

Роман Баканов

«Включить мозги»: виды практической работы студентов на занятиях по медийной критике

Аннотация: в статье рассказывается об опыте Казанского (Приволжского) федерального университета в преподавании спецкурса «Медийная критика в системе современной журналистики России».

Мы убеждены, что одной из задач современного журналистского образования является подготовка практика, способного оценить риски от созданного эффекта опубликованного текста, то есть предугадать, как его слово отзовется. Важнейшим условием для этого является формирование критического мышления будущего медийного профессионала.

Учебный план подготовки журналистов в Казанском (Приволжском) федеральном университете предполагает развитие критического мышления студентов в рамках многих изучаемых дисциплин. В данной статье мы расскажем об этом опыте на примере авторского спецкурса «Медийная критика в системе современной журналистики России», включенную в программу подготовки студентов специалистов и бакалавров по специальности «Журналистика» (профиль «Периодическая печать») 12 лет назад. В настоящее время она преподается студентам выпускных курсов: бакалаврам четвертого (7 семестр, 36 часов) дневного и пятого (9 семестр, 32 часа) заочного отделений.

Целями освоения данной дисциплины являются:

- 1) формирование у бакалавров представлений о такой области журналистской деятельности как медийная критика;
- 2) формирование у бакалавров практических навыков корректного критического анализа медийных текстов всех видов СМИ, а также формирование у них собственного критического мышления [1, с. 80].

В настоящей работе, а также в рамках преподаваемой дисциплины под термином «медийная критика» мы понимаем определение, данное профессором А. П. Короченским: «особая область отечественной журналистики, призванная помочь

обществу в познании новых реалий и тенденций в деятельности СМИ. Она является одновременно и своеобразным способом рефлексии, самопознания современной печатной и электронной прессы, и общественным зеркалом, которое призвано отражать «блеск и нищету» средств массовой информации, оказавшихся в рыночной среде» [2].

Вслед за многими зарубежными и российскими учеными и исследователями практики СМИ (Н. Б. Кирилловой, А. В. Федоровым, А. В. Шариковым, С. К. Шайхитдиновой и др.) мы считаем, что формирование критического мышления прежде всего в молодежной и подростковой среде в настоящее время должно стать одной из важнейших педагогических задач.

В процессе обучения бакалавров дисциплине «Медийная критика» перед преподавателем стоит задача не только ознакомить обучающихся с таким новым для российской журналистики направлением, как медийная критика или, как ее еще называют, журналистская критика, но и помочь им попробовать свои силы в самостоятельной работе. Поэтому, на наш взгляд, на данное время оптимально можно считать следующую форму организации обучения.

1. **Лекционные занятия.** Этот блок предусматривает информирование бакалавров о теоретических основах медийной критики, не зная которых вряд ли можно качественно выполнить анализ телевизионных передач или газетно-журнальных публикаций, а также под критическим углом зрения рассмотреть и понять практику функционирования современных СМИ. Так, бакалавры должны знать, насколько актуальна сейчас журналистская критика, в чем заключаются ее цель и задачи, каковы ее объект и предмет исследования, функционально-жанровое разнообразие, различие в типах критики и т. д. Отдельное внимание преподаватель уделяет этическим требованиям, предъявляемым к каждому медийному критику, а также совместно с бакалаврами проводит обсуждение такой проблемы: в какой степени медиакритика соотносится с профессиональной этикой журналиста? В рамках лекционных занятий для лучшего усвоения знаний бакалаврами преподаватель подкрепляет теоре-

Об авторе: Баканов Роман Петрович, кандидат филологических наук, доцент ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

тические сведения примерами из современной практики отечественной и зарубежной критики средств массовой информации.

В основу данной учебной дисциплины заложена следующая идея. Все публикации в прессе, в которых критически осмысливается практика работы отдельных редакций СМИ (сейчас в российских печатных изданиях регулярно критикуется телевидение), необходимо рассматривать не как этический беспредел, а как разрозненную попытку телевизионных критиков дать аудитории представление об элементарных принципах и приемах функционирования современных масс-медиа. Обозревая «репертуар» электронных и печатных СМИ прошедшей недели, эти «внимательные зрители» не только оценивают передачи с точки зрения их художественного уровня, но и рассказывают о современных приемах манипулирования общественным мнением. Таким образом, мы считаем телевизионную критику в газетах одной из форм медийного просвещения населения нашей страны.

2. *Практические занятия.* Данная форма организации обучения направлена на то, чтобы обучающиеся с помощью преподавателя познакомились с творчеством ведущих медийных критиков федеральных и республиканских печатных СМИ. Предполагается, что, владея теоретическими знаниями в области медийной критики, бакалавр на примерах из газет и журналов, а также специализированных интернет-ресурсов может посмотреть и сделать свои выводы, как на практике выполняются / не выполняются теоретические положения. В качестве эмпирической базы используются такие издания, как газеты: «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Вечерняя Казань», «Восточный экспресс» (в настоящее время эта газета не издается), «Звезда Поволжья», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новая газета», «Новые Известия», «Реальное время», «Республика Татарстан», «Российская газета», «Труд». Журналы: «Журналист», «Журналистика и медиарынок», «Журналистика и культура русской речи», «Искусство кино», «Среда». Некоторые издания из указанного перечня уже не выходят, но в них ранее были опубликованы интересные с точки зрения образования статьи. Студентам предлагается найти и изучить их.

Практические занятия предлагается проводить в двух видах. Первый – в начале занятия бакалаврам раздается подготовленная преподавателем подборка публикаций, содержащих критический анализ телевизионных передач или материалов печатных СМИ. Обучающиеся знакомятся с каждым выступлением и совместно с преподавателем обсуждают его на предмет выявления авторской цели, объекта и предмета данного исследования, средств художественной выразительности, применяемых критиком и уместности тропов в конкретных случаях и т. п. Таким образом, цель данного

вида занятий – дать представление бакалаврам о методике критического анализа творческого произведения, а также предоставить им возможность самостоятельно провести мини-исследование конкретного медийного продукта и сделать собственные выводы по его результатам. К сожалению, освоение настоящей дисциплины рассчитано на 36 часов, то таких занятий в процессе обучения предполагается половина, т. е. 18 часов.

Второй вид обучения – *дискуссия*. Ее цель – предоставление возможности каждому бакалавру попробовать свои силы в исследовании творческого своеобразия конкретного медийного критика за определенный промежуток времени (определяется бакалавром по согласованию с преподавателем). Учащийся самостоятельно выполняет работу, а на занятии докладывает коллегам о результатах своего анализа и отвечает на возможные вопросы. При этом ему необходимо рассказать и о методике своего исследования. В зависимости от желающих выполнить такое задание преподаватель может выделять отдельные часы для заслушивания выступлений или выделять время (10-15 минут) на каждом занятии и обсуждать работу одного бакалавра.

3. *Самостоятельная внеаудиторная работа бакалавров.* Предполагает выполнение нескольких видов работ, направленных на закрепление полученного в аудитории теоретического материала, а также практических навыков самостоятельного критического конструктивного анализа медийных текстов. Задания по написанию двух оригинальных творческих заданий, содержащих анализ телевизионных передач и творческий портрет тележурналиста (ведущего телевизионных передач), направлены на тренировку профессиональных навыков подготовки журналистских текстов в двух аналитических жанрах (на большее не хватает времени). Контроль над выполнением данной формы работы должен осуществляться преподавателем регулярно на каждом занятии с оценкой остаточных знаний каждого бакалавра по балльно-рейтинговой системе.

На занятиях много времени мы уделяем не только ознакомлению бакалавров с публикациями критиков с последующим анализом прочитанного, но и формированию у каждого обучающегося собственных *объективных* критериев оценки каждого медийного текста. Помимо этого, для бакалавров важно приобрести практические навыки для подготовки собственных материалов в некоторых из жанров критики (например, рецензия, реплика, обозрение).

Работая с публикациями, мы основываемся на таких методах, как контент-анализ (анализ содержания источника) и сравнение. Они позволяют выявить «повестку дня» и содержащиеся в текстах приемы манипулирования сознанием читателей и/или зрителей. Студенты работают практически как в аудитории, так и в домашних условиях. Вот виды самостоятельной работы студента:

1) подготовка к регулярному устному опросу по теме предыдущих занятий, который проводится преподавателем в начале каждого занятия (начиная со второго, за исключением встречи, на которой предусмотрено выполнение письменной контрольной работы) и длится около десяти минут;

2) подготовка к дискуссии на тему «Первый телевизионный критик в СССР Владимир Саппак – утопист или прорицатель?»;

3) подготовка собственных материалов в двух жанрах критики (рецензия, творческий портрет телеведущего);

4) подготовка исследовательского реферата к публичной защите – анализ творческого почерка, критериев оценки произведения СМИ двух медий-

ных критиков, сотрудничающих с федеральными или зарубежными медиа за определенный период (шесть месяцев, персоналии – на выбор бакалавра из предложенного перечня);

5) подготовка к выполнению письменной контрольной работы [1, с. 95].

г. Казань

Литература

1. Баканов Р. П. Медийная критика в системе современной журналистики России / Р. П. Баканов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 116 с.
2. Короченский А. П. «Пятая власть?» Феномен медиа-критики в контексте информационного рынка. – URL: <http://old.kpfu.ru/f13/rbakanov/index.php?id=5&idm=o&num=23>

Убить журналиста

Опрос 113 американских журналистов о том, что случилось со СМИ

Какова, на ваш взгляд, сама большая проблема современных СМИ?

- Сломанная бизнес-модель, которая не гарантирует достаточного финансирования для того, чтобы журналисты могли хорошо делать свою работу.
 - Сломанная бизнес-модель, которая заставляет СМИ потворствовать аудитории.
 - Необходимость развлекать читателей и раздувать сенсации, чтобы поддерживать их интерес.
 - Приоритет оперативности над точностью.
 - Узкий кругозор или недостаточный жизненный опыт репортеров и редакторов.
 - Тенденция к раздуванию и разжиганию конфликтов.
 - Неумение или нежелание привлекать власть имущих к ответу.
 - Поверхностность.
 - Необъективность.
 - Лень.
 - Страх нарушить корпоративные интересы.
 - Невежество.
 - Выпендрей, чрезмерно агрессивный журналистский стиль.
 - Чрезмерное доверие анонимным источникам и информации, которую невозможно проверить.
 - Предвзятость.
- См. рис. 1.

Главная причина, по которой люди стали меньше доверять СМИ:

- 49,56 % - Наш политический дискурс стал более поляризованным.
 - 20,35 % - Люди в наши дни не доверяют большинству институтов.
 - 5,31 % - Люди считают, что «карманные» СМИ обслуживают корпоративные интересы.
 - 5,31% - Медиа ворошат столько плохого.
 - 19,47% - другое.
- Другие варианты ответов, предложенные самими респондентами:
- Люди считают, что СМИ обслуживают интересы тех или иных партий.
 - Интернет дал людям возможность определять для себя новостную повестку, вне зависимости от достоверности того, что попадает им на глаза.
 - Республиканцы и консерваторы десятилетиями клеветали на СМИ, потому что СМИ, скорее, отражают объективную реальность, нежели невежество политиков, которые не могут признать неудобные факты.

- Мы вычленим различия, а не сходства, способствуем разобщенности, но не строим мосты.

- Социальные сети и сетевые СМИ сделали востребованным принцип «найди того, кто скажет то, что ты хочешь услышать».

Должны ли газеты и другие СМИ сдаваться в борьбе за отстаивание политической объективности?

75,45% - нет.

24,55% - да.

Комментарии респондентов:

- Читатели ищут объективность только в фактуре: что, где, когда и как. От любой аналитики ожидают субъективности.

- «Объективность» - это плохая цель. Правильная цель - правда. И ее поиски требуют амбиций и непрошибаемых стандартов, а вовсе не «объективности».

Есть мнение, что СМИ делают ставку на плохие новости, и это приводит к росту нервозности в обществе, которое верит, что мир катится в пропасть.

57,52% - не согласны.

42,48% - согласны.

Комментарии респондентов:

- Так было всегда, посмотрите на газеты XIX века, мир на их страницах тоже не выглядел розовым.

Интернет для журналистики - это:

75,93% - хорошо.

24,07% - плохо.

Комментарии респондентов:

- Хорошо для распространения «сливов», ужасно для настоящей журналистики.

- Хорошо, потому что мы имеем небывалый доступ к источникам, к информации, но плохо, потому что Интернет способствовал разрушению привычной бизнес-модели.

- Было хорошо в течение нескольких лет, которые были золотой эрой блогов. Но затем вся энергия ушла в развитие новых технологий и социальных сетей.

Социальные сети для журналистики - это:

53,27% - хорошо.

46,73% - плохо.

Комментарии респондентов:

- Никто из нас не смог бы освещать события в Фергюсоне (массовые беспорядки, вспыхнувшие

в августе 2014 года после убийства безоружного афроамериканца белым полицейским. – Прим. «РГ») без соцсетей.

СМИ стали лучше или хуже, чем десятилетия назад?

44,04% – хуже.

36,7% – лучше.

19,27% – остались прежними.

Комментарии респондентов:

– СМИ стали более саркастичными.

См. рис. 2.

Главная задача журналистики состоит в том, чтобы:

85,84% – Просвещать читателей, рассказывать о том, что им необходимо узнать независимо от их интереса к данной теме.

14,16% – Следовать за интересами читателей.

См. рис. 3.

Какие темы и сюжеты остались «белыми пятнами» в СМИ?

Комментарии респондентов:

– Проблемы окружающей среды и изменения климата.

– Сами СМИ.

– Смерть среднего класса.

– Коррупция в конгрессе США.

– Бедность.

– Расовые вопросы.

– Локальные новости.

Какой ваш самый большой грех в журналистике?

Комментарии респондентов:

– Не работал достаточно усердно над поиском интересных и надежных источников.

– Делал «репортаж» с места события, где меня не было.

– Не проверял факты. Не «копал глубоко» из-за дедлайна, в результате статья оказалась поверхностной, в ней не было глубины и правды.

– Робость.

– Бездумно «твитнул» и выставил себя идиотом.

– Предпочел собственный комфорт (семью, карьеру) честному и самоотверженному служению серьезной журналистике.

– Не расслышал корректно имя собеседника по телефону.

– Как редактор предлагал недостаточно креативных идей и плохо мотивировал молодых журналистов.

– Разгильдяйство.

– Как менеджер новостей слишком много заботился о денежной стороне вопроса.

– Копировал информацию пресс-релиза.

Случалось ли вам хотя бы раз испытывать на себе давление, из-за которого вам приходилось раздувать из материала сенсацию или преподносить тему в том ракурсе, с которым не согласны?

55,36% – нет.

44,64% – да.

Комментарии респондентов:

– Такое происходит постоянно.

– Мой редактор никогда не слышал о художниках и заставлял меня писать так, как будто читатели тоже никогда о них не слышали.

– Когда я работал на местном телевидении, мне поручили сделать сюжет о шторме, который несет по побережью. Когда я заметил, что он нас не затронет, мне было сказано, что такая подача привлечет зрителей.

Журналисты более циничны по поводу происходящего в мире, чем их читатели?

72,97% – да.

27,03% – нет.

Комментарии респондентов:

– Да. Циничность предполагает, что вы будете задавать жесткие вопросы.

– Журналисты должны быть настроены более скептически, чем их читатели, но это не должно вести к беспросветному цинизму.

– Я думаю, многие репортеры убеждены: хорошая новость – это именно плохая новость.

– Просто помните: журналисты – тоже люди.

См. рис. 4.

Назовите историю или сюжет последних десяти лет, которую журналисты, на ваш взгляд, недооценили.

Комментарии респондентов:

– Права женщин в Америке.

– Траты правительства.

– Путин.

– Вуди Аллен.

– Сирия.

– Последствия избрания и президентства Обамы.

– Жестокость американской полиции.

– Мало вопросов по поводу иракской войны и критики этой кампании.

Какая история последних десяти лет была неоправданно раздута в СМИ?

Комментарии респондентов:

– Ким Кардашьян. Сплетни про «звезд».

– Террористическая угроза в США.

– Эбола.

– Все президентские выборы.

– ИГИЛ (запрещенная в РФ группировка. – Прим. «РГ»). Они не так страшны, как многие куда более рутинные вещи.

– Куда исчезли блондинки (шутка).

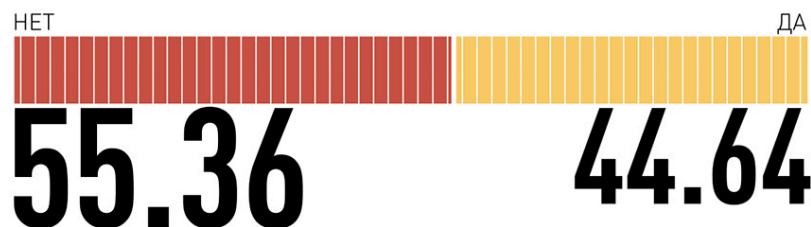
Что бы вы еще добавили?

– Мы часто заикиваемся на одних и тех же историях. Достаточно посмотреть, как антидемократически, с позиций элит наши СМИ освещали «Брексит», и сразу становится ясно, что не так с журналистикой сегодня

ВЫНУЖДАЛИ ЛИ ВАС ХОТЯ БЫ РАЗ РАЗДУВАТЬ СЕНСАЦИЮ ИЗ ИСТОРИИ ИЛИ ВЕСТИ ПОВЕСТВОВАНИЕ В ТОМ КЛЮЧЕ, С КОТОРЫМ ВЫ НЕ СОГЛАСНЫ? %

Источник: New York Magazine (опрос 113 американских журналистов, работающих в печатных СМИ, на телевидении и в электронных изданиях)

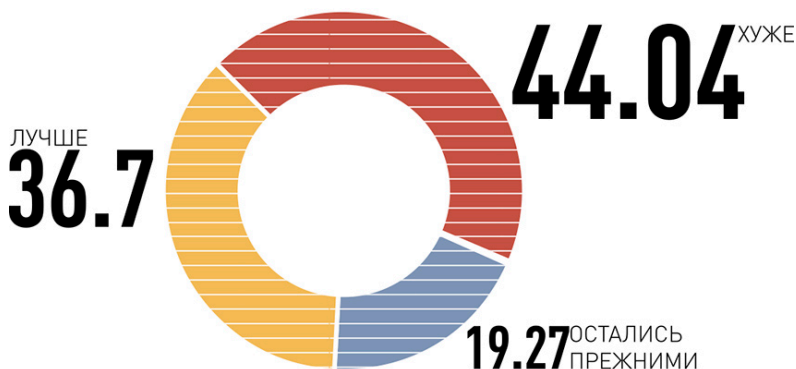
Рис. 1.

СМИ СТАЛИ ЛУЧШЕ ИЛИ ХУЖЕ, ЧЕМ ДЕСЯТИЛЕТИЯ НАЗАД? %

Источник: New York Magazine (опрос 113 американских журналистов, работающих в печатных СМИ, на телевидении и в электронных изданиях)

Рис. 2.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ЖУРНАЛИСТИКИ? %

Источник: New York Magazine (опрос 113 американских журналистов, работающих в печатных СМИ, на телевидении и в электронных изданиях)

Рис. 3.

ЖУРНАЛИСТЫ БОЛЕЕ ЦИНичНЫ ПО ПОВОДУ ПРОИСХОДЯЩЕГО В МИРЕ, ЧЕМ ИХ ЧИТАТЕЛИ? %

Источник: New York Magazine (опрос 113 американских журналистов, работающих в печатных СМИ, на телевидении и в электронных изданиях)

Рис. 4.

А как у нас

«Журналистики как таковой в XXI веке не существует»

Алексей Волин, заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ:

– Журналистики как таковой в XXI веке не существует. Есть медиакоммуникации, медиасфера, неотъемлемой частью которой стала журналистика, включающая историю журналистики, которая дает представление о том, что было в индустрии раньше, и практическая журналистика. Учиться журналистике можно, научиться без практики – невозможно. Тот, кто считает себя готовым профессионалом, делает те СМИ, к которым все меньше доверия. Учеба дает три вещи – базовую эрудицию и кругозор; умение систематизировать полученный материал; возможность социализации и обретение связей и контактов. Дальше – саморазвитие. Профессии надо учиться всю жизнь. Тот, кто на это не способен, делает журналистику, которой американское исследование вынесло по факту вердикт профнепригодности.

Владимир Мамонтов, генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»:

– К большому несчастью, выявленная New York Magazine картина похожа на нашу. Это лишнее доказательство, что мы – часть глобального мира. Возьмем конкретный изъян – приоритет скорости над точностью. Его можно легко избежать, разработав определенную технологию постоянного новостного потока: дорогие потребители, посмотрите, как новость с первой минуты развивается в наших уточняющих сообщениях... И мы доводим ее если не до истины, то до объективной картины. Это могла бы быть оговоренная с читателями «открытая картинка», но она не появляется. Утром было сказано «виновата Россия», к 12 дня, когда дым рассеялся, стало ясно – «не только Россия», а к 18 вечера – «вообще не Россия». Но новость уже «закрыта». Пропагандистская заточка вредит настоящей журналистике – и американской, и нашей.

На прессу надели смиренные рубашки. Этому есть объяснение – идет информационная война, а на войне, как на войне. Но журналистику она побуждает складывать картинку, находящуюся в несоответствии с тем, что реально видят люди.

Виктор Лошак, директор по стратегии Издательского дома «Коммерсантъ»:

– Да, и наши медиа направлены в сторону развлечения, да, и у нас первичная информация приходит из сетей. Но когда мы говорим о России, то давайте помнить, что у нас серьезная журналистика всегда была и остается главным и последним бастионом демократии. Очень многие принципы демократии – свобода слова, выбора, передвижений, – в последнее время оказавшиеся затуманенными для аудитории или потерявшими в ее глазах

статус большой ценности, для журналистов остаются понятными, ясными и ценными.

У российских СМИ много проблем, одна из самых серьезных – перерождение информации в пропаганду: когда зеркало показывает то, что хотят в нем увидеть власти, и не отражает сегодняшний мир.

Но даже когда «желтеют» качественные издания и мы становимся частью интертеймента (развлечения), мне все-таки кажется, что повестка российских медиа остается очень серьезной. Она всегда направлена на глубокие проблемы, внимательно к международному положению страны. Конечно, «развлекая, информируй» – это то, чего не было несколько десятилетий назад. Но даже преимущественно информируя, мы продолжаем быть серьезными людьми.

Елена Вартанова, декан факультета журналистики МГУ:

– Сегодня, когда люди во многих странах мира, проводят со СМИ больше времени, чем на работе или дома, у журналистики сохраняется очень большой потенциал. Журналистам надо только помнить, чья они власть, – сильных мира сего или простых людей.

Каждой власти – если она хочет быть властью – необходимы этические стандарты. Концепция журналистики как четвертой власти предполагает не только права, но и ответственность. И потому надо всегда думать о стандартах профессии. Один из ключевых – сила «четверной власти», или власти журналистики, – это ее достоверные тексты, объясняющие сложность мира, объективность, непредвзятость, и главное – уважение к своей аудитории. Но власть журналистики – моральная, она подразумевает заботу об обществе и людях, для которых СМИ работают. Поэтому доверие к журналистике – это эмоциональный контакт аудитории с теми, кто берет на себя ответственность выносить оценки всему, что происходит в обществе.

Алексей Гореславский, исполнительный директор медиагруппы компаний Rambler&Co:

– Так и есть: технологии не просто сильно влияют на журналистику, они так влияют, что порой сложно понять, куда развивается индустрия. Однако есть у этого процесса трансформации простой механизм: и читатель, и журналист часто забывают ответить себе на простой вопрос: «Зачем мне нужна эта новая технология?» Особенно не критичны журналисты, не задаваясь даже вопросом: «Для чего мне нужен именно этот инструмент?» Такое слепое следование технологиям приводит к тому, что коллеги часто не понимают запросов целевой аудитории, а делают контент по принципу: «Мне это интересно». А человек, производящий контент, должен понимать, что и когда потребитель

медиа может принять или отторгнуть. Технологии тут – лишь инструмент движения к цели. Ее же можно достичь исключительно склонностью к аналитике. И тут важно, как студентов учит думать университетская среда, так профессионалов – сообщать и анализировать – стремительно меняющаяся жизнь. Или не учит.

Даниил Дондурей, редактор журнала «Искусство кино»:

– Мне кажется, у нас все то же самое. И это, с одной стороны, свидетельствует о какой-то интеллектуальной нищете и ТВ, и медиа в целом, а с другой – об их невероятной силе. Медиа сегодня значительно больше, чем школа, церковь, семья и тем более улица, способны вылепливать у людей тот или иной тип сознания, понимания реальности и ориентации. И этот тип сознания необходим рынку. Большому рынку, поставившему себе целью быстро, много и с прибылью продавать все что угодно – вещи, события, идеи, поведенческие стереотипы, поступки. Человек с таким типом сознания хоть и не сидит на барщине и не голодает, но мне упорно напоминает средневекового человека, нового крепостного, который не ориентируется в реальности самостоятельно и зависит от того, чему его научат и что ему объяснят.

Это форматирование сознания людей при помощи жестких программ из смеси развлечений, удовольствий, лояльности, беспомощности, скан-

дальности, безответственности, желания соответствовать мне кажется очень опасным. Это детище нового информационного времени и виртуального мира, где у ТВ и интернет-сетей влияния куда больше, чем у книг, еще будет расти и развиваться. Мы испытываем своего рода футушок, рождающий ощущение, что мы переходим в мир форматированных народов и из людей можно вылепить любое количество необходимых типажей в нужной пропорции. Так что тут бы я поспорил с результатами исследования: с одной стороны, власть СМИ уменьшилась, и импичменты вроде Уотергейта невозможны, а с другой – при наличии серьезных программ с сознанием людей можно делать что угодно.

Но все, кто сегодня хочет разобраться в самом важном – а самое важное это понимание, как устроена жизнь, отчего зависит доверие, личный выбор, мораль, будущее, – идут по другой дороге, поднимаются по иной лестнице. Они читают издания экспертного уровня. Их мало, не более 10 процентов во всех сферах. Но высоколобые, умные, сложные, тонкие, понимающие искусство люди смогут найти в них ответ.

<https://rg.ru/2016/08/09/amerikanskieszhurnalisty-nazvali-glavnye-problemy-sovremennyh-smi.html>

Йозеф Горетить «Рациональный демонизм» Леонида Андреева

Аннотация: в статье исследуется творчество Л. Андреева на примере повести «Мысль».

Специальная литература по русской прозе рубежа веков до сих пор ещё не смогла удовлетворительно разместить среди многоцветных направлений эпохи творчество Леонида Андреева. Специальные работы обычно соглашались в том, что Андреев, в основном, был писателем-реалистом, который, однако, по каким-то причинам «дополняет» реализм то художественными приемами символизма, то предваряющей экспрессионизм пластичностью изображения, то обосновывающим экзистенциализм мировоззрением. Если обратимся к фактам истории литературы, то они также показывают удивительно противоречивую картину. Хотя несомненным литературным фактом считается, что после выхода в свет его продолжающего реалистические традиции первого успешного произведения – рассказа «Баргамот и Гараська», Андреев завязал знакомство, а затем подружился с Горьким. А затем благодаря Горькому и с писательской группировкой «Среда» и её издательством «Знание». На основе этих фактов, однако, всё же нельзя назвать Андреева реалистом.

С одной стороны, проблематично единство самой группировки: сюда относятся такие располагающие различными писательскими методами и менталитетом авторы, как Горький, Бунин и Куприн. Рождённые во времена дружбы с Горьким произведения Андреева сами по себе не могут называться чисто реалистическими (скорее всего в связи с ними принято упоминать романтизм и натурализм), а с самим Горьким после выхода его «Матери» Андреев уже не находит общего тона, для их отношений всё более характерной становилась вражда. И как раз при ухудшении этой связи у Андреева сложилось некоторое сближение с символистами, в первую очередь с Андреем Белым и Александром Блоком [1, 2].

И сам Андреев ощущал в своём искусстве напряжённое противоречие между направлениями, поскольку о себе так признавался: «Кто я? Для благородно рожденных декадентов – презренный реалист; для наследственных реалистов – подо-

зрительный символист» [3]. Может быть, сам Андреев стремился установить свою принадлежность к какому-то литературному направлению. И возможно, об этом свидетельствует Лена Силард [3, 124], подчёркивая, что в творчестве писателя сменяют друг друга в одно и то же время написанные произведения абсолютно различной тематики, видения мира, художественного осуществления. За двадцать лет писательской карьеры Андреев, испробовав множество творческих методов, оставил после себя несколько эклектичное творчество, в отдельных произведениях которого всё же чувствуется что-то особенно «андреевское».

Среди его произведений в качестве реалистических обычно упоминают, например, рассказы «Баргамот и Гараська» (1898), «Большой шлем» (1899), «Жили-были» (1901). В связи с показом скрывающегося в человеке животного произведение «В подвале» (1901) соотносится с натурализмом «Бездны» (1902) и «Тьмы» (1907). В качестве родственного символизму явления можно назвать рассказы «Стена» (1901) и «Мысль» (1902), предэкзистенциалистскими, более того, согласно отдельным мнениям, прямо экзистенциалистскими произведениями являются «Жизнь Василия Фивейского» (1903), «Бен-Товит» (1905), «Лазарь» (1906) и «Иуда Искариот» (1907). Экспрессионистские устремления наблюдаемы в рассказе «Красный смех» (1904), в пьесах «Жизнь человека» (1906) и «Черные маски» (1908). Характерно, что в одном из основополагающих справочников по русской литературе рубежа веков Андреева – вместе с Алексеем Ремизовым – обсуждают в отдельном подразделе в сопровождении следующего примечания редактора: «В этот раздел вошли главы о писателях двойственной, „пограничной“ (между реализмом и модернизмом) эстетической ориентации, сформировавшихся на этапе господствующего положения символизма в модернистском движении» [4, 286].

В связи с творчеством Андреева, однако, о двух проблемах следует сказать заранее.

Во-первых, творчество, касательно эстетических ценностей, достаточно неровно: и даже в таком рассматриваемом как синтез творчества произведениях, как «Дневник Сатаны» (1919), чувствуется схематичность, незаконченность.

Во-вторых, в самых лучших произведениях Андреева доминанта одного или другого из вышеупомянутых стилевых направлений хотя

Об авторе: Йозеф Горетить, директор Института славистики Дебреценского университета (Венгрия)

и очевидна, но именно в этих произведениях обнаруживаемы и другие творческо-методологические устремления. Было бы ошибкой не увидеть, например, в «Жизни Василия Фивейского» помимо экзистенциалистской параболичности реалистическое изображение среды, натурализм, показывающий биолого-физиологическую детерминацию человека, местами подвижную экспрессивность или символичность образов, мифичность устремлений к вере главного героя, а также демоничность образа.

Ни с кем другим не спутываемые черты творчества Андреева, вероятно, можно приписать тому, что в его мировоззрении сплелись в единое целое те разделы философии воли Шопенгауэра, учения о сверхчеловеке Ницше и взглядов скепико-рациональных героев Достоевского, которые были бы призваны продемонстрировать основной парадокс живущего на рубеже XIX-XX веков человека: трагедию неизбежности и невозможности индивидуального существования. По моему мнению, герои эстетически наиболее ценных прозаических произведений Андреева («Мысль», «Жизнь Василия Фивейского», «Иуда Искариот», «Красный смех») находятся в постоянной борьбе с Судьбой или Богом для обоснования своего индивидуального существования, и, как следствие, для доказательства смысла их жизни. Но, как констатирует в своей работе Ласло Каранчи [5, 191], в этой борьбе они принимают участие с сознанием неизбежного поражения.

Эта борьба разворачивается, однако, не столько во внешнем мире, как, скорее всего, в героях, ввиду того, что оправдание их индивидуального существования полагается считать борьбой против открытого в самих себе дикого зверя. Носитель или виновник грехов героя – как раз этот дикий зверь, находящийся в недоступных для самого героя слоях, и таким образом от самого героя устранивается вопрос моральной ответственности. А следствием этого является размытость границы между хорошим и плохим, т. е. некий этический релятивизм. Это с одной стороны.

С другой стороны, герой сознательно, из рациональных соображений выбирает безнадёжную борьбу, создавая видимость, что мир устроен разумно: насколько бы он ни был сложен, его закономерности познаваемы логическим путём. Понимание мира, созданного Богом, разгадка «высшего секрета» у отдельных героев Андреева приводит к такому демонизму, основой которого – парадоксальным образом – служит маниакальное доказательство заложенной в человека веры в Бога, любви к Богу (здесь мы имеем в виду, например, Василия Фивейского или Иуду).

Парадоксальность андреевских героев объяснима, все они без исключения необычны, разочарованы в себе и мире (не случайно в произведениях Андреева обнаруживается так много шизофреников и маньяков). А тесную связь рационализма и исходящего из его перенагрузки возможного разложе-

ния личности, а также сопровождающий эти два явления превосходящий сознание демонизм, на рубеже веков можно найти и во многих русских символистских произведениях художественной прозы: начиная от «Христа и Антихриста» Дмитрия Мережковского и «Мелкого беса» Фёдора Сологуба через «Часы» Алексея Ремизова до «Петербург» Андрея Белого.

В то же время этот подход глубоко укореняется в русских литературных традициях ещё XIX века. Упомянем лишь наиболее важные: «Пиковую даму» Пушкина, «Записки сумасшедшего» Гоголя, «Героя нашего времени» Лермонтова, «Преступление и наказание», «Бесов» и «Братьев Карамазовых» Достоевского, «Чёрного монаха» Чехова. И Андреев не мог и не хотел отказываться от этой традиции. Поэтому в свои произведения – в соответствии с методом прозаиков-символистов – в форме открытых и скрытых цитат включает мнения предшественников, перестраивает их, полемизирует с ними (в первую очередь с Достоевским), создавая этим такую ткань произведения из «вторичного материала», которая – поскольку несёт в себе наиважнейшую информацию данного произведения – становится его сутью. И поскольку выделенный в это произведение «вторичный материал» многозначен, действует в качестве ожидающей декодирования знаковой системы, то по праву можем считать метод Андреева символизмом. И даже в том случае, если система аллюзий, реминисценций и цитат не представляется такой многоцветной, а подход к ней не видится таким преимущественно уверенным, как, например, в произведениях Ф. Сологуба или А. Белого.

Мы можем быть свидетелями этого писательского метода хотя и в раннем, но всё же одном из самых лучших рассказов Андреева – в «Мысли». Главный его герой д-р Керженцев родился из комбинации многих русских литературных героев XIX века: он убивает так, что воспринимает убийство в качестве исполненного на себе эксперимента (как Раскольников), все свои поступки стремится поставить под разумный контроль, из которого следует раздвоение личности (как у Печорина и Ставрогина), в качестве объяснения инаковости может показать безумство либо гениальность (как в случае Коврина), метафизическим фоном его поступков и безумств является выходящий из мира Бога, в конечном итоге из неприятия самого Бога декларирующий принцип «всё позволено» человекобог (как у Ивана Карамазова). Андреев, однако, не только принимает постановку проблем, но и интерпретирует их. Д-р Керженцев в точно определённых месте и времени совершил убийство: убил своего друга, мужа своей любимой, – Савелова, к тому же в присутствии женщины. Д-ра Керженцева схватили (он и не хотел скрывать свой поступок) и поместили под наблюдение в психиатрическую лечебницу.

Произведение, по сути дела, является написанным Керженцевым и составляющим наблюдение

ние показанием, «аналитическим дневником», из которого читатель узнаёт все детали убийства. Андреев, поправ все самые элементарные правила детективной истории, ни на мгновение не оставляет сомнений в том, кто совершил убийство. Однако причина совершения убийства всё же не ясна: в заметках Керженцева хотя и возникла возможность совершённого из ревности или мести убийства, но она сразу же и опровергается: «Месть? Да, скорее месть, если уж так необходимо старое слово для определения нового и незнакомого чувства» [8, 92]. Керженцев отвергает и право на постановку вопроса, захочет ли он, подобно Раскольникову, испытать самого себя, возникнет ли у него угрызение совести после убийства или нет, решив таким образом, является ли он Наполеоном или остается червем.

В то же время речь не идёт о том, что Керженцев совершил это убийство, рисуясь в роли благодетеля человечества. Для Керженцева неоспоримым фактом является собственное превосходство, и очевидно, что прочих людей он глубоко презирает. Убийство Керженцев рассматривает, в крайнем случае, лишь как одно из своих порочных деяний, и признает его только перед самим собой. Совершённое доктором убийство экспериментальное, но этот эксперимент направлен на то, смогут ли ему поверить люди, что свой поступок он совершил по сумасшествию. С какой бы стороны мы ни приближались к проблеме, следует убедиться, что Андреев сознательно и последовательно закрыл все пути, которые бы привели к исключительной причине совершённого поступка. Керженцев именно потому совершил убийство, что в нём уже было всё то, что хотели бы найти в себе литературные предшественники, и для этого им были необходимы безумство или преступление. Керженцев сам для себя уже состоявшийся сверхчеловек, который не желает испробовать теорию на практике, как герои Достоевского, и не желает, чтобы окружающая его среда воспринимала его галлюцинации в качестве гениальности, как у героя «Чёрного монаха» Чехова. Главный герой Андреева действует в соответствии с тем, что он – по своему убеждению – уже стал свехчеловеком: если нет ничего, чему как метафизической власти Керженцев мог бы подчинить себя, тогда действительно «всё позволено».

Однако принцип «всё позволено» в рассказе Андреева не опровергается действительностью, в ходе практического осуществления не выясняется, что этот принцип этически ошибочен. У Керженцева в отличие от героев Достоевского или Чехова нет теории: «теория» Керженцева – это его жизнь, которая, в представлении Андреева, вместе со всеми ужасами всё же не противоречит состоянию мира. Поскольку в произведении до конца осталось неизвестным, виновен ли в глазах мира Керженцев или невиновен, нормален или безумен (мнение психиатров в конце рассказа разделяется поровну). Явление «Керженцев» не получило ни однозначного отказа, ни однозначного подтверждения: он

оказался таким, как сам мир. Итак, Керженцев показывает состояние бытия начала XX столетия. Не случайно А. Богданов [6, 188–205] подчёркивает экзистенциалистский характер рассказа.

Доктор Керженцев совершил убийство без какой-либо значительной причины и цели, как испытание силы, по капризности. Таким образом, существенными являются не причина или цель, а способ совершения. Доктор всё прекрасно спланировал, как в высококачественной шахматной партии (Керженцева весьма привлекают шахматные задачи): воспользовавшись своей способностью к симулированию, он постепенно уверяет свою среду, что борется с психическими расстройствами. В этом ему оказывают помощь его профессия, предыдущий прохладно-одиноким образ жизни, происхождение (отец – алкоголик, сестра – эпилептичка) и главным образом, случай (газетная статья о симулирующем эпилепсию воре). В случае соединения алкоголизма, замкнутости, эпилепсии, убийства и безумства ссылка даётся, естественно, на Ивана Карамазова и Смердякова, но таким образом, что в Керженцеве имеется как пробивающаяся из рационализма идея превосходства Ивана, так и мелкость и полуживотная жестокость Смердякова.

Созданный Керженцевым для самого себя ребус следующий: убить Савелова в присутствии его жены, но, создав видимость безумия, избежать судебной ответственности. По мнению доктора, правомочность убийства не может вызывать сомнений: для этого достаточны воля и основанный на своём интересе утилитаризм: «Я полезен. Наверное, полезнее, чем убитый Савелов» [8, 96]. Всё это Керженцев делает под постоянным контролем разума. Именно разум, приобретённое знание, образованность позволяют, как говорит Керженцев, иметь превосходство: «Живешь, словно тысячью жизней, то опускаешься в адскую тьму, то поднимаешься на горные светлые высоты, одним взором окидываешь бесконечный мир. Если человеку суждено стать богом, то престолом его будет книга...» [8, 98–99]. Но тем не менее всё это сделать так, чтобы никогда не потерять голову, разум постоянно контролирует поступки. Таким образом, абсолютно не является неожиданностью, что Керженцев на место умершего бога может поставить только разум, чистые мысли: «Я верил в человеческую мысль и в ее безграничную мощь» [8, 109].

В то же время Керженцев предполагает и другую грань отношения к миру: не осмелился ли он подойти слишком близко к огню, не стал ли и в самом деле сумасшедшим при имитации безумия. Поскольку, однако, возможность наступления безумия поднял сам доктор, он полагает, что одновременно обращается и против своего безумия: «И еще в то время, когда мой план находился только в проекте, у меня явилась мысль, которая едва ли могла прийти в безумную голову. Это мысль о грозной опасности моего опыта» [8, 100]. Аргументация Керженцева, однако, не сто-

ит ни против безумия, ни за него. Рассматривая события с позиции этой неопределённости, уже абсолютно не очевидно, что подготавливавшие убийство «притворяющиеся» припадки в самом деле произошли под контролем разума. Ведь Керженцев рано или поздно всегда совершает что-то такое, что, по его мнению, характерно для безумцев, и при упоминании которого он действует как раз противоположно этому: безумцы орут – «я не ору» – затем всё же орал; безумцы плохо спят – «я хорошо сплю» – затем всё же плохо спал. К этому ряду относится стояние на четвереньках как мотивированная повторяемость проявления заключающегося в человеке животного. По Керженцеву, стояние на четвереньках также признак безумия, о котором он отчитывается следующим образом: «Им хочется стать, вот так, на четвереньки, и ползти тихо-тихо, и потом разом вскочить и закричать: «Ага!» – и засмеяться» [8, 103].

Встречающееся в предложении и выражающее модальность словосочетание «вот так» указывает на то, что Керженцев для того опускается на четвереньки, чтобы показать, как делают сумасшедшие. Но имеется ли здесь необходимость в иллюстрировании? И какова необходимость в том, о чём Керженцев на Седьмом листке отчитался, а именно, что однажды ползал, опустившись на четвереньки? Потому ли ползал, что от этого ему было хорошо, значит безумец, или потому, что загадочное, среднего рода оно – может быть, подсознательно заключённое в нем животное – раздражило его, и Керженцев в полном владении превосходства разума ещё и этот безумный поступок мог себе позволить? Однако апеллируемый к здравому смыслу вопрос Керженцева («Кто же я – оправдывающийся сумасшедший или здоровый, сводящий себя с ума?» [8, 123]) всё же не совсем справедлив. И не совсем удовлетворительно его адресованное к психиатрам утверждение, а именно: «Когда я доказываю, что я сумасшедший, вам кажется, что я здоровый, а когда я доказываю, что я здоровый, вы слышите сумасшедшего» [8, 121]. А проблема не решается и тем, если добавим причину появления (?), поступка (?) безумия – преступления; то есть: если Керженцев здоров, тогда виновен, если безумец, тогда невинен.

Проблема заключается в сложной системе мнений произведения Андреева и тонко разработанном повествовательном приеме. Ведь вопрос, в конце концов, в том, насколько Керженцев посредством своих заметок манипулирует психиатрами, вернее, насколько автор при помощи своих заметок манипулирует читателем. На фоне указанной проблемы обнаруживается такое хитроумное ведение действия, исходя из которого, становится неразрешаемым, считают ли судьи (считает ли читатель) показания доктора искренними, нескрываемыми, открытыми, или доказательством новейшей обманчивой акции Керженцева, его фальшивого показания. Более того, идя дальше, невозможно решить, в чём хотел больше уверить

Керженцев читателя заметок: в том, что он безумец, который не несёт уголовно-правовой ответственности, или в том, что он здоров и ему нужно отвечать за свой поступок. Из показания не вытекает однозначно, какое истолкование стоит ближе всего к интересам Керженцева. Неизвестно, чего он опасается больше: чёрной пустоты окончательного безумства или невыносимого стыда от закрытия в тюрьму хранящей суверенитет и свободу личности. И невозможно решить, безумец Керженцев или нет, независимо от всего того, что он пишет или в чём он хотел бы уверить своих читателей.

Нерешаемость этих вопросов возникла лишь потому, что Андреев решил представляющуюся невозможной проблему повествовательного приема рассказа, а именно: как может быть подана история таким образом, чтобы единственная субъективная позиция рассказчика заранее исключила все другие точки зрения. При поверхностном чтении может показаться, что Андреев не применяет никакого соотносимого с художественной прозой его времени считающегося новшеством нарративного приема. С виду речь идёт лишь о том, что сформулированная в качестве показаний от первого лица единственного числа собственная история рассказа вклинивается в повествовательные рамки от третьего лица единственного числа. Однако, после более подробного исследования выясняется, что Андреев в своём нарративном приеме развивает дальше повествовательный прием «Записок из подполья» и «фантастических рассказов» («Кроткой», «Сна смешного человека») Достоевского. Достоевский эти три произведения с точки зрения повествовательной техники строит на такой фикции, что в произведении кроме точки зрения говорящего от первого лица единственного числа героя-рассказчика нет других точек зрения. Это происходит не только из-за положения рассказчика от первого лица единственного числа, а также от того названного полифоническим приемом, благодаря которому монолог героя-рассказчика ещё и интегрирует в себе прибывающие «снаружи» и ожидающие своего проявления реплики, формируя этим отношения диалога с вероятными создателями мнений. А написанное к «Кроткой» авторское примечание помимо всего этого называет фантастическим как раз тот нарративный прием, без которого это произведение не могло бы родиться, а именно, после самоубийства жены героя-рассказчика его адресованный к самому себе или к представленному лицу монолог автор незамедлительно мог законспектировать и обработать.

Михаил Бахтин в своей работе «Проблема речевых жанров» утверждает: «Существенным (конститутивным) признаком высказывания является его обращенность к кому-либо, его адресованность» [7]. Включение возможного собеседника, вернее, возможного читателя в формирование голоса рассказчика происходит в тексте Андреева довольно сложно. Ибо герой-рассказчик Андреева вынужден считать первыми возможными своими читателя-

ми судей. Таким образом, формирование его мнения в значительной мере зависит от их ожидаемых реакций. Но Керженцев вместе с этим стремится выполнять анализ своих проявлений (его прежних и настоящих поступков), то есть ему следует принять во внимание свои возможные реакции, проявляющиеся на себе самом. Реплики Керженцева рождаются из диалогического отношения симулирующей безумие преступной и утверждающей здравомыслие безумной позиций.

В результате всего этого в произведении – не только и не в первую очередь – подтверждается то положение, на которое ссылается и сам доктор, а именно, что судьи не верят ему; итак, если он твердит о безумстве, они видят его нормальным и наоборот, но и то, что между осуждаемым доктором и готовящимися его осудить судьями начинаются бесконечные «прятки»: кто может – как в какой-то большой шахматной партии (ср.: Керженцев отличный шахматист!) – всегда думать на шаг вперёд по сравнению с противником. Кстати, этот процесс можно найти уже и у Достоевского: например, диалоги Раскольникова и Порфирия в «Преступлении и наказании». Так или иначе, новым является в рассказе Андреева тот момент, что заметки Керженцева – в противовес показаниям героев «Кроткой» или «Сна смешного человека» – лишь отчасти являются спонтанными высказываниями. Возможно, мы читаем искренние показания Керженцева, но возможно (более того, вероятно), что уже сама подготовка заметок является средством обмана, то есть частью манипуляционной активности доктора. По-моему, здесь Андреев, исключая «фантастический» элемент произведения Достоевского, подвигает своего героя не на последующее за убийством моментальное признание, а на признание, отсроченное на несколько недель. И поскольку записки Керженцева могут рассчитывать на верных читателей – на судей в любом случае, – отмеченные выше «прятки» проходят не просто между героями рассказа, а и между рассказчиком и читателем. И если к этому добавить, что Керженцев чувствует в себе писательский талант и что его жертвой является писатель, достоверным представляется предположение, согласно которому Андреев в этом произведении занимало также письмо, проблема написания литературного произведения, которое читатель как раз держит в руках.

Тем более что Андреев, полемизируя с упомянутыми произведениями Достоевского, в повествовательном приеме осуществляет и другое изменение. Рассказчик повестей Достоевского от первого лица единственного числа сколько бы ни учитывал мнение возможных собеседников и в соответствии с этим формировал свой монолог, всё же не может считать исключительной свою точку зрения. Читатель может остаться вне этой точки зрения, может оценивать изображённого средствами полифонии героя без опасения ошибиться.

Андреев, однако, в «Мысли» использует не просто рассказчика от первого лица единственно-

го числа. Как уже было упомянуто, рамками произведения служило сообщение рассказчика от третьего лица единственного числа, и это означает, по-видимому, что кроме взгляда Керженцева произведение имеет ещё одну точку зрения. Однако исходящее из этого внешнего взгляда сообщение не помогает в решении вышеупомянутых вопросов. Первая половина рамки – это объективное сообщение таких фактов, которые выясняются и из рассказа Керженцева, а вторая проистекает из неуверенности Керженцева. Таким образом, внутри рассказа находится та объективная, внешняя точка зрения, по которой следовало бы судить о герое, к тому же эта внешняя точка зрения отражает ту же неуверенность, которая осуществилась уже и во внутренней.

Наряду с этим желающий принять внешнюю точку зрения читатель вынужден осознать провокативный призыв Керженцева, то есть как бы он ни реагировал на начинание Керженцева, согласно которому читателю тоже следует смело опуститься на четвереньки и немного поползти, так или иначе в созданном доктором мире он попадёт вовнутрь. Итак, в конце концов речь идёт о таком явлении, что внешняя точка зрения субъективируется, и все оценки (даже читателя): и оценка судьёй и точка зрения Керженцева попадают вовнутрь. Итак, в мире имеется единственная точка зрения, и это не что иное, как точка зрения Керженцева, или убивающего от безумия, или бегущего в безумие от обвинения в убийстве. Этот повествовательный приём, думается, абсолютно адекватен представленному Керженцевым воззрению, которое ближе всего стоит, возможно, к солипсизму и которое идентифицирует человеческую мысль, а именно мысль доктора о связи с целым миром. Естественно, и Керженцев испытывает все преимущества и недостатки этой идентификации, главным образом то, что оставшийся сам по себе со своими мыслями человек является одновременно создателем, господином и рабом своего мира. Что касается Керженцева, солипсизм видоизменился в том, что доктор идентифицирует с миром не всю личность, а только разум, мысль. И мысли он способен подчинить и свою личность: всю личность доктора Керженцева творит мысль. В ней нет чувства, предчувствия, гнева, страха – всё проявление является следствием логических соображений. Эта поведенческая форма, однако, парадоксальным образом сопряжена с иррациональным (мифологическим) результатом: отождествлением субъекта и объекта: «Вы можете себе представить мир, в котором нет законов притяжения, в котором нет верха, низа, в котором все повинуеться только прихоти и случаю? Я, доктор Керженцев, этот новый мир» [8, 127].

Закрытая в череп Керженцева вселенная (микрокосмос), однако, не превращается в космос. Вместе с распадающейся личностью этот мир также обречён на гибель. На гибель обрекает его и сам Керженцев, который, после продвижения системы

идей Кириллова из «Бесов» Достоевского, начинает считать доказуемым господство над миром, что уничтожает его: «И всю остальную жизнь я буду учиться. Я окружу себя вашими книгами, я возьму от вас всю мощь вашего знания, которой вы гордитесь, и найду одну вещь, в которой давно назрела необходимость. Это будет взрывчатое вещество. Такое сильное, какого не видали еще люди: сильнее динамита, сильнее нитроглицерина, сильнее самой мысли о нем. Я талантлив, настойчив, и я найду его. И когда я найду его, я взорву на воздух вашу проклятую землю, у которой так много богов и нет единого вечного бога» [8, 127–128].

И как раз в этой гибели представляется суть фигуры Керженцева. Доктор Керженцев – это не просто лишь расчётливый убийца или страдающий манией величия безумец. Симуляция, сформулированное на рациональной основе превосходство, одиночество, противопоставление себя миру, внутренний хаос и стремление к мироуничтожению присвоили ему звание представителя метафизической, дурной, демонической силы. И если принять во внимание также сделанное по поводу возраста Керженцева опосредованное сообщение («Когда Алексей умер, ему было тридцать один год, – на один с немногим год моложе меня» [8, 91]), тогда Керженцева следует рассматривать как какого-то Антихриста. В этом отношении решающее значение приобретает заключительная часть произведения: доктор в качестве самозащиты дважды подряд произносит единственное слово: «Ничего» [8, 128]. И эти последние слова – эта ужасная пустота, в которой доктор формулирует состояние мира. Мир окончательно очутился в когтях воплощённого в безумном враче чёрта и движется по направлению к ничему.

Поскольку время рассказа точно определяется рубежом века (убийство произошло 11 декабря 1900 года, заметки доктора были написаны за последующий месяц), находящийся в состоянии «ничего» мир так или иначе понимается как новая эра, как мир XX века. Благодаря этому пониманию Андреев однозначно может быть причислен к символистам, а именно к молодому поколению, ведь они также ассоциировали представление апокалипсиса с рубежом веков. Ближе всего такая позиция стоит, возможно, к Андрею Белому, который понял этот рубеж как страшный знак, пережил, как катаклизматическое впечатление. Объявлявших приход в мир сверхчеловека Ницше и Богочеловека Соловьёва и закрывших своё творчество произведением об Антихристе одинаково уважал Белый. Оба скончались в 1900 году.

Под знаком этого апокалиптического ожидания, экзистенциального и метафизического опустошения родились у Андреева такие замечательные рассказы, как «Жизнь Василия Фивейского», «Иуда Искариот» или «Красный смех». Эти андреевские произведения, однако, всячески отличаются в проявлении апокалипсиса от обнаруживаемых в работах символистов-прозаиков (в первую очередь Фёдора Сологуба, Андрея Белого и Алексея Ремизова) описаний апокалипсиса. Различие видится в том, что Сологуб, Белый и Ремизов конец света наряду со всеми ужасами изображают с характерным для начала XX века пародийным подходом: имею в виду, например, сцену пожара из «Мелкого беса» Сологуба, действия и намерение главного героя вызвать «мировую гибель» в «Часах» Ремизова или связанный со взрывом бомбы «конец света» в «Петербурге» Андрея Белого. У Андреева о пародийном подходе не может быть и речи: в его произведениях хотя и чувствуется мелкость и малозначительность мира XX столетия, но автор именно в этом видит ужас новой действительности. Андреев не может смехом взять верх над этим страхом, и таким образом, какими бы интересными, волнующими, хорошо составленными ни были бы его сочинения, они более односторонние, в меньшей степени нюансированные – и вследствие этого несут, возможно, более скромные эстетические ценности, чем произведения Фёдора Сологуба, Андрея Белого или Алексея Ремизова.

г. Дебрецен

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Начало века / Андрей Белый. – М., 1990. – С. 402–410.
2. Беззубов В. Леонид Андреев и традиции русского реализма / В. Беззубов. – Таллинн, 1984.
3. Секей Н. Русская литература конца XIX – начала XX века 1890–1917 / Нина Секей, Лена Силард. – Будапешт, 1981. – Т. 2. – С. 121.
4. Татаринов А. В. Леонид Андреев // Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов) / Отв. ред. В. А. Келдыш. – М.: Наследие, 2001.
5. Karancsy László. Leonyid Andrejev humanizmusa // Filológiai Közlöny, 2. – Budapest, 1972.
6. Богданов А. «Безумное одиночество» героев Леонида Андреева с точки зрения литературной преемственности // Связь времен. – М., 1992.
7. Бахтин М. Проблема речевых жанров / Михаил Бахтин. – http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата скачивания: 01.12.2015)
8. Андреев Л. Мысль / Леонид Андреев: Анатэма. – Киев: Дніпро, 1989.

Татьяна Федоренко Уличный театр в мегаполисе

Аннотация: в статье рассказывается об историческом и современном опыте европейских и российских уличных театров в контексте культурной жизни современного мегаполиса.

«Театр оказывается ажурным, как кружева интриг, и прочнейшим мостом, связывающим мечту и явь, уходящую и грядущую художественные эпохи».

В. Ю. Силунас.

Невозможно не признать, что окружающий нас мир и его восприятие современным человеком аудиовизуально изменились за последние десятилетия настолько же, насколько менялся мир в девятнадцатом веке для культурного путешественника, пересевшего из кареты, запряжённой лошадьми, в поезда и аэропланы. Изменились прежде всего скорости подачи и восприятия информации: то, с какой скоростью мы воспринимаем окружающий пейзаж за окном кареты или в иллюминаторе самолета; достаточно вспомнить первые ЭВМ 40-х, 50-х и 60-х годов двадцатого века и их возможности. Изменилось понятие временного пространства и технических возможностей человечества.

Театральные представления, при всей их консервативности, особенно классического театра, претерпевают также все большие изменения. Особенно быстро и гибко на это реагируют открытые формы уличных массовых представлений: «Эволюция жанра массовых зрелищ, связанная с активным переходом на новые цифровые технологии, заставляет по-новому взглянуть на способы создания современного зрелища, проанализировать тенденции развития средств художественной выразительности», – пишет об этом явлении заслуженный деятель искусств РФ И. Э. Горюнова [1,12].

Соответственно, все сказанное предполагает новую активную роль мультимедиа-технологий в создании аудиовизуальных средств массовых представлений и мероприятий современного мегаполиса. Для этого необходимо систематизировать и сформулировать уже существующие исторические творческие приемы уличных театров и рассмотреть возможности использования новых

средств аудиовизуального творчества этих перспективных театральных коллективов.

В современном мегаполисе во время фестивалей, карнавалов, ярмарок, каких-то театрализованных периодических юбилейных мероприятий, концертов и праздников происходит важнейшая концентрация художественного творчества профессиональных и самодеятельных артистов всевозможных жанров, и культурной жизни данного города, что воспроизводит высшие ценности, далекие от повседневности, создавая в сознании зрителей тот столь необходимый фундамент культуры, столь важный и обязательный для жизни.

«Мультимедизация культуры» приводит к существенному изменению художественной парадигмы зрелища: появившиеся в последнее время специализированные компьютерные программы позволяют организаторам и режиссерам моделировать в трехмерном виде сцену, декорации, актеров, конфигурацию светового оборудования, обогащая ранее известные средства художественной выразительности и способствуя усилению эмоционально-эстетического воздействия на зрителя – поэтому на глазах, год от года меняются всевозможные фестивали в Европе, включая необыкновенные технические новшества и получая вторую историческую жизнь.

Например, старейший в Европе Гентский фестиваль в последние годы украсили различные иллюминационные световые эффекты, пиротехнические новшества и необычное звучание современной электронной музыки, что сделало востребованным и креативным восприятие всего уличного действия шоу, не умоляя исторического звучания старинных костюмов и масок.

При этом мы исторически осознаем, что формирование городских поселений несет в себе создание новых форм социального общежития, из глубины веков выплавляя новый образ жизни, приспособляясь, изменяя, развивая и создавая новые виды уличного театрального искусства в соответствии с нравами и нормами мегаполисов. Формирование звукового образа современного театрализованного зрелища способно влиять на восприятие зрителей не меньше, чем традиционно декорационно-изобразительные элементы культурных городских мероприятий.

«Все большее распространение получает массовое представление, построенное на синтезе жанров

Об авторе: Татьяна Федоренко, соискатель Санкт-Петербургский государственный институт культуры

(театрально-музыкально-танцевальное видеошоу). Главной особенностью этих представлений является их синтезированность», – пишет И. Э. Горюнова [1,18]. Мы понимаем, что все это создается для усиления эмоционально-эстетического воздействия на зрителя и для привлечения больших масс населения на городские мероприятия.

Эволюция визуальных технических средств сделала возможным создание сложной визуальной драматургии уличного театра, пространственно-графических световых проекций: вспомним «Огни на Рейне» – традиционный и необыкновенный по красоте фестиваль Германии, включающий в себя иллюминированный лодочный парад в Рудесхайме.

Использование лазерных и пиротехнических установок, устройств для создания специальных световых эффектов, компьютерной графики и анимации 3D потребовало от создателей современного театрализованного мероприятия специальных профессиональных знаний и сформировало новую культуру восприятия у жителей современного мегаполиса. Основным методом режиссеров массовых мероприятий становится монтаж синтетического аудиовизуального театрального мультимедийного продукта. Разве можно сравнить это с веселыми и незатейливыми средневековыми шествиями шутов, буффонов, скоморохов, мимов, канатоходцев и лицедеев, которые веками хранили обычаи карнавалов и уличных фестивалей в разных городах Европы.

Хотя пример деятельности таких гениев уличного театрального шоу, как Вячеслав Полунин и Дарио Фо, творивших свое искусство очень просто и эмоционально, показывает нам вечность классических театральных приемов.

Самым рациональным является подход, сочетающий в себе исторические традиции уличных средневековых театров и мультимедийность современности городских мегаполисов – цвет, свет, музыка, текст, пластика, кинематограф, телевидение, программирование, композиция, режиссура – все это сейчас на службе у создателей уличных фестивалей, концертов, карнавалов, шоу, ярмарок и праздничных шествий.

Вообще для постоянных зрителей городских мероприятий, а таких немало и это популярно в странах мира и Европы, постепенно приходя и в культурную жизнь России, современный театральный пейзаж последних лет существенно изменился: в нем все больше начали преобладать метафоры, построенные на яркости эмоционального восприятия. В уличный городской театр все больше приходит ассоциативных, а не сюжетных связей, эпизодов-вспышек, логическое восприятие которых протраивается в восприятии зрителей, а не на сцене.

«Еще предстоит исследовать, насколько важной для сегодняшнего взлета театра такого типа – особенно его главной, визионерской ипостаси – оказалась тревога, живущая в обществе,

чувствующем себя на фоне внешнего благополучия, в окружении даров цивилизации, особенно неуверенно и непрочно, – так определяет положение в этой области Дина Годер при поддержке фестиваля «Золотая маска». – Театр, построенный на картинах, прежде всего апеллирующий к подсознанию, вырос на почве современного кризиса рационализма, из нового ощущения непознаваемости мира, страха перед ним и стремления к чудесному» [2,65].

Понятно, что зритель современного города в определенный период времени просто устал от традиционных видов культурных мероприятий, от ясных и прямых сюжетов уличного театра.

Особым направлением развития уличного театрального искусства стал так называемый «перформанс», который, в отличие от традиционных видов театра, ближе к поэтическому чтению в сопровождении музыкального произведения и может быть определен как публичный жест – поведенческий, социальный, политический. Понятие «перформанс», основанное на принятом в США термине «хэппенинг», в контексте городской культуры получило распространение в 70-е годы прошлого века. Перформанс был художественным плодом движения «хиппи» и опирался на традиции футуризма, позже перформанс получил свое развитие в эстетическом движении концептуализма: его основой служит представление об искусстве как об образе жизни, предшествующем созданию каких-либо материальных объектов, делающем их излишними. В отличие от традиционных видов уличного театра, перформансы режиссируют художники, а воплощают как актеры уличных постановок, так и все желающие.

Одной из форм современного перформанса можно назвать знакомый нам «флеш-моб» (англ. – «мгновенная толпа») – международное движение, детище современного Интернета. Суть его состоит в том, что в определенное время в определенном месте внезапно, как бы случайно, возникает толпа, выполняющая заранее согласованный план действий (иногда абсурдный и странный). После этого толпа исчезает так же быстро, как появилась. С момента своего появления в Нью-Йорке в 2003 году движение «флеш-моб» стремительно развивается во всем мире – возможно, молодежь в явлении флеш-моба привлекают отсутствие идеологической, религиозной, коммерческой стороны – участники акции обо всем договариваются в виртуальном пространстве и никогда не общаются на месте выполнения флеш-моба.

Однако последнее время мы наблюдаем противоположную тенденцию – прихотливый, тяжело нагруженный зрелищностью, не поддающийся расшифровке уличный театр, когда ни актеры, ни зрители на вопрос «о чем это?» не могут внятно ответить. Примечательно, что сама аудитория городских массовых мероприятий при проведенных нами опросах отмечала даже не красоту постановки, а то чувство общности, которое дает населению

данное уличное шоу, возможность интересно и с пользой провести свободное время с семьей и друзьями.

Веками уличный театр существовал на границах разных жанров, соединяя визуальный театр с драмой и комедией, танцем, цирком, изобразительным искусством и кукольным театром, а теперь – и с высокими видео- и медиатехнологиями.

2. Воронеж

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюнова И. Э. Режиссура массовых театрализованных зрелищ и музыкальных представлений. – Москва, 2009.
2. Годер Д. Художники, визионеры, циркачи. Очерки визуального театра – Москва, 2012.
3. Хренов Н. А. Эстетика и теория искусства 20-го века. – Москва, 2007.
4. Элкинс Д. Исследуя визуальный мир. – Вильнюс, 2010.
5. Силюнас В. Ю. Стиль жизни и стили искусства – Санкт-Петербург, 2000.

Лидия Люличева *Двое в городе*

ВОСЕМЬ МУЗЫКАНТОВ

Мимо этой двери я иду охотно,
И она, поверьте, очень мне нужна.
Из-за этой двери каждую субботу,
Лишь настанет вечер,
Музыка слышна.
Восемь музыкантов в старомодных фраках –
И цветы в петлицах, и смычки в руках –
Мне всю ночь играют Моцарта и Баха,
И печаль таится в черных их усах.
Я на ваших лицах вижу недоверье,
Ну, тогда идите и ложитесь спать.
Восемь музыкантов ждут меня за дверью –
Лишь настанет вечер, будут мне играть.

ГОРЯТ КОСТРЫ

Как я люблю октябрьские костры!
Они горят и веселят мне душу.
Сжигают листья, словно жгут мосты –
Те, что сентябрь безжалостно разрушил.

Так пусть горят осенние костры.
В них канет все, что мучает и ранит.
Разлуки, ссоры, глупые мечты –
Несите все, скорей бросайте в пламя!

Вот так. Теперь, в торжественной тиши
Придет зима и заметет овраги.
И первый снег – отрада для души,
Как для поэта – чистый лист бумаги.

Дети застыли, вниманья полны
Настал передачи час:
Делайте с нами, так же, как мы,
Делайте лучше нас
А кто нам откроет, на что мы годны
Кто нас в жизни научит:
Делайте с нами, так же, как мы
И, если можете, – лучше!

В казацких станицах есть традиция: перед домом новобрачных всю ночь жгут костры, которые, по поверью, должны охранять их всю жизнь от бед и несчастий.

Когда ты не сможешь, как прежде,
Держаться на склоне крутом,

Пусть вспыхнут, как искры надежды,
Огни, стерегущие дом.
И станет просторней жилище,
Свободней и чище жилец.
Смотрите: воспрянувший нищий
Сжигает терновый венец...
Как многое люди имеют,
Владея и злом, и добром!
Чьи руки засыпать посмеют
Огни, стерегущие дом!

ОТ ЗРЕЛОЙ ЖЕНЩИНЫ

Все соизмерив меркой высшей,
Пусть тот благодарит судьбу,
Кто среди тысяч слов услышит
От зрелой женщины: «Люблю!»
Что лепет девочки прелестной,
Хоть он доподлинно правдив
Не языком – всем бабьим сердцем
Клянется женщина в любви.
Она клянется в исступленье,
Ей не перечь, не прекословь.
Пойдет на все – на преступленье,
Чтоб защитить свою любовь.
Когда беда с тобой случится,
Она пожертвует собой.
Так разъяренная волчица
Бросается в неравный бой
И будь ты хоть презренный нищий,
Ты обрешь свою судьбу,
Когда средь тысяч слов услышишь
От зрелой женщины: «Люблю!»

Сотрет заря дорожку лунную,
Рассвет расплещется – аж ахнете!
А мы сидим и просто думаем,
А мы сидим – играем в шахматы.

Ты терпелив, ты только хмуришься,
Когда с ходами слишком мешкаю,
А я забыла все премудрости
И отдаю коня за пешку я.

Здесь на доске, сражаюсь смело я,
Здесь все понятно, просто здорово
Те, что друзья – фигуры белые,
Те, что враги – фигуры черные.

А в жизни где та краска верная,
Которой друг иль недруг значитесь?
Не разглядела я, наверное,
А может, просто неудачница?

Обороняюсь я отчаянно,
Но объявляешь снова шах мне ты...
И вдруг я сознаю нечаянно,
Что не умею. Даже в шахматы...

НА РАБОТУ НЕ ПОЙДУ!

Мне сегодня неохота –
Не пойду я на работу!
Я пойду скакать по лужам,
Как мальчишка-озорник:
Даже дождь со мною дружен,
Он сегодня – мой двойник.
Все исследуем афиши:
Что к чему, где что и как.
Даже, может быть, на крышу
Заберусь через чердак.
С царства труб и дымоходов
И воинственных котлов
С высоты взгляну на город –
Лучше многих городов.
На какой-нибудь из улиц
Вдруг увижу: ты идешь.
Бедный! Только что проснулся
И едва себя несешь.
Я приду к тебе на помощь,
Я возьму тебя с собой.
Нас в пути застанет полночь
На машине грузовой.
Ехать будет нам не скучно
Средь лесов, озер и гор.
Неприменно добродушный
Попадется нам шофер.
Когда выедем из леса,
Спросит он: «Куда везти?»
Мы попросим тихо: «В детство»,
Он кивнет нам: «По пути»...
Мне сегодня неохота –
Не пойду я на работу!

ДОЖДЬ ДЕТСТВА

Я из дождя, из ветра, из воды,
Я нынче к вам с хорошими вестями:
Смотрите, наши Чистые пруды
Покрылись дождевыми пузырями.
Смотрите, в лужах мокнут фонари
И плачут окна голубым и алым.
А дождь разбушевался до зари,
Он беспощаден к маленьким и слабым.
А я – большая, я дружу с дождем,
Хотя для вас он – лишь сплошное бедствие.
И я всю ночь стою под фонарем
И мокну в луже. Как давно. Как в детстве...

Как я люблю спешить к друзьям,
Важнейших дел отставив грудю,

И в восемь, подходя к дверям,
Все ждать – хоть маленького – Чуда.
И чудо совершалось. Раз
В тысячелетие или в вечность,
Когда две пары серых глаз
Вдруг праздновали встречу.
И становился старый мир
Простым и гениальным,
И ощущение вины
Казалось нереальным.
И выше не было наград
В той комнате опальной,
Когда усталый, тусклый взгляд
Вдруг делался хрустальным!

Уж если ты несправедлива,
То кто на свете справедлив?
П. Вегин

О, справедливость – не зови:
Чье сердце пред собой в ответе?
Закон неписанный любви –
Несправедливейший на свете!
А если б был он справедлив –
С кого из двух спросить за то, что
Уже проклюнулся разрыв
Набухшею апрельской почкой?
Когда б он справедливым был!..
Но кто осудит и освищет
Несправедливость губ, твердивших
«Люблю!», а ныне: «Разлюбил»...
Над миром праведным кричит
Святейшая несправедливость,
И сердце, что так сладко билось,
Весьма размеренно стучит.
И все ж спасительных молитв
Не прошепчу! Приму как милость
Грядущую несправедливость.
Не пожалев, не осудив!

Л. В. Соловьевой

Летят перелетный птицы,
И ты улетишь – позови.
Так хочется счастья напиться
Из чаши хрустальной любви.
Бывает, и лавры, и плаха
В одной уместятся судьбе.
Взрастет твоя малая птаха
И чашу потянет к себе.
Пока молода и красива,
И звезды играют в глазах,
Дерзка, весела и игрива,
И с песней любви на устах!
Но чаша любви – не хрустальна!
Все больше – железо да медь.
Больна, весела иль печальна –
Приходится пить и терпеть.
Жалеть и хвалить и виниться,
Спасаться, а, может, спасти...
Летят перелетные птицы –
Лети же за ними, лети!

БЕЛОЕ ТАНГО

Судьба свела нас ненароком
Под самой северной звездой,
И белой ночью в Белом море
Танцуем танго мы с тобой.
Мы только встретились глазами –
И закружилось все вокруг...
Звезда качается над нами
И кружит нас Полярный круг.

Припев:

И ты мне шепчешь: «Лидия!
Ты моя сказка, Лидия,
Мои заветные огни.
Твои глаза, как море,
Мне радость или горе
Сулят они!»
Как страшно думать о прощанье,
Но все же близится момент,
Когда без клятв и обещаний
Мы распрощаемся навек.
И мне от слез не удержаться,
И так назначено судьбой –
Найти друг друга и расстаться
Под самой северной звездой.

Припев.

Все будет – радости и горе,
Пройдут недели и года,
Но это танго в Белом море
Я не забуду никогда!
И словно не было прощанья
Среди тумана и снегов –
Во мне горят воспоминанья,
Как свет далеких маяков.
И ты все шепчешь: «Лидия...»

Из цикла «Послевкусие»

1.

Не корил и не винился –
Вышел, бледен и сутул,
Не обнял и не простился
И руки не протянул.
Мне отмерил полной мерой
И в глаза не поглядел...
Только взгляд, лучисто-серый,
Как-то жутко леденел,
Только вниз от губ – морщинки,
Только где-то у щеки,
Словно маленькие льдинки,
Все ходили желваки...

27.05.99

2.

Научилась я жить без тебя,
Это значит – живу, не любя,
Это значит, живу – не живу,
Словно призрак, по свету брожу.
Возвращаюсь под вечер домой,
Ну а дом еще дышит тобой...

3.

Этот дом еще полон беды:
В нем повсюду разлуки следы.

Вьюга вьет ледяную кудель,
Одинокая стынет постель,
И, как пара озябших утят,
Твои тапки из спальни глядят.
В доме бродит, понурившись, пес,
А в глазах его стонет вопрос...
Что отвечу я бедному псу?
Эту боль вместе с ним я несу.

29.05.99

4.

Давно перестал быть родным и желанным,
При встрече случайной кивну как чужому.
Но как же ты любишь пришельцем незванным
Врываться в мою полуночную дрему.
Дрожишь миражом, проявляясь внезапно,
Твои очертанья плывут над толпою
И гаснут, оставив лишь желтые пятна,
Как горестный шлейф за твоею спиной...
Но явишься снова, лихой и беспечный,
Как будто и не было мук отлученья...
И ранишь и манишь. Ты – крест мой извеч-
ный,
И горечь утраты, и сладость мученья!

завгуста 1999 г.
Керчь, Средняя Коса

ВОЙНА В ЛЮБВИ

Война в любви неотвратима,
Тут не поможешь, плачь-не плачь,
И твой сегодняшний Любимый
Заносит руку, как палач.
О, Как он горд собой, невежа!
Он казнь вершит в твоей судьбе –
За то, что думала ты прежде
О нем, а после – о себе,
За то, что ты своей любовью
Произвела его на трон,
За то, что стала ты рабою,
Чтоб только он не стал рабом,
За то, что все убиты чувства
И не дано понять ему,
Как тяжело тебе и грустно
Живется в собственном дому.

...

А у него лоснится рожа,
А он как будто не причем...
Постойте! Может быть, вы тоже
Всю жизнь – бок о бок с палачом?

АХ, ЛЕТО!

А летом – все ясно и просто:
За плечи рюкзак, и вперед!
Ах, лето! Я снова подросток,
И детство пылит у ворот.

Бегу по тропинке вприпрыжку,
Упруга листва под ногой.
Пацанка в коротких штанишках
С седой шальной головой.

О Боже! Я только пылинка –
Держи меня, солнечный круг!
Не чудо ли: лето, тропинка
И запахи детства вокруг...

17 августа, 1999.
Кучино.

ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ

Любимый сказал: «Ты мне, милая, верь.
Даст Бог, проживем мы с тобой без потерь.
В беде мы подставим друг другу плечо.
Мы вместе, мы рядом, ну что же еще?»

Вот рядом со мною Любимый живет.
Бренчит на гитаре и песни поет.
Пойдет на работу. Зайдет в магазин...
Он рядом со мною, но все же – один!

Я рядом с Любимым безбедно живу,
Варю и стираю, и скоро рожу.
Его поджидая, томлюсь у окна...
Я рядом с Любимым, но все же – одна!

Любимый сказал: «Ты мне, милая, верь!»
Но что ж между нами – закрыта дверь?
Мы бьемся в нее от зари до зари.
Любимый – снаружи,
А я – изнутри!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Когда придет к нам на заре
Пора отдать себя земле,
Тужить о том не надо –
Да будем мы как первый снег,
Пусть только теплится вовек
Земля – моя лампада!

ОТРАЖЕНИЯ

Неосязаемы, неосязаемы,
Словно ушедшей любви продолжение,
Всюду – потоком людским обтекаемы –
Наши застывшие изображения.

Они вырастают на тротуарах,
К стенам домов от людей прижимаясь.
Здесь мы грустили, а здесь хохотали.
Где мы с последней надеждой расстались?
Милый, возможно ли? Я спотыкаюсь,
Падаю в ноги, мешая движенью,
Но – поднимаюсь. И вновь натыкаюсь
На эти проклятые изображения!

Изображенья – за мною, за мною! –
За невиновность мою наказание?
Прочь убегаю, но кожей, спиной
Чувствую слитое наше дыханье...

Ворвать бы память из цепких объятий!
Сердце не выдержит бешеной гонки.
Ветер сметает, как крошки со скатерти,
Изображений наших обломки!

ДИТЯ

А. Стрекозову

Мужчина сходит по ступенькам,
Сынишку на руки подняв,
Несет его без напряжения,
Легко и празднично, как флаг.
А кроха мир обзрывает
От удивления сопит,
Как будто все он понимает,
Да только вот не говорит.
Он ни о чем еще не спросит.
И ощущает он пока
Лишь то, что в добрый мир выносит
Его отцовская рука.

Повесив в воздухе вопросы,
Уйдут последние часы,
И – провожающих попросит
Сойти со взлетной полосы.
И ты останешься один,
Как мальчик, брошенный компанией,
И запахи воспоминаний
Пойдут по комнатам бродить.
Но вдруг в ночное забытье
Ворвется дальний гул мотора...
Зачем так пусто и просторно
Твое притихшее жилье...

А.К.

Ты помнишь? Тревожный и зыбкий
Рассвет наш последний алел.
Стоял ты у нашей калитки
И горестно вслед мне смотрел.

Пришлось мне качаться и гнуться,
Трепал меня яростный шквал,
Но стоило лишь оглянуться –
И ты у калитки стоял.

Чем дальше то время, тем ближе –
Так прошлое мстит, уходя...
О боже! Как ясно я вижу
Дорогу. Калитку. Тебя!

Стасу

Опять дожди штрихами резкими
Мою судьбу перечеркнут,
Опять глаза – шальные, дерзкие –
Мне прямо в душу заглянут.
И в сердце что-то наболевшее
Вдруг перелетит через край,
От гроз и молний ошалевшая,
Я на ходу вскочу в трамвай.
Все встанет в памяти до мелочи:
И каждый миг, и каждый шаг,
И я себя припомню девочкой
На первых, легких каблуках.
И все закружится, закружится,
И я с подножки соскочу,

И пробегу знакомой улицей,
И к твоему прижмусь к плечу.
И мы умчимся, взявшись за руки,
И будет пахнуть лебеда...
И вновь расстанемся, расстанемся –
На год? На вечность? Навсегда...

СТОН ДУШИ МОЕЙ

Стынет кофе в стакане,
Где-то гаснет звезда.
Я тебя отпускаю
Навсегда, навсегда.
Ты уходишь незримо,
Взлет прощальный бровей...
Я бреду пилигримом
По дороге своей.

Стынет кофе в стакане,
Стынет сердце в груди.
Я тебя отпускаю –
Уходи, уходи!
Вьется дым сигареты,
Завиваясь в кольцо...
Тает в дымке рассвета
Дорогое лицо.

Стынет кофе в стакане –
Жизнь встает на дыбы.
Все минувшее канет
В Лету нашей судьбы.
Но однажды весною
Снова тронется лед –
И внезапной волною
Тебя к сердцу прибьет.

Стынет кофе в стакане....

Облака, облака, что ж вы сделали?

ТРАМВАЙ В ЛЕТО

Словно солнышком согрета,
Я в трамвайной толчее
Вижу надпись: «Скоро лето!»
На заснеженном стекле.
Буквы чётки, как на фото,
И легли одна к одной.
Не ребенок – взрослый кто-то
Вывел твердою рукой.
Для движения планеты
Есть закон календаря,
Но безумец жаждет лета
В середине декабря!
Чьим-то локтем я задета.
Кто-то слово бросил след...
«Скоро лето, скоро лето» –
Сам собой звучит напев.
С этой песенкой не спетой
Отступает маята,
Проступают краски лета
В звуках скрипки и альта.
Я в метели, как в тумане,

Но глядится в душу май.
Над снегами, над домами
Мчится в лето мой трамвай!
Значит, есть надежда где-то,
И не век нам жить во мгле,
Если пишут: «Скоро лето!»
На заснеженном стекле.

ПОГОДА В СЕРДЦЕ

Дуют стылые ветра,
Наши чувства на исходе –
По такой дурной погоде
Уж не тянет со двора...
Веет белая метель,
Наши встречи все короче.
Снится долгой зимней ночью
Мне апрельская капель...
Подступает Новый Год,
Там – крещенские морозы,
И еще не скоро грозы
Растревожат небосвод.
Вьюга в спину: баю-бай,
И нас кружит что есть мочи
Колдовство январской ночи,
Засыпаешь – засыпай...
Нас баюкает февраль,
Расплескавшись в белой качке,
И от этой долгой спячки
Мы оправимся едва ль...
Баю-баю, милый мой,
До – свиданья, до – забвенья...
Золотой пушистой тенью
Фонари над головой.
Опускается покой
На усталое селенье.
И вершится звезд круженье
Над тобой и надо мной...

БУДЬ ГОТОВ...

Когда придет неожиданный час –
Пора последнего прощанья,
Да будут чистыми у нас
Душа и ум, и одеянья.

В себя внимательней глядись.
И каждый день, почтивши Бога,
В одежды белые рядись
И стой готовым у порога!

На 20-й День поэзии ВГУ
(подражание Белле Ахмадулиной)

Друзья мои! Ужель двадцатый год,
Капризным мартом выгнанный из дому,
Мелодией поэзии влекомый,
Стекается на праздники народ?

Все это так. Минуло 20 лет
С тех пор, когда впервые с этой сцены
Спорхнули в зал слова. Учились стены
Ловить и отражать высокий свет.

Как вы добры! Хотите, я умру?
Но жить, страдая, потому что снова
Торжественный возникнет праздник слова,
А мне не пировать на том пиру?

Скорей! Пальто и шапку – и бегу!
Быстрее, чем язык в скороговорке,
Бегу дать объявление в «Вечёрке»:
«Меняю ЦДЛ на ВГУ»!

ПОД СТУК КОЛЕС

Поезд, полка боковая,
Ноги некуда девать.
Мне от края и до края
Мало места, чтоб лежать.
Потому-то мне не спится,
Тело ноет и болит.
И душа кричит, как птица,
Что никак не улетит.
Поезд мчится сквозь селенья,
И вагон ночной затих.
Мне в бессонные мученья
Вполз тихонько этот стих.

Ну и пусть себе вползает,
Я его не буду гнать.
А душа-то все страдает:
Ноги некуда девать!

01.12.99. Москва – Воронеж.

ОДНОКУРСНИКАМ ПО ФИЗФАКУ ВГУ

Друзья! Минуло десять лет.
Они, как дымка, пролетели.
Уж прежней молодости нет,
И песен мы давно не пели.
А помнишь, ездили в колхоз
И «Померанцевую» пили.
И Федосееву всерьез
Сдавать по сорок раз ходили.
...Уж на поверхностях столов
Шедевры наши не сверкают.
Другие парни с вечеров
Сокурсниц юных провожают.
Так вспомним нашу юность вновь.
Кто врет, что мы седы и пьяны?
За наше братство, за любовь
Нальем и сдвинем мы стаканы!

Виктор Хорольский Наши студенты...

В первой пробе моих воспоминаний о жизни, написанных для «Акцентов» Во дни «сомнений» и «раздумий», было немало сказано о вузовской жизни, но я все же мало сказал о студентах. А ведь это не деталь. Для каждого вузовского преподавателя это стержень воспоминаний. Для меня слово «студент» почему-то ассоциируется со словом «общезитие». Об этом и пойдет далее речь...

Жилья в России никогда не хватало, квартирный вопрос испортил не только и не столько москвичей, а ипотеки в годы развитого социализма фактически не было. В общежитиях жили (да и ныне живут) тысячи семей. О студентах даже в годы процветания никто особо и не думал. Суровая школа жизни, полуголодная молодость, водка на всех из горла. Иногда наркотики, впрочем, не часто. Это сегодня в моде, тогда на наркоте не хватало денег, слухи о бойкой торговле зельем в общежитии сильно преувеличены, причем теми, кто там редко бывал, так что Ольга Дурова нарисовала в «Пустыне» очень неточный гротеск, пародию на воронежскую общагу. Да, торговля спиртным и черню имела место быть, но в каких масштабах? Это не было цунами, а так, волнение в три-четыре балла. Сейчас все в стране круче и в то же время обыденнее и горше.

Наша коммунальная страна не может и вряд ли сможет в ближайшие десятилетия обойтись без общежитий. Коммуналка действительно сближала почти всех, давала одиноким кров, хлеб, вино, общение и чувство локтя, чувство принадлежности к коллективу, к своим. Базовый инстинкт! Коммуналка всегда была символом нашей соборности и софийности. И не только в дурном смысле, хотя и в нем, чаще в нем. В смысле совместных акций вроде коллективной попойки. Идеализация коммунальных действий, изображение отрадного духа товарищества, воспроизведение быта квартир-хрущевок, бурной жизни заводских и вузовских общежитий. Правда, если писать честно, то общежитская советская соборность имела и оборотную сторону. Ведь она вела не просто к тесноте и скученности, к случайным беспорядочным связям, но и к потере индивидуальности. Забитым неимущим народом легче править. Да и народ в тесных комнатухах редко вырастал крепкий. Эпоха застоя... Привычка жить в большой семье, существовать роем, кучей, колхозом помогла в студенческие годы, но идеализировать жизнь «в-нашей-буче-боевой-кипучей» я, в отличие от Маяковского, никогда не собирался. Основными лейтмотивами

моих статей в местные газеты в 1970-е гг. были недостатки быта в общагах и пороки власти. За что и выдали направление в глухое село...

Общежитие в Кубанском университете в 1970-е было в чем-то мягким вариантом казармы, а в чем-то – жестким вариантом другого казенного заведения. Староста третьего этажа Виталий Базаев, бывший старшина, знал свое дело, следил как мог за чистотой, сурово наказывая всех раздолбаев вроде Хорольского или Пятакова за неповиновение, тем паче – за критику армейских порядков. И как-то в пьяной злобе студент Пятаков, за которым стоял сам спортсмен-разрядник Виноградов, боксиовавший часами в умывалке (бой с тенью, салага), ночью после «пати», почти на автомате спросонья помочился в чайник, стоявший под кроватью старосты, с которым проживал в комнате № 346. Базаев, глотнув поутру, тоже спросонья, после вечеринки, «чайку» из горла, долго бегал за Пятаковым по этажу, а когда тот заскочил в нашу комнату, то «дед» долго гонялся за всеми нами, выискивая крайнего... Его лицо и сейчас всплывает в памяти злобно-комическим пятном. Или еще мелкий грустный анекдот, вспоминаемый на встречах выпускников как веселая шутка.

Студент Юрин, сын доцента Юрина, как-то вечером, придя в гости в общагу, якобы за контролем, после очередной попойки, или «пати», долго ходил по коридорам с криком «Спать пора! Schlafen!!!». Народ испуганно выскакивал в коридор, ругался и «сваливал». Я в то время выехал на субботу и воскресенье домой, в Абинск, рассказываю со слов студента Харитонов. Студент Юрин разбудил почти всех спящих, а затем, зайдя в нашу комнату, выстрелил из стартового пистолета над ухом крепко спящего Харитонов, а когда тот подскочил, Юрин закричал: «Пожар, пожааар!!!». Харитонов спросонья почему-то полез в тумбочку и стал лихорадочно выбрасывать оттуда содержимое: книги, зубную пасту, носки, он искал письма из дому. Всем было весело, все поняли, что спать придется немного, хорошо, что субботняя ночь, утром можно не вставать. И все бы ничего, но Юрин посмеялся и над письмами, без драки не обошлось. И мелкая обида осталась на всю оставшуюся жизнь. Жизнь эта и наказала филолога Юрина. Он тоже стал преподавателем, кажется в завшивленном пединституте. А ведь был сыном приличного отца. That's it!

Хрущевки и общаги вели Россию не только к коммунизму и добрососедству, но и к политиче-

ской деморализации населения. Конечно, были там и душевные беседы, песни, анекдоты на общей кухне... Кухонная демократия, вновь вернувшаяся в начале двадцать первого века в Россию, в годы брежневизма была, как мы все хорошо знаем, отдушиной для многих интеллигентов. В годы ранней перестройки такие формы общения не вызвали аплодисментов, хотя и спорить с их пафосом никто не вызывался.

Если вспомнить украинские общаги в годы Брежнева, то и тогда кое-где у нас порой, несмотря на зоркое чекистское око, появлялись злобные неудачники, которым не нравилась власть. Они собирались в читалах и кухнях, делились мнениями о застое, удивлялись мизерным зарплатам и отсутствию жилья. Молодые преподаватели делили со студентами тяготы совковой реальности. По субботам были танцы. Или что еще – встречи с писателями, например. А контакты со студентами, все эти субботние «танцы, шмансы, зажимансы», как шутили на кухне, очень даже неплохо «тонизировали», особенно когда жены бывали в отъезде.

В 1990-е годы студенческие общежития почти повально были грязными и неухоженными. Воронеж был в этом смысле еще в середнячках. Кемеровские общежития запомнились, как запоминаются кошмарные сны, в центре которых битые бутылки, стекло на полу, отсутствие воды и пьяный комендант. Украина была чище, но и там случались многомесячные ремонты, когда комнаты студентов и преподавателей становились осажденными фортами с воющими от тоски детишками, для которых не нашлось места в яслях.

В Воронеже я прошел испытание уборкой общаги... ВГУ еще держал планку из-за иностранцев, однако планка в годы ельциновских реформ стремительно падала. В туалетах наших общежитий в 1990-е годы было еще грязнее, чем в привокзальных сортирах при коммунистах, хотя, спросим себя: причем здесь политика, если национальная традиция всегда была такой, и эту традицию хорошо выразила в свое время баба Анна из села Ощепково, что под Ярославлем, где и жила моя родня по материнской линии. Она сказала: «Любите то, что есть, а нет – так ищите свое место». Так и жили люди русские веками среди мусора и немытой посуды, не теряя при этом ни оптимизма, ни доброты, ни жажды жизни. Запивали чувство стыда бормотухой, выражали свое неудовлетворение в драках, сжигали под горячую руку чужое добро, своего не было... Но вернемся к мусору. К главному национальному богатству и явному позору России. Мусор, когда он снова накопился на 6-7 этажах, таскали вначале мои дети, потом помогали два моих дипломника, потом подключили африканскую диаспору, использовали рабский труд того же чернокожего студента по имени Яя, о котором с неоснованной иронией пишет и автор романа «Пустыня», называя африканцев «лемурами». Жаль, что Ольга так не любила африканцев, мы с ней на этой почве разругались, я в сердцах посоветовал ей уйти

с факультета, пойти снова работать в газету, так как людей – любых – надо любить по определению, а она была, на мой взгляд, неспособна на это. Увы, бытовой и расистский снобизм завел ее в пустыню одиночества.

А людей, даже студентов (стандартная преподавательская шутка), надо любить при любой погоде. Иначе, зачем все наши лекции, беседы, клятвы?! Понимаю, проблема есть. Любить людей легко в теории, а глядя на грязную кухню, где неделя стоят немытые кастрюли, труднее. Но надо, без скрипа зубовного, без позы, без разговоров. Без Библии, без парткома, без рекламы, без дневников. Без раздумывания в поезде, без саморефлексии. Вот лишь один эпизод...

Ольга написала в своем романе о выселении из комнаты Розы Аделаид. Я уже отмечал неточность изложения. Но раз спор был, то повторю детали. Красавица из Сирии Роза жила одна в комнате на седьмом этаже, которую она откупила у комендантши Нины за скромную по нашим временам сумму. Когда в деканате прознали (с подачи студентов, вестимо) про такую вольготную жизнь небедной арабской девушки, послали меня как зам декана по быту с миссией: надо было без скандала, но срочно переселить гостью из Сирии в комнату к двум (а не шести, как писала Ольга) африканкам. Но для Розы и эта новость была трагической. Она не понимала, как можно жить в одной комнате с кем-то, тем более с дикими студентками из Африки.

Ее истерика была настолько искренней, что я посочувствовал и ей и себе. Приказ надо было выполнять. Я стал перебирать варианты. Тогда иностранным учащимся еще не разрешали жить вне общежития. Переселить ее на другой этаж, где жили семейные студенты, я не имел права. Стал думать, к каким русским девушкам можно было подселить Розу. Но в этот миг она, взяв коврик, сказала: «Хорошо, я освобождаю вашу комнату, но лягу на полу в коридоре». И вышла за дверь, постелила ряднущку, демонстративно улеглась, привлекая внимание проходящих студентов. Видя, что мои уговоры не возымели на нее никакого воздействия, я стал пристраиваться рядом, чтобы выразить свою солидарность с бедной девушкой. Сказал, что останусь с ней на ночь, чтобы никто не обидел, хотя Роза была девушкой нехрупкой и в защите явно не нуждалась. Она стала меня слегка отталкивать, но коврик был неширокий, да и коридор тоже. В ходе нашей возни она перестала плакать, а потом начала смеяться. Студенты стали собираться возле нас кучкой, появился фотоаппарат. Зрелище было неординарное, о нем потом долго вспоминали. Почему фантазия Ольги была столь болезненна? Она приплела, что это все происходило у студентки в комнате, а это была бы совсем другая история, мне подобные комплименты уже не нужны. Все было на виду. Абсолютно безобидно, мы подружились с Розой надолго, а ее квартирный вопрос решился уже через месяц: она вышла замуж и съехала с нашего этажа. А перед отъездом в Сирию, по-

дарила мне икону, она была истовой христианкой, хотя дружила с мусульманами всегда, как и я. Икону храню.

Широко известен в узких кругах эпизод, когда я после рейда по седьмому этажу, отпраздновав со своей группой в одной из комнат праздник Рамадан, в хорошем настроении шел, а точнее, плелся, к остановке у памятника Славы. Где-то часов в десять (вечера, вестимо) натолкнулся на студентку из Ганы, на Яву, которая возвращалась из общежития, что на ул. Энгельса, 6... после посиделок по случаю дня рождения какой-то студентки из той же Ганы, а может из Замбии, кто теперь упомянет. Ява с трудом шла меж общежитиями, слегка плутая, а иногда она озиралась по сторонам. Но меня она узнала, к тому времени я всех студентов уже всех достал советами убрать кухню. Мы разговорились. Слегка поддерживая не очень трезвую студентку, я повернул назад, в сторону общежития № 7. Но разворот получился неловкий, пришли в общежитие для рабочих, что стоит перед студенческим, перед № 7. На вахте чужого общежития дежурная спросила, куда гости направляются.

– Как куда, вы что, не видите, что это я, куратор общежития? – бросил я ремарку, подтаскивая студентку к лифту.

– Эй вы, шалавы, вы здесь не живете, своих я знаю. Пошли на ... я сейчас милицию вызову, она вас, кураторов, быстро определит куда надо, – отреагировала дежурная.

– Я не понял...

Я задумался о дискурсе вахтеров в контексте теорий Хабермаса и Остина, но не нашел там ничего, кроме «нахлына», как выражался Солженицын (мир праху его!), варваризмов.

– Сейчас поймешь, в вытрезвителе, пошел вон отсюда, и свой рубероид забирай, вытряхивайся быстро отсюда. Дежурная уже была рядом, предчувствуя боевую схватку. Так жизнь скучна, когда боренья нет, как говорили поэты прошлых эпох.

К счастью, к этому моменту вид чужого, хотя явно однотипного интерьера, отрезвил нас, мы дружно начали просить прощения, доказывать, что не за тем пришли, а скоро и вовсе благополучно ретировались. Побродив вокруг здания родного факультета, обсудили достоинства русской водки и к 12 часам добрались до седьмого этажа, где Ява упала в своей комнате на пол, а подоспевший староста этажа Виталий дал ей воды. Она подарила нам по книге на английском языке. Я книгу эту храню, как и икону Розы. Как память о хороших днях... Где ты, Мисюсь?

EDITORIAL

Vladimir Tulupov

Journalism Education of the New Millennium 2

STARING THE ISSUE

Vasily Tulupov

Reflecting Media Sphere Phenomena 4

THEORY AND PRACTICE OF JOURNALISM

Victoria Dabezha

Virus Information and Virus Editing in the Internet 7

*The article dwells on the phenomenon of the information virus spreading, readers' general reaction to the news (virus editor index, commentaries, links) etc.***Kirill Nesterov**

Interview of Immediate Interest 11

FOREIGN JOURNALISM

Murat Temirov

Viewing from Beyond 27

Roman Kornet

Transforming the Image of a Journalist in American Fiction Movies of the XXI Century 33

The article dwells on the evolution of the journalist image in the contemporary American cinematography.

ENCYCLOPEDIA OF BLACK SOIL REGION JOURNALISM

«Kalaceevskie Zory» 38

«Kantemirovsky Vestnik» 40

«Countryside Sunrise» 42

DISCUSSION

Vyacheslav Zoporozhets

Revisiting the problem of More Dead than Alive «Rayonki» 44

Elena Vartanova

Journalism as an Institute Producing Spiritual and Virtual Values 52

Aleksey Volin

Journalism is Business. The One who Pays, Has the Upper Hand 54

MESSAGES 57

METHODS

Roman Bakanov

«Kicking in Brain»: Types of Students' Practical Work at Media Criticism Classes . 60

The article tells about the course of Media Criticism in Contemporary Journalism in Russia taught in Kazan Federal University

DIGEST

To Kill a Journalist 63

LITERATURE

Jozsef Goretity

«Rational Demonism» by Leonid Andreev. Revisiting the Story «Thought» 68

The article analyses the works by L. Andreev as exemplified by the story «Thought»

Summary of the Issue

CULTURE

Tatyana Fedorenko

Street Theatre in Metropolitan City 74

The article dwells on the historic and contemporary practice of European and Russian street theatres as part of the cultural life of the modern metropolitan city.

WORKS OF OUR COLLEAGUES 86